

VISIT...

LANZAROTE  
*Caliente*.com

ПРОВЕРЕНО

Эдмундъ Гуссерль.

1962

1961 г.

Принято в 1953

# Логическія изслѣдованія

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОЛЕГОМЕНИ КЪ ЧИСТОЙ ЛОГИКѢ.

Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго

Э. А. БЕРШТЕЙНЪ

подъ редакціей и съ предисловіемъ

С. Л. ФРАНКА.



*Посвящается*

*Карлу Штумпфу*

*въ знакъ уваженія и дружбы.*

## Предисловіе автора.

Логическія изслѣдованія, опубликованіе которыхъ я начинаю съ этихъ пролегоменъ, вызваны были неустрашимыми проблемами, на которыя я постоянно наталкивался въ моей долгодѣтней работѣ надъ философскимъ уясненіемъ чистой математики, и которыя, въ концѣ концовъ, прервали ее. Въ частности, наряду съ вопросами о происхожденіи основныхъ понятій и основоположеній математики, эта работа касалась также трудныхъ вопросовъ ея метода и теоріи. То, что въ изложеніи традиціонной или всякаго рода новой логики должно было бы казаться легко понятнымъ и до прозрачности яснымъ, а именно раціональная сущность дедуктивной науки съ ея формальнымъ единствомъ и символической методикой, представлялось мнѣ, при изученіи дѣйствительной природы дедуктивныхъ наукъ, темнымъ и проблематичнымъ. Чѣмъ глубже я анализировалъ, тѣмъ сильнѣе сознавалъ, что логика нашего времени не доросла до современной науки, которую она все же призвана разъяснять.

Особенныя затрудненія испыталъ я, занимаясь логическимъ изслѣдованіемъ формальной ариметики и ученія о многообразіяхъ (Mannigfaltigkeitslehre),—дисциплины и метода, выходящихъ за предѣлы всѣхъ специальныхъ числовыхъ и геометрическихъ формъ. Это изслѣдованіе привело меня къ соображеніямъ весьма общаго характера, возвышавшимся надъ сферой математики въ узкомъ смыслѣ и тяготѣвшимъ къ общей теоріи формальныхъ дедуктивныхъ системъ. Изъ множества намѣтившихся при этомъ проблемъ я упомяну здѣсь лишь объ одной группѣ.

Явная возможность обобщеній или видоизмѣненій формальной ариметики, путемъ которыхъ она, безъ существен-



наго нарушения ея теоретического характера и счислительной методики может быть перенесена за пределы количественной области, должна была привести къ мысли, что количественное вовсе не относится къ универсальной сущности математического или „формального“ познания и вытекающего изъ него счислительнаго метода. Когда я затѣмъ въ лицѣ „математизирующей логики“ познакомился съ дѣйствительно неколичественной математикой, съ неоспоримой дисциплиной, обладающей математическою формой и методомъ и изслѣдующей отчасти старыя силлогизмы, отчасти новыя, неизвѣстныя традиціонной логикѣ, формы умозаключенія, тогда предо мною стали важныя проблемы объ общей сущности математическаго познания вообще, о естественныхъ связяхъ или возможныхъ границахъ между системами количественной и неколичественной математики и въ особенности, напр., объ отношеніи между формальнымъ элементомъ въ арифметикѣ и формальнымъ элементомъ въ логикѣ. Отсюда я, разумѣется, долженъ былъ прійти къ дальнѣйшимъ, болѣе основнымъ вопросамъ о сущности формы познания въ отличіе отъ содержанія познания и о смыслѣ различія между формальными (чистыми) и матеріальными опредѣленіями, истинами и законами.

Но еще и въ совершенно иномъ направленіи я былъ втянутъ въ проблемы общей логики и теоріи познания. Я исходилъ изъ господствующаго убѣжденія, что, какъ логика вообще, такъ и логика дедуктивныхъ наукъ, могутъ ждаты философскаго уясненія только отъ психологіи. Соотвѣственно этому психологическія изслѣдованія занимаютъ очень много мѣста въ первомъ (и единственномъ, вышедшемъ въ свѣтъ) томѣ моей „Философіи арифметики“. Это психологическое обоснованіе въ извѣстныхъ отношеніяхъ никогда не удовлетворяло меня вполне. Гдѣ дѣло касалось происхожденія математическихъ представлений или развитія практическихъ методовъ, дѣйствительно опредѣляемаго психологическими условіями, тамъ результатъ психологическаго анализа представлялся мнѣ яснымъ и поучительнымъ. Но какъ только я переходилъ отъ психологическихъ связей мышленія къ логическому единству его содержанія (единству теоріи), мнѣ не удавалось добиться подлинной связности и ясности. Поэтому мною все болѣе овладѣвало прин-

ципальное сомнѣніе, какъ совмѣстима объективность математики и всей науки вообще съ психологическимъ обоснованіемъ логики. Такимъ образомъ, весь мой методъ, основанный на убѣжденіяхъ господствующей логики и сводившійся къ логическому уясненію данной науки путемъ психологическаго анализа, пошатнулся, и меня все болѣе влекло къ общимъ критическимъ размышленіямъ о сущности логики и, въ частности, объ отношеніи между субъективностью познания и объективностью содержанія познания. Не найдя отвѣта въ логикѣ на вопросы, уясненіе которыхъ я отъ нея ждалъ, я въ концѣ концовъ былъ вынужденъ совершенно отложить въ сторону мои философско-математическія изслѣдованія, пока мнѣ не удастся достигнуть безспорной ясности въ основныхъ вопросахъ теоріи познания и въ критическомъ пониманіи логики, какъ науки.

Выступая теперь съ этой попыткой новаго обоснованія чистой логики и теоріи познания, явившейся результатомъ многолѣтняго труда, я надѣюсь, что самостоятельность, съ которою я ограничиваю свой путь отъ путей господствующаго логическаго направленія, ввиду серьезности руководившихъ мною мотивовъ, не будетъ ложно истолкована. Ходъ моего развитія привелъ къ тому, что въ основныхъ логическихъ взглядахъ я далеко отошелъ отъ произведеній и мыслителей, которымъ я больше всего обязанъ въ своемъ научномъ образованіи, и что, съ другой стороны, я значительно приблизился къ ряду изслѣдователей, произведеній которыхъ я раньше не сумѣлъ оцѣнить во всемъ ихъ значеніи и которыми, поэтому, слишкомъ мало пользовался въ своихъ работахъ. Я долженъ, къ сожалѣнію, отказаться отъ дополнительнаго внесенія обширныхъ литературныхъ и критическихъ указаній на родственныя изслѣдованія. Что же касается моего дерзновеннаго критическаго отношенія къ психологической логикѣ и теоріи познания, то я напому слова Гете: „Ни къ чему не относиться такъ строго, какъ къ недавно оставленнымъ заблужденіямъ“.

Галле, 21 мая 1900.

## Предисловіе редактора русскаго изданія.

„Логическія изслѣдованія“ проф. Э. Гуссерля—первая часть которыхъ, посвященная уясненію понятія и основъ науки логики, предлагается теперь вниманію русскихъ читателей—представляютъ, по согласному мнѣнію специалистовъ, одно изъ самыхъ выдающихся произведеній логической литературы послѣднихъ лѣтъ. Безспорная заслуга Гуссерля—все равно, раздѣляемъ ли мы его собственную точку зрѣнія или нѣтъ—состоитъ въ томъ, что онъ вноситъ подлинную ясность въ основныя логическія понятія и тѣмъ содѣйствуетъ разрѣшенію споровъ, которые грозятъ затянуться до бесконечности въ силу двусмысленности и неопредѣленности понятій и терминовъ. Таковы споры о „нормативномъ“ или „естественномъ“ характерѣ логическихъ законовъ, объ объективности и субъективности познания, объ отношеніи между логикой и психологіей и т. п.

Самъ Гуссерль стоитъ на точкѣ зрѣнія, которую можно было бы назвать идеалистическимъ объективизмомъ. Онъ проводитъ рѣзкую и ясную границу между объективнымъ идеально-логическимъ содержаніемъ мышления и субъективнымъ, реально-психологическимъ процессомъ мышленія; на почвѣ этого разграниченія онъ рѣшительно отвергаетъ всѣ попытки перенести на содержание мышления или познания субъективистическія или психологистическія категоріи, примѣнимыя къ процессу мышленія и заимствованныя изъ разсмотрѣнія послѣдняго. Эта позиція находится въ двойственномъ отношеніи къ идеямъ Канта и къ современнымъ философскимъ ученіямъ, отразившимъ влияніе

Канта. Съ одной стороны, никто глубже, чѣмъ Кантъ, не подмѣтилъ основного различія между психологическимъ происхожденіемъ и логическимъ (или гносеологическимъ) значеніемъ нашихъ идей, между генетическимъ (каузальнымъ) объясненіемъ познания въ психологіи и критическимъ уясненіемъ его въ гносеологіи; достаточно указать, что именно это различіе положило конецъ многолѣтнему спору между эмпиризмомъ и рационализмомъ, путемъ выясненія, что познаніе психологически происходитъ изъ опыта, но логически не можетъ быть цѣлкомъ обосновано на опытныхъ данныхъ. Съ другой стороны, однако, можно также сказать, что никто не содѣйствовалъ распространенію психологизма и субъективизма въ философіи болѣе, чѣмъ Кантъ, который заставилъ весь объективный міръ „вращаться“ вокругъ человеческого сознанія. Правда, понятія „сознанія“, „разума“ и т. п. употребляются Кантомъ въ столь многозначномъ и мало выясненномъ смыслѣ, что, какъ извѣстно, весьма трудно уловить подлинное значеніе соответствующихъ утвержденій Канта. Однако, невозможно отрицать наличность прямыхъ противорѣчій въ его анализѣ познания, и безспорно, что оба эти мотива—и психологистическій, и антипсихологистическій—присутствуютъ и даже рѣзко выражены въ его философіи. Этими было создано, по справедливому замѣчанію Гуссерля (стр. 107), „невыносимое смѣшеніе отчасти правильныхъ, отчасти ложныхъ утвержденій“. Въ какой мѣрѣ это смѣшеніе царитъ еще и въ современной гносеологіи, находящейся подъ сильнѣйшимъ влияніемъ Канта и разныхъ формъ кантіанства,—это показываетъ представленный Гуссерлемъ поучительный разборъ логическихъ работъ Зигварта, Эрлмана, Ланге и др. Гуссерль, по меньшей мѣрѣ, вноситъ полную ясность въ положеніе дѣла, рѣшительно примыкая къ антипсихологистической тенденціи Канта и столь же рѣшительно отвергая противоположную, психологистическую тенденцію.

Еще большее значеніе имѣетъ трудъ Гуссерля, если противопоставить его тѣмъ уже явно психологистическимъ и релятивистическимъ идеямъ, которыя приобрѣли большую популярность въ послѣднее время. Мы разумѣемъ не только логическія воззрѣнія Милля, но и главнымъ

образомъ „эмпириокритицизмъ“, а также самоневѣщую форму скептического релятивизма—т. наз. „прагматизмъ“. Эмпириокритицизмъ, который пользуется исключительнымъ признаніемъ среди нѣкоторой части нашей интеллигенціи, подвергнутъ сжатой, но мѣткой и мастерской критикѣ въ особой (IX) главѣ этой книги. Признаніе плодотворности и законности „принципа экономіи мышленія“, какъ телеологической точки зрѣнія въ психологіи познанія, сочетается у Гуссерля съ убѣдительнымъ уясненіемъ несостоятельности этой философской концепціи, поскольку она притязаетъ замѣнить собою подлинный гносеологическій анализъ. О „прагматизмѣ“ Гуссерль еще не упоминаетъ, такъ какъ появленіе его книги (въ 1900 г.) предшествуетъ расцвѣту этого движенія, но читателю не трудно будетъ отнести общіе аргументы Гуссерля и къ этой, самой рѣзкой формѣ критикуемаго имъ субъективизма. Принципіальный объективизмъ Гуссерля пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, и широкій культурно-философскій смыслъ, какъ одинокій, но сильный протестъ какъ бы самого научнаго духа противъ распространяющихся вліяній скептического и субъективистическаго унастроения, грозящихъ пошатнуть довѣріе къ научной истинѣ и поколебать ея самодовлѣющее значеніе.

Переводъ предлагаемой первой части работы Гуссерля не представлялъ особыхъ терминологическихъ затрудненій, такъ какъ большинство сложныхъ и трудно-передаваемыхъ новыхъ логическихъ терминовъ, введенныхъ Гуссерлемъ и въ изобилии употребляемыхъ имъ во второй (спеціальной) части его изслѣдованія, либо вообще не упоминаются въ первой части, либо же встрѣчаются въ ней только спорадически и безъ твердо установленнаго техническаго значенія, такъ что ихъ можно было передавать описательно и въ зависимости отъ общаго контекста. Нѣкоторое сомнѣніе возбуждала только передача термина „Wissenschaftslehre“. Слово „наукоученіе“, на которомъ я остановился при его переводѣ, отчасти неудобно тѣмъ, что оно исторически ассоціировалось съ системой Фихте, къ которой идеи Гуссерля не стоятъ ни въ какомъ близкомъ отношеніи. Однако, замѣнить его удобнымъ въ иныхъ отношеніяхъ терминомъ „теорія науки“ (не говоря уже о менѣе точныхъ передачахъ)

оказалось невозможнымъ, такъ какъ именно теоретическій характеръ этой дисциплины является въ работѣ Гуссерля спорнымъ вопросомъ, подлежащимъ разрѣшенію. Съ другой стороны, если самъ авторъ пользуется терминомъ „Wissenschaftslehre“—который по нѣмецки тоже, вѣдь, непосредственно наводитъ на мысль о системѣ Фихте—въ новомъ значеніи, примыкая не къ ученію Фихте, а къ одноименному ученію Больцано, то не было основанія не дѣлать того же и въ русскомъ переводѣ.

*С. Франкъ.*

Спб., Октябрь 1909 г.

# Оглавление.

стр.

|                                               |      |
|-----------------------------------------------|------|
| Предисловіе автора . . . . .                  | V    |
| Предисловіе редактора рус. перевода . . . . . | VIII |

## ВВЕДЕНИЕ.

|                                                                                  |   |
|----------------------------------------------------------------------------------|---|
| § 1. Споръ объ опредѣленіи логики и существенномъ содержаніи ея ученій . . . . . | 1 |
| § 2. Необходимость пересмотра принципиальныхъ вопросовъ . . . . .                | 2 |
| § 3. Спорный вопросъ. Путь нашего изслѣдованія. . . . .                          | 4 |

## ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Логика, какъ нормативная и, въ частности, какъ практическая дисциплина.

|                                                                                                                    |    |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| § 4. Теоретическое несовершенство отдѣльныхъ наукъ . . . . .                                                       | 6  |
| § 5. Теоретическое восполненіе отдѣльныхъ наукъ метафизикою и наукоученіемъ . . . . .                              | 7  |
| § 6. Возможность и примѣрность логики, какъ наукоученія. . . . .                                                   | 8  |
| § 7. Продолженіе. Три важнѣйшія особенности обоснованій. . . . .                                                   | 13 |
| § 8. Отношеніе этихъ особенностей къ возможности науки и наукоученія . . . . .                                     | 15 |
| § 9. Методическіе приемы наукъ суть отчасти обоснованія, отчасти вспомогательныя средства для обоснованія. . . . . | 17 |
| § 10. Идеи теоріи и науки, какъ проблемы наукоученія . . . . .                                                     | 19 |
| § 11. Логика или наукоученіе, какъ нормативная дисциплина и какъ техническое ученіе . . . . .                      | 20 |
| § 12. Соотвѣтствующее опредѣленіе логики . . . . .                                                                 | 21 |

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

Теоретическія дисциплины, какъ основы нормативныхъ.

|                                                                                    |    |
|------------------------------------------------------------------------------------|----|
| § 13. Споръ о практическомъ характерѣ логики . . . . .                             | 24 |
| § 14. Понятіе нормативной науки. Основное мѣрило или принципъ ея единства. . . . . | 32 |
| § 15. Нормативная дисциплина и техническое ученіе . . . . .                        | 38 |
| § 16. Теоретическія дисциплины, какъ основы нормативныхъ. . . . .                  | 39 |

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Психологизмъ, его аргументы и его позиція въ отношеніи къ обычнымъ возраженіямъ.

|                                                                                                      |    |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| § 17. Спорный вопросъ, относятся ли существенныя теоретическія основы логики къ психологіи . . . . . | 42 |
| § 18. Аргументація психологистовъ . . . . .                                                          | 43 |

XIII

стр.

|                                                                                   |    |
|-----------------------------------------------------------------------------------|----|
| § 19. Обычные аргументы противниковъ и ихъ психологическое опроверженіе . . . . . | 44 |
| § 20. Пробѣлъ въ аргументаціи психологистовъ . . . . .                            | 48 |

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Эмпиристическія слѣдствія психологизма.

|                                                                                                                                               |    |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| § 21. Два эмпиристическихъ слѣдствія, вытекающія изъ психологической точки зрѣнія, и ихъ опроверженіе . . . . .                               | 51 |
| § 22. Законы мышленія, какъ предполагаемые естественные законы, которые, дѣйствуя изолированно, являются причиной разумнаго мышленія. . . . . | 54 |
| § 23. Третье слѣдствіе психологизма и его опроверженіе . . . . .                                                                              | 58 |
| § 24. Продолженіе. . . . .                                                                                                                    | 63 |

## ГЛАВА ПЯТАЯ.

Психологическія толкованія логическихъ принциповъ.

|                                                                                                                                                            |    |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| § 25. Законъ противорѣчія въ психологическомъ толкованіи Милля и Спенсера . . . . .                                                                        | 66 |
| § 26. Психологическое толкованіе принципа у Милля устанавливаетъ не законъ, а совершенно неопредѣленное и научно не повѣренное опытное положеніе . . . . . | 69 |

## Приложеніе къ двумъ послѣднимъ параграфамъ.

О нѣкоторыхъ принципиальныхъ погрѣшностяхъ эмпиризма. . . . .

|                                                                                                                                                                                           |    |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| § 27. Аналогичныя возраженія противъ остальныхъ психологическихъ истолкованій логическаго принципа. Смѣшеніе понятій, какъ источникъ заблужденій . . . . .                                | 74 |
| § 28. Минимая двусторонность принципа противорѣчія, въ силу которой его надо понимать, какъ естественный законъ мышленія и какъ нормативный законъ его логическаго упорядоченія . . . . . | 79 |
| § 29. Продолженіе. Ученіе Зигварта . . . . .                                                                                                                                              | 84 |

## ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Силлогистика въ психологическомъ освѣщеніи. Формулы умозаключенія и химическія формулы.

|                                                                                   |    |
|-----------------------------------------------------------------------------------|----|
| § 30. Попытки психологическаго истолкованія силлогистическихъ положеній . . . . . | 88 |
| § 31. Формулы умозаключенія и химическія формулы . . . . .                        | 91 |

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

## Психологизмъ, какъ скептическій релятивизмъ.

|                                                                                         | стр. |
|-----------------------------------------------------------------------------------------|------|
| § 32. Идеальныя условія возможности теоріи вообще. Точное понятіе скептицизма . . . . . | 95   |
| § 33. Скептицизмъ въ метафизическомъ смыслѣ . . . . .                                   | 97   |
| § 34. Понятіе релятивизма и его развѣтвленія . . . . .                                  | 99   |
| § 35. Критика индивидуальнаго релятивизма . . . . .                                     | 99   |
| § 36. Критика специфическаго релятивизма и, въ частности, антропологизма . . . . .      | 100  |
| § 37. Общее замѣчаніе. Понятіе релятивизма въ болѣе широкомъ смыслѣ . . . . .           | 105  |
| § 38. Психологизмъ во всѣхъ своихъ формахъ есть релятивизмъ . . . . .                   | 106  |
| § 39. Антропологизмъ въ логикѣ Зигварта . . . . .                                       | 108  |
| § 40. Антропологизмъ въ логикѣ Б. Эрдмана . . . . .                                     | 118  |

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

## Психологическіе предразсудки.

|                                                                                                                                                                          |     |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| § 41. Первый предразсудокъ . . . . .                                                                                                                                     | 134 |
| § 42. Пояснительныя соображенія . . . . .                                                                                                                                | 138 |
| § 43. Идеалистическіе аргументы противъ психологизма. Ихъ недостатки и вѣрный смыслъ . . . . .                                                                           | 142 |
| § 44. Второй предразсудокъ . . . . .                                                                                                                                     | 145 |
| § 45. Опроверженіе: чистая математика тоже стала бы вѣтвью психологін . . . . .                                                                                          | 146 |
| § 46. Область изслѣдованія чистой логики, подобно области чистой математики, идеальна . . . . .                                                                          | 147 |
| § 47. Основныя логическія понятія и смыслъ логическихъ положеній подтверждаютъ наши указанія . . . . .                                                                   | 150 |
| § 48. Рѣшающія различія . . . . .                                                                                                                                        | 154 |
| § 49. Третій предразсудокъ. Логика, какъ теорія очевидности. . . . .                                                                                                     | 156 |
| § 50. Превращеніе логическихъ положеній въ равнозначныя положенія объ идеальныхъ условіяхъ очевидности сужденія. Получающіяся положенія не суть психологическія. . . . . | 158 |
| § 51. Рѣшающіе пункты въ этомъ спорѣ . . . . .                                                                                                                           | 163 |

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

## Принципъ экономіи мышленія и логика.

|                                                                                                          |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| § 52. Введеніе. . . . .                                                                                  | 167 |
| § 53. Телеологическій характеръ принципа Маха-Авенариуса и научное значеніе экономики мышленія . . . . . | 168 |
| § 54. Болѣе подробное изложеніе правомѣрныхъ цѣлей экономики мышленія, главнымъ образомъ, въ сферѣ чисто |     |

|                                                                                                                      |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| дедуктивной методикѣ. Отношеніе ихъ къ логическому техническому ученію . . . . .                                     | 171 |
| § 55. Экономика мышленія не имѣетъ значенія для чистой логики и ученія познанія. Ея отношеніе къ психологін. . . . . | 176 |
| § 56. Продолженіе. "Утѣрен трѣтерон обоснованія чисто логическаго черезъ экономику мышленія . . . . .                | 179 |

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

## Заключеніе критическихъ изслѣдованій.

|                                                                                                                                      |     |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| § 57. Сомнѣнія, вызываемыя возможнымъ неправильнымъ истолкованіемъ нашихъ логическихъ идей . . . . .                                 | 183 |
| § 58. Точки соприкосновенія съ великими мыслителями прошлаго и прежде всего съ Кантомъ . . . . .                                     | 185 |
| § 59. Точки соприкосновенія съ Гербартомъ и Лотце . . . . .                                                                          | 187 |
| § 60. Точки соприкосновенія съ Лейбницемъ . . . . .                                                                                  | 190 |
| § 61. Необходимость детальнаго изслѣдованія для гносеологическаго оправданія и частичнаго осуществленія идеи чистой логики . . . . . | 194 |

## ПРИЛОЖЕНІЕ.

|                                                 |     |
|-------------------------------------------------|-----|
| Указанія на Ф. А. Ланге и Б. Больцано . . . . . | 196 |
|-------------------------------------------------|-----|

## ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

## Идея чистой логики.

|                                                                                                                                                 |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| § 62. Единство науки. Связь вещей и связь истинъ. . . . .                                                                                       | 200 |
| § 63. Продолженіе. Единство теорін . . . . .                                                                                                    | 202 |
| § 64. Существенныя и вѣсущественныя принципы, дающіе наукѣ единство. Абстрактныя, конкретныя и нормативныя науки. . . . .                       | 205 |
| § 65. Вопросъ объ идеальныхъ условіяхъ возможности науки или теорін вообще. А. Въ отношеніи актуальнаго познанія. . . . .                       | 207 |
| § 66. Б. Тотъ же вопросъ въ отношеніи содержанія познанія. . . . .                                                                              | 210 |
| § 67. Задачи чистой логики. Во первыхъ: фиксація чистыхъ категорій значенія, чистыхъ предметныхъ теорій и ихъ закономѣрныхъ осложненій. . . . . | 213 |
| § 68. Во-вторыхъ: законы и теорін, коренящіяся въ этихъ категоріяхъ . . . . .                                                                   | 215 |
| § 69. Въ третьихъ: теорія возможныхъ формъ теорій или чистое ученіе о многообразіи . . . . .                                                    | 216 |
| § 70. Поясненія къ идѣ чистаго ученія о многообразіи . . . . .                                                                                  | 217 |
| § 71. Раздѣленіе труда. Работа математиковъ и работа философовъ . . . . .                                                                       | 220 |
| § 72. Расширеніе идеи чистой логики. Чистое ученіе о вѣроятности, какъ чистая теорія опытнаго познанія . . . . .                                | 222 |

## Введение.

### § 1. Споръ объ опредѣленіи логики и существенномъ содержаніи ея учений.

«Авторы сочиненій по логикѣ сильно расходятся между собою какъ въ опредѣленіи этой науки, такъ и въ изложеніи ея деталей. Этого заранѣе можно было ожидать въ такомъ предметѣ, въ которомъ писатели одни и тѣ же слова употребляли для выраженія совершенно различныхъ понятій» \*). Съ тѣхъ поръ, какъ Дж. Ст. Милль этими словами началъ свою столь цѣнную обработку логики, прошло уже не одно десятилѣтіе, выдающіеся мыслители, по обѣ стороны Ламаншскаго пролива посвятили свои лучшія силы логикѣ и обогатили ея литературу новыми изложеніями, но все же и теперь эти слова являются вѣрнымъ отраженіемъ состоянія науки логики. Еще и теперь мы весьма далеки отъ единотія въ опредѣленіи логики и въ содержаніи важнѣйшихъ ея учений. Нельзя сказать, чтобы современная логика представляла ту же картину, какъ и въ серединѣ XIX столѣтія. Подъ вліяніемъ указаннаго замѣчательнаго мыслителя, изъ трехъ главныхъ направленій, которыя мы находимъ въ логикѣ—психологическаго, формальнаго и метафизическаго—первое получаетъ значительный перевѣсъ по числу и значенію своихъ представителей. Но оба другія направленія все же продолжаютъ существовать, спорные принципиальные вопросы, отражающіеся въ различныхъ опредѣленіяхъ логики, остались спорными, а что касается содержанія учений, развиваемыхъ въ систематическихъ изложеніяхъ логики, то еще теперь и, пожалуй, въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, можно сказать, что различные авторы пользуются одинаковыми словами.

\*) Д. С. Милль. Система логики, Введение, § 1 (переводъ В. Н. Ивовскаго).

чтобы выразить разные мысли. И это относится не только к изложениям, исходящим из разных лагерей. В том направлении, в котором царит наибольшее оживление, — в психологической логикѣ — мы встречаем единство взглядов лишь в отношении отграничения дисциплины, ее основных цѣлей и методов; но вряд ли нас можно будет обвинять в преувеличении, если к развиваемым учениям и тем более к противоречивым толкованиям традиционных формул и теорий мы применим слова: *bellum omnium contra omnes*. Тщетна была бы попытка выдвинуть совокупность положений или теорий, в которых мы могли бы видеть неизбежное достоинство логики нашего времени и наследие, оставляемое ею будущему.

## § 2. Необходимость пересмотра принципиальных вопросов.

При таком состоянии науки, когда нельзя отделить индивидуальных убеждений от общеобязательной истины, приходится постоянно снова возвращаться к рассмотрению принципиальных вопросов. В особенности это применимо, повидимому, к проблемам, которые имеют определяющее значение в борьбе направлений, и тем самым также и в спор о правильно отграничении логики. Правда, именно к этим вопросам явно остыл интерес в последние десятилетия. После блестящих нападков Милля на логику Гамильтона, после не менее прославленных, хоть и не столь плодотворных логических исследований Тренденбурга эти вопросы, казалось, были совершенно исчерпаны. Поэтому, когда вместе с могущественным развитием психологических изысканий и в логикѣ получило перевѣсъ психологическое направление, вся работа сосредоточилась лишь на всесторонней разработке дисциплины в согласии с исповедуемыми принципами. Однако именно то обстоятельство, что многократные попытки выдающихся мыслителей вывести логику на вѣрный путь науки не имели решающего успеха, повсюду предполагает, что преследуемая цѣль еще не выяснена с той отчетливостью, какая требуется для плодотворности работы.

Но понимание цѣлей науки находить себя выражение в ее определении. Мы, разумеется, не полагаем, что успешной разработкой какой-либо дисциплины должно предшествовать адекватное логическое определение ее сферы. В определении науки отражаются этапы ее развития; вместе с наукой и следуя за ней,

развивается познание ее своеобразного объекта, положения и границ ее области. Однако степень адекватности определения и выраженного в нем понимания предмета науки с своей стороны оказывает обратное действие на ход самой науки; это действие, в зависимости от направления, в каком определении отклоняются от истины, может оказывать то небольшое, то весьма значительное влияние на развитие науки. Область какой-либо науки есть объективное замкнутое единое целое, и мы не можем произвольно разглагольствовать области различных истин. Царство истины объективно делится на области, и исследования должны вестись и группироваться в наукѣ сообразно этим объективным единствам. Есть наука о числах, наука о пространственных данных, наука о животных организмах и т. д., но нетъ особых наук о ведлимых числах, трапециях, лавках, а тем паче обо всем этом, вместе взятом. Где группа познаний и проблем представляется нам, как некоторое целое, и ведет к образованию особой науки, там отграничение может оказаться неудачным лишь в том смысле, что область, в которой объединяются данные явления, сначала определяется слишком узко, и что сцепления взаимозависимостей выходят за намеченные пределы и только в более обширной области могут быть связаны в систематически замкнутое целое. Такая ограниченность горизонта может не оказывать вредного влияния на успехи науки. Возможно, что теоретический интерес находить удовлетворение сначала в более узком кругу, что работа, которая может быть здесь совершена, не принимая во внимание более широких и глубоких разветвлений, и есть именно то, что необходимо прежде всего.

Неизглагольнимо опаснее другое несовершенство в отграничении области, а именно, их смѣшение — соединение разнородного в одно мнимое целое, в особенности если оно исходит из совершенно ложного истолкования объектов, исследование которых является основной цѣлью предполагаемой науки. Подобная незамѣченная *metafasis eis allo yevos* (переход в другой родъ) может повлечь за собою самые вредные последствия: установление неподходящих цѣлей, употребление принципиально неверных методов, не соответствующих действительным объектам науки, смѣшение логических отдѣлов, в результате которого подлинно основные положения и теории впадают, часто в странной и замаскированной формѣ, в совер-

менно чуждые им ряды мыслей въ качествѣ мнимо-второстепенныхъ моментовъ или побочныхъ слѣдствій, и т. п. Эти опасности особенно значительны именно въ философскихъ наукахъ; поэтому вопросъ объ объемѣ и границахъ имѣетъ для плодотворнаго развитія этихъ наукъ неизмѣримо большее значеніе, нежели въ столь благоприятствуемыхъ наукахъ о вѣдшей природѣ, гдѣ опытъ даетъ намъ разграниченныя области, внутри которыхъ возможенъ, по крайней мѣрѣ, временно, успѣшнѣйшій ходъ изслѣдованій. Специально къ логикѣ относятся слова Канта, къ которымъ мы вполнѣ присоединяемся: «науки не умножаются, а искажаются, если дать слѣстисся хъ границамъ». Мы надѣемся въ этомъ изслѣдованіи выяснить, что почти вся логика, какой она была до сихъ поръ, и въ частности современная логика, основывающаяся на психологии, подпадала отмѣченнымъ опасностямъ, и что прогрессъ логического познания существенно задерживался ложнымъ пониманіемъ теоретическихъ основъ логики и возникшимъ на этой почвѣ смѣшеніемъ областей.

### § 3. Спорный вопросъ. Путь нашего изслѣдованія.

Традиционные спорные вопросы, связанные съ отграниченіемъ логики, таковы:

1. Представляетъ ли собою логика теоретическую или практическую дисциплину («техническое ученіе»)?
2. Является ли она наукой, независимой отъ другихъ наукъ, въ частности отъ психологии или метафизики?
3. Есть ли она формальная дисциплина или, какъ принято выражаться, имѣетъ ли она дѣло «только съ формою познания» или же должна считаться также съ его «содержаніемъ»?
4. Имѣетъ ли она характеръ апіорной и демонстративной дисциплины, или же дисциплины эмпирической и индуктивной?

Всѣ эти спорные вопросы такъ тѣсно связаны между собой, что позиція, занятая въ одномъ изъ нихъ обуславливаетъ, по крайней мѣрѣ до известной степени, позицію въ другихъ вопросахъ или фактически вліяетъ на нее. Направленій тутъ, собственно говоря, всего два. Логика есть теоретическая, независимая отъ психологии, вмѣстѣ съ тѣмъ формальная и демонстративная дисциплина—говорятъ одни. Другіе считаютъ ее техническимъ ученіемъ, зависящимъ отъ психологии, тѣмъ естественно исключается пониманіе ея, какъ формальной и демонстративной дисциплины въ

смыслѣ ариметики, которая имѣетъ образцовое значеніе для противоположнаго направленія.

Наша задача—не столько разбираться въ этихъ традиціонныхъ разногласіяхъ, сколько выяснитъ отражающіяся въ нихъ принципиальныя несогласія и, въ конечномъ счетѣ, опредѣлитъ существенныя дѣли чистой логики. Поэтому мы будемъ придерживаться слѣдующаго пути: мы возьмемъ исходною точкой почти общепринятое въ настоящее время опредѣленіе логики, какъ технического ученія, и опредѣлимъ его смыслъ и правомѣрность. Сюда примыкаетъ, естественно, вопросъ о теоретическихъ основахъ этой дисциплины и въ особенности объ отношеніи ея къ психологии. По существу этотъ вопросъ совпадаетъ, если не цѣликомъ, то въ главнѣйшей своей части, съ кардинальнымъ вопросомъ теоріи познания, касающимся объективности познания. Результатомъ нашего изслѣдованія является выдѣленіе новой и чисто теоретической науки, которая образуетъ важѣйшую основу всякаго технического ученія о научномъ познаніи и носитъ характеръ апіорной и чисто демонстративной науки. Это и есть та наука, которую имѣли въ виду Кантъ и другіе представители «формальной» или «чистой» логики, но которую они неправильно понимали и опредѣляли со стороны ея содержанія и объема. Конечнымъ итогомъ этихъ размышленій служить ясно намѣченная идея о существенномъ содержаніи спорной дисциплины, тѣмъ непосредственно опредѣляется ясная позиція въ отношеніи поставленныхъ здѣсь спорныхъ вопросовъ.



## ГЛАВА I.

### Логика, какъ нормативная и, въ частности, какъ практическая дисциплина.

#### § 4. Теоретическое несовершенство отъдѣльныхъ наукъ.

Изъ повседневнаго опыта мы знаемъ, что художникъ, искусно обрабатывая свой матеріалъ или высказывая рѣшительныя и зачастую вѣрные сужденія о цѣнности произведеній своего искусства, лишь въ исключительныхъ случаяхъ исходитъ изъ теоретическаго знанія законовъ, руководящихъ направлениемъ и порядкомъ хода практической работы и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляющихъ мѣрила цѣнности, согласно которымъ испытывается совершенство или несовершенство законченнаго произведенія. Художникъ-творецъ по большей части не способенъ дать намъ надлежащія свѣдѣнія о принципахъ своего искусства. Онъ творить не на основаніи принциповъ, и не по нимъ онъ и оцѣниваетъ. Въ своемъ творествѣ художникъ слѣдуетъ внутреннему побужденію своихъ гармонически развитыхъ силъ, въ сужденіи—своему тонко развитому художественному чутью и такту. Но такъ обстоитъ дѣло не только въ изящныхъ искусствахъ—мысль о которыхъ напрашивается здѣсь прежде всего,—но и въ искусствахъ вообще, беря это слово въ самомъ обширномъ его значеніи. Это примѣнимъ, слѣдовательно, также къ научному творчеству и къ теоретической опѣлкѣ его результатовъ—научнаго обоснованія фактовъ, законовъ, теорій. Математикъ, физикъ, астрономъ для выполненія даже наиболѣе значительныхъ своихъ научныхъ работъ, также не нуждается въ постиженіи послѣднихъ основъ своей дѣятельности. И хотя полученные результаты обладаютъ для него и другихъ значеніемъ разумнаго убѣжденія, онъ все же не можетъ утверждать, что всюду выяснилъ послѣднія предпосылки своихъ умозаключеній и изслѣ-

довалъ принципы, на которыхъ основывается правильность его методовъ. Но съ этимъ связано несовершенное состояніе всѣхъ наукъ. Мы говоримъ здѣсь не о простой неполнотѣ научнаго познанія истинъ данной области, а о недостаткѣ внутренней ясности и рациональности,—качествъ, которыхъ мы вправѣ требовать независимо отъ степени развитія науки. Въ этомъ отношеніи и математика, обогнавшая всѣ науки, не можетъ притязать на исключительное положеніе. Нерѣдко она считается идеаломъ науки вообще; но насколько ея дѣйствительное состояніе не соответствуетъ этому мнѣнію, показываютъ старые и все еще не рѣшенные споры объ основахъ геометріи и правомѣрныхъ основаніяхъ метода минимума величинъ. Тѣ самые исследователи, которые съ неподражаемымъ мастерствомъ примѣняютъ замѣчательные методы математики и изобрѣтаютъ новые методы, часто оказываются совершенно не въ состояніи дать удовлетворительный отвѣтъ о логической правильности этихъ методовъ и о предѣлахъ ихъ правомѣрнаго примѣненія. Но хотя науки развились, несмотря на эти недостатки, и дали намъ такое господство надъ природой, о которомъ прежде нельзя было и мечтать, все же онѣ не могутъ удовлетворить насъ въ теоретическомъ отношеніи. Это—не кристально ясная теорія, въ которыхъ были бы вполне понятны функціи всѣхъ понятій и утвержденій, всѣ послышки—точно анализированы и гдѣ, слѣдовательно, общій результатъ стоялъ бы внѣ всякихъ теоретическихъ сомнѣній.

#### § 5. Теоретическое восполненіе отъдѣльныхъ наукъ метафизическо и наукоученіемъ.

Чтобы достигъ этой теоретической цѣли, необходимо прежде всего, какъ это признано почти всѣми, заняться рядомъ изслѣдованій, относящихся къ области метафизики. Задача послѣдней состоитъ въ фиксированіи и изученіи неизслѣдованныхъ, зачастую даже незамѣченныхъ и все же весьма существенныхъ предпосылокъ метафизическаго характера, лежащихъ въ основѣ всѣхъ наукъ, или, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя имѣютъ дѣло съ реальной дѣйствительностью. Къ такимъ предпосылкамъ принадлежитъ, напр., утвержденіе, что существуетъ вѣшній міръ, расположенный въ пространствѣ и во времени, при чемъ пространство носитъ математическій характеръ эвклидоваго многообразія трехъ изъ

мѣреній, а время—характеръ ортоиднаго \*) многообразія одного измѣренія; такова предпосылка о томъ, что всякое становленіе (Werden) подлежитъ закону причинности и т. д. Въ наше время эти предпосылки, безусловно относящіяся къ области первой философіи Аристотеля, принято называть весьма неподходящимъ именемъ гносеологическихъ.

Но этого метафизическаго основоположенія недостаточно, чтобы достигнута желаннаго теоретическаго завершенія отдѣльных наукъ; кромѣ того, оно относится только къ наукамъ, имѣющимъ дѣло съ реальной дѣйствительностью; а, вѣдь, не всѣ науки имѣютъ эту задачу, и ужъ навѣрно не таковы чисто математическія дисциплины, предметы которыхъ—числа, многообразія и т. п.,—мыслятся нами независимо отъ реального бытія или небытія, какъ носители чисто идеальныхъ опредѣленій. Иначе обстоитъ дѣло со вторымъ рядомъ исследованийъ, теоретическое завершеніе которыхъ тоже есть необходимый постулатъ нашего стремленія къ знанію. Они касаются въ одинаковой мѣрѣ всѣхъ наукъ, ибо, коротко говоря, относятся къ тому, что дѣлаетъ науки науками. Но этимъ обозначается область новой и, какъ мы вскорѣ увидимъ, сложной дисциплины, особенность которой—быть наукой о всѣхъ наукахъ, и самымъ выразительнымъ названіемъ для которой могъ бы повтому служить терминъ «наукоученіе». (Wissenschaftslehre).

#### § 6. *Возможность и правомѣрность логики, какъ наукоученія.*

Возможность и правомѣрность такой нормативной и практической дисциплины, имѣющей дѣло съ идеей науки, можетъ быть обоснована слѣдующимъ соображеніемъ.

Наука направлена на знаніе. Это не значитъ, однако, что она сама есть сумма или сплетеніе актовъ знанія. Наука обладаетъ объективнымъ содержаніемъ только въ своей литературѣ только въ видѣ письменныхъ произведеній ведетъ она самостоятельное существованіе, хотя и связанное многочисленными нитями съ человѣкомъ и его интеллектуальной дѣятельностью; въ этой формѣ она живетъ тысячелѣтіями и переживаетъ личности, поколѣнія и націи. Она представляетъ собою, такимъ образомъ, нѣкоторую внѣшнюю организацію, которая, возникая изъ актовъ

\*) Отъ греческаго *ὀρθός* — прямой; ортоидный—идущій въ одномъ направленіи, имѣющій характеръ прямой линіи.

знанія многихъ индивидовъ, можетъ быть вновь превращена въ такіе же акты бесчисленныхъ индивидовъ, способомъ легко понятнымъ, точное описаніе котораго можетъ быть опущено. Здѣсь намъ достаточно знать, что наука даетъ или должна давать ближайшія условия для созданія актовъ знанія, реальныя возможности знанія, осуществленіе которыхъ «нормальный» или «обладающій соответственными способностями» человѣкъ можетъ разсматривать, какъ достижимую цѣль своего хотѣнія. Въ этомъ смыслѣ, стало быть, наука направлена на знаніе.

Но въ знаніи мы обладаемъ истиною. Въ актуальномъ знаніи, къ которому въ конечномъ счетѣ должно быть сведено знаніе, мы обладаемъ истиной, какъ объектомъ правильнаго сужденія. Но одного этого недостаточно; ибо не каждое правильное сужденіе, не каждое, согласное съ истиной, утвержденіе или отрицаніе фактическаго отношенія есть знаніе о бытіи или небытіи этого отношенія. Напротивъ, — если рѣчь идетъ о знаніи въ самомъ тѣсномъ и строгомъ смыслѣ, то для него нужна очевидность, свѣтлая увѣренность, что то, что мы признали, есть на самомъ дѣлѣ, и что того, что мы отвергли,—нѣтъ. Эту увѣренность, какъ извѣстно, слѣдуетъ отличать отъ слѣпой вѣры, отъ смута, хотя бы и самаго рѣшительнаго мнѣнія; иначе мы рискуемъ развиться о скалы крайняго скептицизма. Но обычное словоупотребленіе не придерживается этого строгого понятія знанія. Мы говоримъ, напр., объ актѣ знанія и въ тѣхъ случаяхъ, когда одновременно съ высказаннымъ сужденіемъ возникаетъ ясное воспоминаніе о томъ, что мы уже нѣкогда высказали тожественнаго содержанія сужденіе, сопровождавшееся сознаниемъ очевидности; въ особенности это имѣетъ мѣсто, когда воспоминаніе касается также хода доказательства, изъ котораго произросла эта очевидность, и у насъ есть увѣренность, что мы въ состояніи воспроизвести одновременно и то, и другое. («Я знаю Пинагорову теорему — я могу ее доказать»; вмѣсто послѣдняго утвержденія можно, впрочемъ, услышать также: «но я забылъ доказательство»).

Такимъ образомъ, мы вообще придаемъ понятію знанія болѣе широкій, хотя и не совсѣмъ расплывчатый смыслъ; мы отличаемъ его отъ мнѣнія, лишеннаго основаній, и при этомъ опираемся на то или нѣкоторые отличительные признаки истинности утверждаемаго фактическаго отношенія, т. е. правильности высказаннаго сужденія. Самымъ совершеннымъ признакомъ истинности служить оче-

видности: она есть для нас как бы непосредственное овладѣніе самой истиной. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы лишены такого абсолютнаго познанія истины; замѣной ему служить (стоитъ только вспомнить о функциі памяти въ вышеприведенныхъ примѣрахъ) очевидность той большей или меньшей вѣроятности фактического отношенія, съ которой—при соответствіи «значительныхъ» степеняхъ вѣроятности—обычно связывается твердое и рѣшительное сужденіе. Очевидность вѣроятности фактического отношенія А., правда, не ругается за очевидность его истинности, но она обосновываетъ сравнительныя и очевидныя оцѣнки, съ помощью которыхъ мы, смотря по положительнымъ или отрицательнымъ величинамъ вѣроятности (Wahrscheinlichkeitswerthe), можемъ отличить разумныя предположенія, мнѣнія, догадки отъ неразумныхъ, или болѣе основательныя отъ менѣе основательныхъ. Следовательно, въ конечномъ счетѣ всякое подлинное знаніе и въ особенности всякое научное знаніе покоится на очевидности, и предѣлъ очевидности есть также предѣлъ понятія знанія.

Тѣмъ не менѣе въ понятіи знанія (или—что является для насъ равнозначимымъ—познанія) остается нѣкоторая двойственность. Знаніе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ—это очевидность того, что извѣстное фактическое отношеніе есть или не есть, напр., что *S* есть или не есть *P*. Такимъ образомъ, очевидность того, что извѣстное фактическое отношеніе обладаетъ той или иной степенью вѣроятности, представляетъ собою тоже знаніе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова въ отношеніи дѣйствительной наличности данной степени вѣроятности. Что же касается бытія самого этого фактического отношенія (а не вѣроятности его), то мы имѣемъ здѣсь наоборотъ знаніе въ болѣе обширномъ, видоизмѣненномъ смыслѣ.

Въ такомъ то смыслѣ, соответствіи степенямъ вѣроятности, говорить о большей и меньшей мѣрѣ знанія; знаніе въ болѣе точномъ смыслѣ, т. е. очевидность, что *S* есть *P*, есть абсолютный, идеальный предѣлъ, къ которому ассимптотически приближается, по мѣрѣ возрастанія своихъ степеней, вѣроятное знаніе о томъ, что *S* есть *P*.

Но къ понятію науки и ея задачи принадлежитъ не одно только знаніе. Когда мы переживаемъ отдѣльныя внутреннія воспріятія или ихъ группы и признаемъ ихъ существующими, то мы имѣемъ знанія, но еще далеко не науку. То же надо сказать и вообще о безсвязныхъ комплексахъ актовъ знанія. Наука, правда,

имѣетъ цѣлью дать намъ многообразие знанія, но не одно только многообразие.

Реальное сродство также еще не порождаетъ специфическаго единства въ многообразіи знанія. Группа разобщенныхъ химическихъ знаній, разумеется; не давала бы права говорить о наукѣ химіи. Ясно, что требуется нѣчто болѣе, а именно систематическая связь въ теоретическомъ смыслѣ, и подъ этимъ разумеется обоснованіе знанія и надлежащій порядокъ и связность въ ходѣ обоснованія.

Къ сущности науки принадлежитъ, такимъ образомъ, единство связи обоснованій, систематическое единство, въ которое сведены не только отдѣльныя знанія, но и сами обоснованія, а съ ними и высшіе комплексы обоснованій, называемые теоріями. Цѣль науки не есть знаніе вообще, а знаніе въ томъ объемѣ и той формѣ, которыя наиболѣе полно соответствуютъ нашимъ высшимъ теоретическимъ задачамъ.

Если систематическая форма кажется намъ наиболѣе чистымъ воплощеніемъ идеи знанія, и мы на практикѣ стремимся къ ней, то въ этомъ сказывается не только эстетическая черта нашей природы. Наука не хочетъ и не должна быть ареной архитектурной игры. Систематика, присущая наукѣ, — конечно, настоящей, подлинной наукѣ, — есть не наше изобрѣтеніе; она коренится въ самихъ вещахъ, и мы ее просто находимъ и открываемъ.

Наука хочетъ быть орудіемъ завоеванія царства истины для нашего знанія, и притомъ возможно болѣею частью этого царства. Но въ царствѣ истины господствуетъ не хаотическій беспорядокъ, а единство законности; поэтому изслѣдованіе и изложеніе истинъ тоже должно быть систематическимъ, оно должно отражать въ себѣ ихъ систематическія связи и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться послѣдними, какъ ступенями дальнѣйшаго движенія, чтобы, исходя изъ даннаго намъ или уже пріобрѣтеннаго знанія, имѣть возможность постепенно подниматься къ все болѣе высокимъ сферамъ царства истины.

Наука не можетъ обойтись безъ этихъ вспомогательныхъ ступеней. Очевидность, на которой въ конечномъ счетѣ покоится всякое знаніе, не является въ видѣ естественнаго придатка, возникающаго вмѣстѣ съ представленіемъ фактическаго отношенія, безъ какихъ бы то ни было искусственныхъ и методическихъ пріемовъ. Въ противномъ случаѣ людямъ никогда не пришло бы въ голову создавать науки.

Методическая обстоятельность теряет свой смысл тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ замысломъ данъ уже и его результатъ. Къ чему изслѣдовать соотношенія обоснованій и строить доказательства, если можешь приобщиться къ истинѣ путемъ непосредственного овладѣнія ею? На самомъ же дѣлѣ очевидность, устанавливающая, что данное фактическое отношеніе есть истина, или же неистинность, характеризующая его, какъ ложь, — и сходнымъ образомъ обстоитъ дѣло съ вѣроятностью и невѣроятностью—проявляются непосредственно только въ весьма ограниченной группѣ примитивныхъ фактическихъ отношеній. Бесчисленные истинныя положенія познаются нами, какъ истины, лишь тогда, когда мы ихъ методически «обосновали», т. е. если у насъ въ этихъ случаяхъ и намѣчается, при первомъ знакомствѣ съ такимъ положеніемъ, рѣшеніе, имѣющее форму сужденія, то все же не очевидность. Съ другой стороны, при нормальныхъ условіяхъ, мы можемъ получить одновременно и то, и другое, когда мы будемъ исходить изъ извѣстныхъ познаній и направимся къ искомому положенію путемъ извѣстнаго ряда мыслей. Для одного и того же положенія возможны разные способы обоснованія; одни исходятъ изъ однихъ познаній, другіе—изъ другихъ; но характерно и существенно то обстоятельство, что имѣется безконечное множество истинъ, которыя безъ подобныхъ методическихъ процедуръ никоимъ образомъ не могутъ превратиться въ знаніе.

И что дѣло обстоитъ именно такъ, что намъ необходимы обоснованія для того, чтобы въ нашемъ познаніи или знаніи мы могли выйти за предѣлы непосредственно очевиднаго и потому тривиальнаго, это именно и дѣлаетъ необходимыми и возможными не только науки, но вмѣстѣ съ ними также и наукоученіе, логику. Если всѣ науки дѣйствуютъ методически въ своемъ стремленіи къ истинѣ, если всѣ онѣ употребляютъ болѣе или менѣе искусственныя вспомогательныя приемы чтобы добиться познанія скрытыхъ истинъ или вѣроятностей и чтобы использовать само очевидное или уже установленное, какъ рычагъ для достиженія болѣе отдаленнаго и только косвенно достижимаго, то сравнительное изученіе этихъ методическихъ средствъ, въ которыхъ отражались познанія и опытъ бесчисленныхъ поколѣній изслѣдователей, и можетъ помочь намъ установить общія нормы для подобныхъ приемовъ, а также и правила для ихъ изобрѣтенія и построенія сообразно различнымъ классамъ случаевъ.

### § 7. Продолженіе. Три важнѣйшія особенности обоснованій.

Чтобы нѣсколько глубже проникнуть въ дѣло, обсудимъ важнѣйшія особенности замѣчательныхъ процессовъ мысли, называемыхъ обоснованіями.

Мы отмѣчаемъ, во-первыхъ, что въ отношеніи своего содержанія они обладаютъ прочной структурой. Если только мы хотимъ дѣйствительно показать очевидность обосновываемыхъ положеній, т. е. если обоснованіе должно быть подлиннымъ обоснованіемъ, то мы не можемъ, желая достигнуть какого-либо познанія, напр. познанія Пиагооровой теоремы, произвольно брать за исходныя точки любыя изъ непосредственно данныхъ намъ познаній или, въ дальнѣйшемъ ходѣ, включать и выключать какіе-угодно члены ряда мыслей.

Не трудно замѣтить и второе. Само по себѣ, т. е. до сравнительнаго обобщенія многочисленныхъ примѣровъ обоснованій, на которые мы повсюду наталкиваемся, было бы мыслимо, что каждое обоснованіе по своей формѣ и содержанію совершенно своеобразно. Природа могла бы по своему капризу—мысль для насъ возможная—такъ причудливо сорганизовать нашъ умъ, что столь привычное теперь представленіе многообразныхъ формъ обоснованія лишено было бы всякаго смысла, и что при сравненіи между собой какихъ либо обоснованій единственнымъ общимъ элементомъ ихъ можно было бы признать лишь то, что сужденіе G, само по себѣ не обладающее очевидностью, получаетъ характеръ очевидности, когда оно выступаетъ въ связи съ извѣстными, разъ навсегда, помимо какого бы то ни было рациональнаго закона, приуроченными къ нему познаніями  $P_1, P_2, \dots$ . На самомъ дѣлѣ это не такъ. Не слѣпый произволъ нагромождаетъ кучу истинъ  $P_1, P_2, \dots, S$  и создаетъ человѣчскій умъ такъ, чтобы онъ неизбежно (или при «нормальныхъ» условіяхъ) связывалъ познаніе  $P_1, P_2$  съ познаніемъ  $S$ . Никогда такъ не бываетъ. Не произволъ и не случайность господствуютъ въ обосновывающихъ связяхъ, а разумъ и порядокъ, т. е. нормирующій законъ. Врядъ ли нуженъ здѣсь примѣръ для поясненія. Когда въ математической задачѣ, касающейся нѣкотораго треугольника  $ABC$ , мы примѣняемъ положеніе: «равносторонніе треугольники равноугольны», то мы даемъ обоснованіе, которое въ пространномъ видѣ гласитъ: «всѣ равносторонніе треугольники равноугольны, треугольникъ  $ABC$ —равносторонній, слѣдовательно,

онъ и равноуголенъ». Сопоставимъ это съ арифметическимъ обоснованіемъ: «каждое десятичное число, оканчивающееся черной цифрой, есть четное число; 364—десятичное число, оканчивающееся четной цифрой, следовательно, оно—четное число». Мы сразу замѣчаемъ, что эти два обоснованія имѣютъ нѣчто общее, одинаковое внутреннее строеніе, которое мы разумно выражаемъ въ формѣ «умозаключенія»: всякое А есть В, Х есть А, следовательно, Х есть В. Но не только эти два обоснованія имѣютъ эту одинаковую форму, а еще и безчисленное множество другихъ. Больше того, форма умозаключенія представляетъ собой классовое понятіе, объемлющее безконечное многообразие связей предположеній того же, рельефно выраженного въ немъ строенія. Но въ то же время имѣется апіорный законъ, гласящій, что всякое предлагаемое обоснованіе, протекающее по этой схемѣ, дѣйствительно вѣрно, поскольку оно вообще исходитъ изъ вѣрныхъ предпосылокъ.

И это имѣетъ всеобщее значеніе. Всюду, гдѣ мы путемъ обоснованія восходимъ отъ данныхъ познаній къ новымъ, ходу обоснованія присуща извѣстная форма, общая ему съ безчисленными другими обоснованіями. Эта форма находится въ извѣстномъ отношеніи къ общему закону, который даетъ возможность сразу оправдать всѣ отдѣльные обоснованія. Ни одно обоснованіе—и это въ высшей степени замѣчательный фактъ—не стоитъ изолировано. Ни одно не связываетъ познаній съ познаніями безъ того, чтобы либо во внѣшнемъ способѣ связыванія, либо въ немъ и вмѣстѣ съ тѣмъ во внутреннемъ строеніи отдѣльныхъ положеній не выражался опредѣленный типъ. Обобщенный въ форму общихъ понятій, типъ этотъ приводитъ къ общему закону, который относится къ безконечному числу возможныхъ обоснованій.

Огмѣтимъ, наконецъ, еще третью достопримѣчательность. А priori, то-есть до сравненія обоснованій различныхъ наукъ, представлялось бы допустимымъ, что формы обоснованія связаны каждая со своею областью знанія. Правда, обоснованія не мѣняются вообще вмѣстѣ съ соответствующими классами объектовъ, но все же могло бы быть такъ, что обоснованія рѣзко подраздѣляются сообразно съ нѣкоторыми весьма общими классовыми понятіями, напр. тѣми, которыя разграничиваютъ области знанія. Значитъ, нѣтъ формы обоснованія, общей двумъ наукамъ, напр., математикѣ и химіи? Ясно, между тѣмъ, что это не такъ; это видно уже изъ вышеприведеннаго примѣра. Нѣтъ науки, въ которой не встрѣча-

лось бы неоднократно перенесенія общаго закона на частные случаи, то-есть формы умозаключенія, взятой нами выше въ видѣ примѣра. То же относится и ко многимъ другимъ видамъ умозаключенія. Больше того, мы сможемъ сказать, что всѣ другія формы умозаключенія могутъ быть такъ обобщены и поняты въ своемъ «чистомъ» видѣ, что освобождаются отъ всякой существенной связи съ конкретною ограниченной областью познанія.

#### § 8. *Отношеніе этихъ особенностей къ возможности науки и наукоученія.*

Эти особенности обоснованій, своеобразія которыхъ мы не замѣчаемъ потому только, что мы слишкомъ мало склонны искать проблемъ въ повседневномъ, явно связаны съ возможностью науки, а затѣмъ и наукоученія.

Въ этомъ отношеніи недостаточно того, что обоснованія просты существуютъ. Если бы они были безформенными и незаконотворными, если бы не существовала основная истина, которая гласитъ, что всѣмъ обоснованіямъ присуща извѣстная «форма», свойственная не только давнему *hic et nunc* умозаключенію, но типичная для цѣлаго класса умозаключеній, и что вѣрность умозаключеній всего этого класса гарантируется ихъ формой,—если бы все это обстояло иначе, тогда не было бы науки. Тогда не имѣло бы никакого смысла говорить о методахъ, о систематически законотворномъ переходѣ отъ познанія къ познанію; и всякій прогрессъ знанія былъ бы случайностью. Если бы случайно въ нашемъ умѣ встрѣтились сужденія  $P_1, P_2, \dots$ , способные удостоверить очевидность сужденія  $S$ , то насъ осыпало бы сознаніе этой очевидности. Было бы невозможно использовать существующія обоснованія для будущаго, для новыхъ обоснованій новаго содержанія. Ибо ни одно обоснованіе не могло бы быть образцомъ для другого, ни одно не воплощало бы въ себѣ типа; и, такимъ образомъ, никакая группа сужденій, мыслимая, какъ система предпосылокъ, не имѣла бы въ себѣ ничего типичнаго, что (безъ логическаго опованія, безъ ссылки на разясненную «форму умозаключенія») могло бы навязывать сознанію въ иномъ случаѣ въ связи съ совершенно инымъ «содержаніемъ», и по законамъ ассоціаціи идей облегчало бы приобрѣтеніе новаго познанія. Искать доказательствъ какого-либо даннаго предложенія не имѣло бы смысла. И какъ бы мы стали это дѣлать? Должны ли мы перебрать всѣ возможные группы поло-

жений и посмотреть, годятся ли они в предпосылки данному? Самый умный человек не имел бы в этом отношении никаких преимуществ перед самым глупым, да и вообще сомнительно, в чем состояло бы его преимущество. Богатая фантазия, обширная память, способность к напряженному вниманию и т. п. — вещи все прекрасные, но интеллектуальное значение они имеют только для мыслящего существа, у которого обоснование и избрание подчинены закономерным формам.

Видь бесспорно, что во любом психическом комплексе не только элементы, но и связывающие формы действуют путем ассоциации и воспроизведения. В силу этого и может оказаться полезной форма наших теоретических мыслей и связей их. Подобно тому как, напр., форма известных посылок с особенной легкостью вызывает соответственный вывод в силу того, что сделанный раньше умозаключения той же формы оказались удачными, так и форма доказываемого положения может напомнить нам известные формы обоснования, которые когда-то дали умозаключения подобной же формы. Если это и не есть ясное и длинное воспоминание, то все же нечто ему аналогичное, некоего рода скрытое воспоминание, «бесосознательное возбуждение» (в том смысле, о каком говорит Б. Эрджан); во всяком случае это есть нечто, сильнейшим образом способствующее более легкому и удачному построению доказательства (и не только в этих областях, где господствуют *argumenta in forma*, как в математике). Почему опытный мыслитель легче находит доказательства, чем неопытный? Потому, что типы доказательств, вследствие многократного повторения, запечатлелись глубже и, следовательно, гораздо легче пробуждаются к деятельности и определяют направление мыслей. Всякое научное мышление в известной степени дает навык к научному мышлению вообще; наряду с этим, однако, надлежит признать, что математическое мышление особенно предрасполагает специально к математическому, физическое — к физическому и т. д. Первое основано на существовании типических форм, общих всем наукам, второе — на существовании других форм, которые имеют свое особое отношение к особенностям отдельных наук (и могут оказаться определенными комбинациями первых форм). С этим связаны своеобразия научного такта, предвосхищающей интуиции и догадки. Мы говорим о такте и взоры филолога, математика и т. д. Кто же обладает им? Промедливший школу долголетья опыта фило-

лог, математик и т. д. Известные формы связей содержания истекают из общей природы предметов каждой данной области, и они в свою очередь определяют типичные особенности форм обоснования, преобладающих именно в этой области. Это и есть базис для предвосхищающих научных догадок. Всякое исследование, избрание, открытие покоится, таким образом, на закономерностях формы.

Если, согласно сказанному, упорядоченная форма создает возможность существования наук, то, с другой стороны, значительная независимость формы от области знания дает возможность наукоучения. Если бы этой независимости не было, существовали бы только соподчиненные и соответствующие отдельным наукам отдельные логики, но не общая логика. В действительности же нам необходимо и то, и другое: исследования по теории науки, в одинаковой степени касающиеся всех наук, и, как дополнение к ним, особая исследования, относящиеся к теории и методу отдельных наук и направленные на изучение особенностей последних.

Таким образом, уяснение этих своеобразных черт путем сравнительного рассмотрения обоснований можно признать бесполезным; оно проливает некоторый свет на нашу дисциплину, на логику в смысле наукоучения.

#### § 9. Методические приемы наук суть отчасти обоснования, отчасти вспомогательные средства для обоснования.

Необходимы, однако, еще некоторые дополнения, прежде всего относительно того, что мы ограничиваемся обоснованиями, между тем как ими еще не исчерпывается понятие методического приема. Но обоснования имеют первенствующее значение, которое может оправдать это предварительное ограничение нашей задачи.

А именно, можно сказать, что все научные методы, которые сами не имеют характера настоящих обоснований (будь то простых или сколь угодно сложных) либо являются оберегающими мышление сокращениями и суррогатами обоснований, которые, получив сами раз навсегда смысл и правоту путем обоснования, при практическом применении действуют, как обоснования, но лишены ясного идейного содержания обоснования; либо же эти научные методы представляют более или менее сложные вспомогательные приемы, которые подготовля-

ють, облегчают, удостоверяют или делают возможными будущия обоснования и, следовательно, опять-таки не могут претендовать на самостоятельное значение, равнозначное значению этих основных процессов науки.

Так, напр., чтобы остановиться на второй упомянутой нами группѣ методов—важнымъ предварительнымъ требованіемъ для учроченія обоснованій вообще является соответственное выраженіе мыслей посредствомъ ясно различимыхъ и недвусмысленныхъ знаковъ. Языкъ предоставляетъ мыслителю широко примѣнимую систему знаковъ для выраженія его мыслей; но хотя никто не можетъ обойтись безъ нея, она есть въ высшей степени несовершенное вспомогательное средство для точнаго изслѣдованія. Всѣмъ извѣстно вредное вліяніе эквивокацій (двусмысленностей) на правильность умозаключеній. Осторожный изслѣдователь можетъ пользоваться языкомъ, лишь искусно обовопасивъ его; онъ долженъ опредѣлить употребляемые имъ термины, поскольку они лишены однозначнаго и точнаго смысла. Такимъ образомъ, въ номинальномъ опредѣленіи мы видимъ методическій вспомогательный приемъ для учроченія обоснованій, этихъ первичныхъ и собственно теоретическихъ операций.

То же можно сказать и о номенклатурѣ. Краткія и характерныя обозначенія важнѣйшихъ и часто встречающихся понятій безусловно необходимы—чтобы упомянуть лишь объ одной сторонѣ—повсюду, гдѣ опредѣлены этихъ понятій черезъ первоначальный запасъ выраженій, уже получившихъ опредѣленіе, заняли бы слишкомъ много мѣста. Ибо пространныя выраженія, снабженныя множествомъ пояснительныхъ предположеній, затрудняютъ операции обоснованій или даже делаютъ ихъ невыполнимыми.

Съ подобной же точки зрѣнія можно разсматривать и методъ классификаціи и т. д.

Примѣрами первой группы методовъ могутъ служить столь плодотворныя алгоритмическія методы, своеобразная функція которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ искусственнаго порядка механическихъ операций съ чувственными знаками оберегать намъ возможно больше, чисто дедуктивной умственной работы. Какъ имъ поразительны результаты этихъ методовъ, все же смыслъ и оправданіе ихъ вытекаютъ лишь изъ сущности обосновывающаго мышленія. Сюда относятся также и механическіе въ буквальномъ смыслѣ методы—вспомнимъ аппараты для механической интеграціи, счетныя машины и т. п.,—затѣмъ методическіе приемы для установленія объективно вѣрныхъ опытныхъ

сужденій, какъ, напр., равнообразныя методы, необходимыя для опредѣленія положенія звѣзды, электрическаго сопротивленія, инертной массы, показателя преломленія, постоянной силы тяжести и т. д. Каждый такой методъ представляетъ совокупность приемовъ, выборъ и порядокъ которыхъ опредѣляется связью обоснованія, которая показываетъ развѣ навсегда, что такого рода приемы, хотя бы и слѣпо выполняемые, необходимо даютъ объективно вѣрное сужденіе.

Но довольно примѣровъ. Ясно, что каждый дѣйствительный успѣхъ познанія совершается въ обоснованіи; къ послѣднему примыкаютъ, следовательно, всѣ тѣ методическія дѣйствія и искусственные приемы, о которыхъ, наряду съ обоснованіями, говоритъ логика. Въ силу этого отношенія они и приобриѣтаютъ типическій характеръ, который составляетъ вѣдь существенный признакъ идеи метода. Ихъ типичность, кстати сказать, дала и намъ возможность отнести ихъ къ содержанію предыдущаго параграфа.

#### § 10. Идеи теории и науки, какъ проблемы наукоученія.

Но необходимо еще одно дальнѣйшее дополненіе. Наукоученіе занимается, разумѣется, не только изслѣдованіемъ формъ и закономерностей отдѣльныхъ обоснованій (и относящихся къ нимъ вспомогательныхъ приемовъ). Отдѣльныя обоснованія мы находимъ, вѣдь, и въ наукахъ, и поэтому ясно, что отдѣльныя обоснованія—какъ и беспорядочныя груды обоснованій—еще не составляютъ науки. Для этого необходимо, какъ мы выразились выше, извѣстное единство обосновывающей связи, извѣстное единство въ послѣдовательности ступеней обоснованій. Эта форма единства имѣетъ сама большое телеологическое значеніе для достиженія высшей цѣли познанія, къ которой стремятся всѣ науки,—именно содѣйствовать постиженію истины, но не отдѣльныхъ истинъ, а царства истины или его естественныхъ подраздѣленій.

Задачей наукоученія будетъ, следовательно, изучить науки, какъ того или иного рода систематическія единства, другими словами, изслѣдовать, что придаетъ имъ характерную форму наукъ, что опредѣляетъ ихъ взаимное разграниченіе, ихъ внутреннее расчлененіе въ области и на относительно замкнутыя теории, каковы ихъ существенныя виды и формы и т. п.

Эти систематическія сплетенія обоснованій можно тоже подчинить понятію метода и тѣмъ указать наукоученію, наряду съ

задачей исследования методов знания, действующих в науках, также и задачу рассмотрения тех методов, которые сами носят название наук. Ему предстоит различать не только годные и негодные обоснования, но также годные и негодные теории и науки. Задачу, которая, таким образом, выпадает на его долю, несомненно нельзя считать независимой от первой, предварительное разрешение которой она в значительной мере предполагает. Ибо исследование наук, как систематических единств, невозможно без предварительного исследования обоснований. Во всяком случае оба содержатся в понятии науки о науках, как таковой.

### § 11. *Логика или наукоучение, как нормативная дисциплина и как техническое учение.*

Изъ всего вышесказанного вытекает, что логика в интересующем нас здесь смысле наукоучения есть нормативная дисциплина. Науки суть творения ума, направленные к извешней цели, и подлежат оценке сообразно с этой целью. То же применимо к теориям, обоснованиям и ко всему вообще, что мы называем методом. Является ли наука действительно наукой, и метод—методом,—это зависит от того, соответствуют ли они той цели, к которой стремятся. Логика исследует, что относится к истинной, правильной науке, как таковой, другими словами, что конституирует идею науки, чтобы, приложив полученную мерку, можно было решить, отпадают ли эмпирически данные науки своей идее, или в какой мере они к ней приближаются, и в чем от нее уклоняются. В этом логика проявляет свой характер нормативной науки и отстраняет из себя сравнительный способ рассмотрения, свойственный исторической науке, которая стремится постигнуть науку, как конкретные продукты культур данных эпох, в их типических особенностях и общих чертах, и объяснить их из условий времени. Сущность нормативной науки именно в том и состоит, что она обосновывает общие положения, в которых в связи с нормирующей основной мерой, напр., идеей или высшей целью, указываются определенные признаки, обладание которыми гарантирует соответствие с мерой или же создает необходимое условие этого соответствия. Нормативная наука дает и родственные положения, в которых учитывается случай несоответствия или высказывается несуществование таких соотношений вещей.

Это не значит, что она должна давать общие признаки, которые устанавливали бы, каким должен быть объект, чтобы соответствовать основной норме. Никакая нормативная дисциплина не дает универсальных критериев, подобно тому, как терапия не отбрасывает универсальных симптомов. В частности, наукоучение дает нам только специальные критерии, и это—единственное, что оно может дать. Когда оно устанавливает, что, исходя из высшей цели наук и фактического строения человеческого ума и всего прочего, что нужно здесь принять во внимание, следует руководиться такими то методами, напр.,  $M_1$   $M_2$ ..., то она высказывает положение следующей формы: каждая группа умственных операций  $\alpha$   $\beta$ ..., протекающих в форме комплекса  $M$  (или  $M_2$ ...) представляет случай правильного метода; или, что то же: каждый методический прием формы  $M_1$  (или  $M_2$ ...) правилен. Если бы действительно удалось установить все возможные и правильные сами по себе положения этого и подобного рода, тогда, конечно, нормативная дисциплина имела бы правило оценки для каждого данного метода вообще, но и тогда—только в форме специальных критериев.

Где основная норма есть цель или может стать целью, там из нормативной дисциплины, путем легко понятного расширения ее задачи, образуется техническое учение. Так и здесь. Когда наукоучение ставит себе более широкую задачу исследовать находящиеся в нашей власти условия, от которых зависит реализация правильных методов, и установить, с помощью каких методических ухищрений мы можем добиваться истины, как мы можем верно ограничивать и строить науки, как, в частности, мы должны изобретать или принимать многочисленные полезные для науки методы и как во всех этих случаях мы можем уберечь себя от ошибок, тогда оно становится техническим учением о науках. Это последнее явно включает в себя все нормативное наукоучение, и так как цельность его бесспорна, то мы имеем полное основание соответственно расширить понятие логики и определить ее, как такое техническое учение.

### § 12. *Соответствующее определение логики.*

Определение логики, как технического учения, издавна пользуется популярностью, но дополнительные признаки этого опреде-



ления обыкновенно оставляют желать многого. Неясны и во всяком случае слишком узки такіа опредѣленія, какъ техническое учение о сужденіи, объ умозаключеніи, о познаніи, о мышленіи, (*l'art de penser*). Если, напр., въ послѣднемъ употребительномъ опредѣленіи мы ограничимъ терминъ «мышленіе», имѣющій неопредѣленное значеніе, понятіемъ правильнаго сужденія, то опредѣленіе гласитъ: техническое учение о правильномъ сужденіи. Но изъ этого опредѣленія нельзя вывести цѣли научнаго познанія; ясно, слѣдовательно, что оно слишкомъ узко. Если сказать, что цѣль мышленія всецѣло осуществляется только въ наукѣ, то это несомнѣнно вѣрно; но этимъ самымъ признается, что собственно не мышленіе или познаніе есть цѣль даннаго технического ученія, а то, для чего само мышленіе является лишь средствомъ.

Подобныя же сомнѣнія возбуждаютъ и остальные опредѣленія. Къ нимъ примѣнимо и то, недавно вновь выдвинутое Бергманомъ возраженіе, что отъ технического ученія о какой либо дѣятельности—напр., живописи, пѣніи, верховой ѣздѣ—мы прежде всего должны ожидать, «что оно указываетъ, какъ поступать для правильнаго выполненія соотвѣтствующей дѣятельности, напр., какъ живописцу держать кисть и водить ею, какъ пѣвцу дѣйствовать грудью, горломъ и ртомъ, какъ всаднику натягивать и отпускать поводъ и нажимать ногами». Въ такомъ случаѣ въ область логики вошли бы совершенно чуждыя ей ученія<sup>1)</sup>.

Несомнѣнно ближе къ истинѣ Шлейермахерово опредѣленіе логики, какъ технического ученія о научномъ познаніи. Ибо само собою разумѣется, въ ограниченной такимъ образомъ дисциплинѣ намъ пришлось бы считаться лишь съ особенностями научнаго познанія и изслѣдовать то, что можетъ ему способствовать, тогда какъ болѣе отдаленныя предварительныя условія, которыя вообще благоприятствуютъ осуществленію познанія, представляются педагогикѣ, гигиенѣ и т. д. Но въ опредѣленіи Шлейермахера не совсѣмъ ясно выражено, что этому техническому ученію надлежитъ также устанавливать правила, сообразно которымъ строятся и отграничиваются науки, тогда

<sup>1)</sup> Bergmann. Die Grundprobleme der Logik. 1896. S. 79. Ср. также Dr E. Bolzano. Wissenschaftslehre (Sulzbach 1837) I, S. 24. «Относится ли къ логикѣ, напр., вопросъ о томъ, помогаетъ ли данное лекарство для укрѣпленія памяти? А такъ должно было бы быть, еслибы логика была *ars rationis formandae* въ полномъ смыслѣ слова».

какъ, обратно, эта цѣль объемлетъ и цѣль научнаго познанія. Превосходныя мысли по вопросу объ отграниченіи нашей дисциплины имѣются въ «Wissenschaftslehre» Болъцано, но болѣе въ предварительныхъ критическихъ соображеніяхъ, чѣмъ въ опредѣленіи, которому онъ самъ отдаетъ предпочтеніе. Опредѣленіе его гласитъ довольно странно: наукоученіе (или логика) «есть та наука, которая указываетъ намъ, какъ цѣлесообразно излагать науки въ учебникахъ»<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Bolzano. Wissenschaftslehre. I стр. 7. Впрочемъ, весь IV томъ „Wissenschaftslehre“ посвященъ специально задачѣ, выраженной въ опредѣленіи. Но получается странное впечатлѣніе, когда видишь, что несравненно болѣе важныя дисциплины, которыя обсуждаются въ первыхъ трехъ томахъ должны представлять просто вспомогательныя средства для технического ученія о научныхъ учебникахъ. Великое значеніе этого далеко еще не достаточно оцѣненнаго и даже почти незамѣченнаго произведенія покоится, разумѣется, на изслѣдованіяхъ первыхъ трехъ томовъ.

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

## Теоретическія дисциплины, какъ основы нормативныхъ.

## § 13. Споръ о практическомъ характерѣ логики.

Изъ нашихъ послѣднихъ разсужденій настолько естественно вытекала правомѣрность логики, какъ технического ученія, что можетъ показаться страннымъ, какъ относительно этого пункта могъ когда-либо возникнуть споръ. Направленная на практическія цѣли логика есть неустрашимое требованіе всѣхъ наукъ, и этому соответствуетъ также, что логика исторически выросла изъ практическихъ мотивовъ научной работы. Это произошло, какъ извѣстно, въ тѣ достопамятныя времена, когда зарождающейся греческой наукѣ грозила опасность погибнуть отъ нападковъ скептиковъ и субъективистовъ, и все дальнейшее существованіе науки зависѣло отъ того, будутъ ли найдены объективные критеріи истины, которые были бы въ состояніи разрушить обманчивую видимость софистической діалектики.

Если тѣмъ не менѣе, въ особенности въ новѣйшее время подвѣяніемъ Канта, неоднократно отрицали за логикой характеръ технического ученія, тогда какъ другое направленіе продолжало придавать особый вѣсъ этой характеристикѣ, то, очевидно, споръ касался не просто вопроса о томъ, возможно ли ставить логику практическія цѣли и сообразно съ этимъ понимать ее, какъ техническое ученіе. Вѣдь самъ Кантъ говорилъ о прикладной логикѣ, которой надлежитъ регулировать работу ума «при случайныхъ субъективныхъ условіяхъ, мѣшающихъ или способствующихъ ей», <sup>1)</sup> и изъ которой мы можемъ узнать «что способствуетъ правильному

<sup>1)</sup> Критика чистаго разума. Введеніе въ транс. логику I, послѣдній абзацъ.

употребленію разсудка, каковы вспомогательныя средства для этого или средства излеченія отъ логическихъ ошибокъ и заблужденій». <sup>1)</sup> Если онъ и не согласенъ считать ее наукой, подобно чистой логикѣ <sup>2)</sup> если онъ даже думаетъ, что она «собственно не должна была бы называться логикою», <sup>3)</sup> то, вѣдь, всякій воленъ такъ расширить цѣль логики, чтобы она охватила и прикладную, т. е. практическую ея часть. <sup>4)</sup> Во всякомъ случаѣ можно спорить, да не мало уже и спорили о томъ, много ли выиграетъ развитіе человеческого знанія отъ примѣненія къ нему логики въ качествѣ практическаго ученія о наукѣ; дѣйствительно ли слѣдуетъ ожидать отъ дополненія старой логики, которая служитъ лишь для проверки уже данныхъ знаній, «логикой открытій», *arg inventiva*, такихъ великихъ переворотовъ и такого прогресса, на какіе рассчитывали, какъ извѣстно, Лейбницъ, и т. д. Но этотъ споръ не затрагиваетъ принципиально важныхъ пунктовъ и разрѣшается яснымъ принципомъ, что даже умѣренная вѣроятность дальнѣйшаго развитія науки должна оправдывать разработку направленной на эту цѣль нормативной дисциплины, не говоря уже о томъ, что выведенныя правила сами по себѣ являются цѣннымъ вкладомъ въ познаніе.

Дѣйствительно спорный и принципиально важный вопросъ, который, къ сожалѣнію, не былъ ясно намѣченъ ни одной стороной, лежитъ совсѣмъ въ другомъ направленіи; онъ заключается въ томъ,

<sup>1)</sup> Кантъ. Логика. Введеніе II (*Hartenstein'sche Ausgabe* 1867 VIII. s. 18).

<sup>2)</sup> Критика чистаго разума *ibid*.

<sup>3)</sup> Логика, *ibid*.

<sup>4)</sup> Если Кантъ и считаетъ, что общія логика съ практическимъ отдѣломъ есть *contradictio in adjecto* и потому отказывается отъ дѣленія логики на теоретическую и практическую (Логика. Введеніе II sub <sup>4)</sup>), то ничто не мѣшаетъ намъ все же цѣнить, какъ практическую дисциплину то, что Кантъ называетъ прикладной логикой. «Практическая логика», въ обычномъ смыслѣ, вовсе не предполагаетъ обязательнаго знанія наѣстнаго рода предметовъ, къ которымъ она примѣняется, но за то предполагаетъ знаніе разума, которому она способствуетъ въ его стремленіи къ познанію. Примѣненіе можетъ идти въ двухъ направленіяхъ: мы можемъ использовать логическія правила для отдѣльной области знанія—это относится къ отдѣльной наукѣ и къ ея методології. Съ другой стороны, мыслимо также изъ идеальныхъ, независимыхъ отъ особенностей человеческого ума законовъ чистой логики (если таковыя существуютъ) вывести практическія правила, которымъ считались бы съ особой природой человека (*in specie*). Тогда мы имѣли бы общую и все же практическую логику.

выражает ли определение логики, какъ технического ученія, ея существенный характеръ. Другими словами, спрашивается, основывается ли право логики на званіе истинно научной дисциплины только на практической точкѣ зрѣнія, тогда какъ съ теоретической точки зрѣнія всѣ познанія, собираемая логикой, состоятъ съ одной стороны изъ чисто теоретическихъ положеній, подлинная родина которыхъ есть другія извѣстныя намъ теоретическія науки, главнымъ образомъ, психологія, съ другой же стороны — изъ правилъ, опирающихся на эти теоретическія изложенія.

И дѣйствительно, въ воззрѣніи Канта существенно не то, что онъ оспариваетъ практическій характеръ логики, а то, что онъ считаетъ возможнымъ и въ гносеологическомъ отношеніи существеннымъ извѣстное ограниченіе или служеніе логики. Такимъ образомъ, она, по Канту, является наукой совершенно независимой, новой, по сравненію съ другими извѣстными намъ науками и притомъ чисто теоретической. Для нея, подобно математикѣ, всякая мысль о возможномъ приложеніи является внѣшней, причемъ сходство ея съ математикой сказывается еще и въ томъ, что она есть апіорная и чисто демонстративная дисциплина.

Согласно господствующей формѣ противоположнаго ученія, ограниченіе логики теоретическимъ содержаніемъ ея знаній приводить ее къ психологическимъ, иногда грамматическимъ и инымъ положеніямъ, т. е., къ небольшимъ отрывкамъ изъ иначе отграниченныхъ и къ тому же эмпирическихъ наукъ. По Канту же мы встречаемся здѣсь съ замкнутой въ себя, самостоятельной и апіорной областью теоретической истинъ, — съ чистой логикой.

Ясно, что въ этихъ ученіяхъ играютъ роль еще другія существенныя разногласія, а именно, есть ли логика апіорная или эмпирическая наука, независимая или зависимая, демонстративная или недемонстративная. Если мы отстранимъ эти вопросы, какъ выходящіе за предѣлы нашего ближайшаго интереса, то останется вышеупомянутый спорный пунктъ: одна сторона будетъ утверждать, что въ основѣ каждой логики, понимаемой, какъ техническое ученіе, лежитъ ея собственная теоретическая наука, «чистая» логика; по мнѣнію же другой стороны, всѣ теоретическія ученія, которыя встрѣчаются въ техническомъ ученіи логики, умѣщаются въ предѣлахъ другихъ извѣстныхъ намъ теоретическихъ наукъ.

Последнюю точку зрѣнія горячо защищалъ уже Бенеке;<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> Бенеке стремится почеркнуть свое убѣжденіе въ практическомъ по

ясно изложилъ ее Дж. Ст. Милль, логика котораго и въ этомъ отношеніи имѣла большое вліяніе.<sup>1)</sup> На той же почвѣ стоитъ и руководящее произведеніе новѣйшаго логическаго направленія въ Германіи, логика Зигвартъ. Въ ней ясно и рѣшительно сказано: «Высшая задача логики, составляющая ея дѣйствительную сущность, — это быть техническимъ ученіемъ».<sup>2)</sup>

На другой точкѣ зрѣнія, наряду съ Кантомъ, стоитъ Гербартъ и многие изъ ихъ учениковъ.

Впрочемъ, на примѣрѣ логики Бэна можно видѣть, какъ легко въ этомъ отношеніи самый крайній эмпиризмъ уживается со взглядами Канта. Бэнъ построилъ свою логику по типу технического ученія, но признаетъ также существованіе логики, какъ собственно теоретической и абстрактной науки, подобной математикѣ, и считать, что она входитъ въ его логику. Правда, по Бэну эта теоретическая дисциплина основывается на психологіи, она, значитъ, не предшествуетъ, какъ полагаетъ Кантъ, всѣмъ другимъ наукамъ, какъ абсолютно независимая наука; но все-таки она о собая наука, а не, какъ думаетъ Милль, только собраніе разныхъ главъ изъ психологіи, определяемое намѣреніемъ практически регулировать наши познанія<sup>3)</sup>.

Ни въ одной изъ многочисленныхъ обработокъ логики, вышедшихъ за это столѣтіе, почти не было ясно поставлено и тщательно разобрано обсуждаемый пунктъ разногласія. Ввиду того, что практическое изложеніе логики легко согласуется съ общими точками зрѣнія и обычно признавалось полезнымъ общими сторонами, многие считали весь споръ о практическомъ или теоретическомъ (по существу) характерѣ логики лишеннымъ всякаго значенія. Это происходило потому, что оставалось невыясненнымъ различіе между той и другой точкой зрѣнія.

Для нашихъ цѣлей нѣтъ надобности входить въ критическій

существо характерѣ логики въ самихъ заглавіяхъ своихъ изложеній логики — „Lehrbuch der Logik als Kunstlehre des Denkens“ 1882, „System der Logik als Kunstlehre des Denkens“ 1842 („Учебникъ логики, какъ технического ученія о мышленіи и Система логики, какъ технического ученія о мышленіи“). Ср. по существу предисловіе и введеніе въ „Системъ“ и поэмку съ Гербартомъ.

<sup>1)</sup> Для выдѣляемаго нами вопроса важно не столько главное произведеніе Милля „Система логики“, сколько его полемическая работа противъ Гамилтона. Ниже слѣдуютъ необходимыя цитаты.

<sup>2)</sup> Sigwart. Logik<sup>2</sup> S. 10. (есть русскій переводъ И. Давыдова. Спб. 1908).

<sup>3)</sup> Cp. Bain, Logic I (1879) § 50, S. 34 f.

разборъ споровъ прежнихъ логиковъ о томъ, наука ли логика или искусство, или и то, и другое, или ни то, ни другое, и представлять ли она во второмъ случаѣ практическую или умозрительную науку или же одновременно и то и другое. Сэръ Вильямъ Гамильтонъ высказываетъ по этимъ вопросамъ и оцѣниваетъ ихъ значеніе слѣдующимъ образомъ: «споръ этотъ..., быть можетъ, одинъ изъ самыхъ пустыхъ споровъ въ исторіи умовѣнія. Для логики рѣшеніе этого вопроса совершенно несущественно. Если философы спорили о томъ, какимъ именемъ назвать это ученіе, то это не потому, что существовало равномысліе въ отношеніи его задачи и природы. Въ дѣйствительности споръ шелъ исключительно о томъ, что, собственно, есть искусство и что—наука. И смотря по тому, какое значеніе придавали этимъ терминамъ, логику объявляли то наукой, то искусствомъ, то тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, то ни тѣмъ, ни другимъ» \*). Но надо замѣтить, что самъ Гамильтонъ не очень глубоко изслѣдовалъ содержаніе и цѣнность упомянутыхъ различій и разногласій. Если бы существовало надлежащее единогласіе о способѣ изложенія логики и содержаніи относимыхъ къ ней учений, тогда вопросъ о томъ, входитъ ли въ ея опредѣленіе понятія «art» и «science», и какимъ образомъ они входятъ, имѣлъ бы гораздо меньшее значеніе, хотя все же не былъ бы только вопросомъ о ярлыкъ. Но (какъ мы уже говорили) споръ объ опредѣленіяхъ есть споръ о самой наукѣ, именно, не объ уже законченной наукѣ, а о развивающейся и лишь намѣчающейся наукѣ, въ которой проблемы, методы, ученія, словомъ, рѣшительно все находится еще подъ сомнѣніемъ. Уже во времена Гамильтона и еще задолго до него различія во взглядахъ относительно существеннаго содержанія логики, ея объема и способа изложенія были весьма значительны. Достаточно сравнить произведенія Гамильтона, Больцано, Милля и Венеке. И какъ разрослись съ тѣхъ поръ эти разногласія! Сопоставимъ Эрдмана и Дробиша, Вундта и Бергмана, Шуппе и Брендана, Зигварта и Ибервега,—есть ли это единая наука, а не только единое названіе? Если бы всюду не встрѣчались обширныя группы общихъ темъ, то можно было бы почти утверждать послѣднее; вѣдь, среди всѣхъ этихъ логиковъ мы не найдемъ двухъ, которые могли бы столкнуться насчетъ содержанія ученія и даже

постановки вопросовъ! Во введеніи мы уже указали, что въ опредѣленіяхъ сказывается лишь различіе пониманіе существенныхъ задачъ и методологическаго характера логики, и что соответственные предубежденія и заблужденія въ такой отсталой наукѣ, какъ логика, могутъ съ самаго начала направить изслѣдованіе по ложному пути. Кто согласенъ съ этимъ, тотъ не скажетъ вмѣстѣ съ Гамильтономъ: «рѣшеніе этого вопроса не имѣетъ ни малѣйшаго значенія» (the decision of the question is not of the very smallest import).

Путаницѣ не мало содѣйствовало то обстоятельство, что даже нѣкоторые выдающиеся сторонники чистой логики, какъ особой науки, напр., Дробишъ и Бергманъ, считали нормативный характеръ этой дисциплины существенной принадлежностью ея понятія. Противники же видѣли въ этомъ явную неподобающую и даже противорѣчье. Развѣ въ понятіи нормированія не содержится указаніе на руководящую цѣль и соответствующую ей дѣятельность? И не означаетъ ли, слѣдовательно, нормативная наука совершенно то же, что техническое ученіе?

Постановка и пониманіе Дробишемъ своихъ опредѣленій могутъ служить лишь къ подтвержденію этого. Въ его все еще цѣнномъ руководствѣ по логикѣ мы читаемъ: «Мышленіе въ двухъ отношеніяхъ можетъ стать предметомъ научнаго изслѣдованія: въ первыхъ, какъ дѣятельность духа, условія и законы которой подлежатъ изученію, во-вторыхъ, какъ орудіе для добыванія опосредованнаго знанія; тутъ возможно и вѣрное, и ошибочное примѣненіе, и соответственно этому вѣрные и невѣрные результаты. Поэтому существуютъ естественные законы мышленія, и нормативные законы или предписанія, которыми оно должно руководиться, чтобы вести къ вѣрнымъ результатамъ. Изслѣдованіе естественныхъ законовъ мышленія является задачей психологич., а установленіе нормъ его—задачей логики» \*). Въ поясненіи говорится еще: «нормирующие законы всегда регулируютъ ту или иную дѣятельность сообразно съ опредѣленной цѣлью».

Противная сторона скажетъ: здѣсь нѣтъ ни одного слова, котораго не согласились бы подписать и использовать для себя Венеке или Милль. Но если признать тождественность понятій «нормативная дисциплина» и «техническое ученіе», то само собою

\* Sir William Hamilton, Lectures on Logic, 3 vol. I (Lect. on Metaphysics and Logic, vol. III) 1854, p. 9—10.

\*) Drobisch, Neue Darstellung der Logik 4 § 2, S. 3.

понятно, здесь, как и во всяком техническом учении, связь, объединяющей логические истины в одну дисциплину, является не родство содержания, а руководящая цель. Но тогда явно несообразно ставить логику такую границу, какая ей ставит традиционная аристотелевская логика, дальше которой, вѣдь, «чистая» логика не идет. Бессмысленно ставить логику известную цель и вынестъ съ тѣмъ исключать изъ нея классы нормъ и нормативныхъ исследованийъ, связанныхъ съ этой целью. Но представители чистой логики находятся еще подъ обаяніемъ традиціи; на нихъ еще дѣйствуетъ то странное волшебное вліяніе, которымъ въ течение тысячелѣтій пользовалась сгруппированная изъ бессодержательныхъ формулъ схоластическая логика.

Такова цель ближайшихъ возраженій, вполне способныхъ ослабить современный интересъ къ болѣе точному исследованію реальныхъ мотивовъ, которые заставляли великихъ и самостоятельныхъ мыслителей считать чистую логику особой наукой, и которые и теперь еще заслуживаютъ серьезной оцѣнки. Превосходный мыслитель Дробышъ, быть можетъ, далъ неудачное опредѣленіе; но это не доказываетъ, что его позиція, какъ и позиція его учителя Гербарта, а также перваго представителя этого ученія—Канта<sup>1)</sup>, по существу неверна. Вѣдь, возможно, что за несовершеннымъ опредѣленіемъ кроется цѣнная мысль, которая лишь не получила логически-яснаго выраженія. Обратимъ вниманіе на излюбленное у представителей чистой логики сопоставленіе логики съ чистой математикой. Математическія дисциплины тоже обосновываютъ техническія ученія, арифметика—практическое искусство счисленія, геометрія—землемѣрное искусство. И къ отвлеченнымъ теоретическимъ естественнымъ наукамъ, хотъ и въ нѣсколько иномъ видѣ,

1) Самъ Кантъ хотя и противопоставляетъ психологическимъ законамъ, устанавливающимъ „какое разумъ, и какъ онъ мыслитъ“, логические законы, въ качествѣ „необходимыхъ правилъ“, указывающихъ „какъ онъ долженъ мыслить“ (ср. Vorlesungen über Logik. WW. Hart. Ausgabe VIII, S. 14), но въ конечномъ счетѣ врядъ ли хотѣлъ установить пониманіе логики, какъ нормативной дисциплины. Это ясно видно изъ того, что онъ соподчиняетъ логику и эстетику, сообразно обѣимъ „основнымъ источникамъ духа“, разумъа подлѣ послѣдней „науку о законахъ чувственности вообще“, подлѣ первой—(раціональную) „науку о законахъ разума вообще“. Какъ эстетика въ этомъ Кановскомъ смыслѣ, такъ и его логика не имѣютъ значенія дисциплины, въ основѣ которыхъ лежатъ опредѣленные цѣли. (Ср. Критику чистаго разума. Введеніе въ трансцендентальную логику. I. Конѣцъ второго абзаца).

но тоже примыкаютъ техническія ученія: къ физикѣ—физическая технология, къ химіи—химическая. Въ связи съ этимъ можно предположить, что и намѣчаемая чистая логика имѣетъ значеніе абстрактной теоретической дисциплины, которая подобнымъ же образомъ обосновываетъ особую технологию—именно, логику въ обычномъ практическомъ смыслѣ слова. И такъ какъ техническія ученія вообще пользуются, какъ фундаментъ для возведенія своихъ нормъ, иногда преимущественно одной теоретической дисциплиной, иногда нѣсколькими, то и чистая логика могла бы составлять только часть, хотя быть можетъ, и самую важную часть, фундамента логики въ смыслѣ технического ученія. Если бы къ тому же оказалось, что собственно логические законы и формы образуютъ замкнутую область отвлеченной теоретической истины, которую никакимъ образомъ нельзя уместить въ рамки уже разграниченныхъ теоретическихъ дисциплинъ, и на которую, слѣдовательно, и должна распространяться компетенція чистой логики, то явилось бы дальѣйшее предположеніе—именно, что несовершенство опредѣленія понятія этой дисциплины и неумѣніе представить ее во всей ея чистотѣ и выяснить ея отношеніе къ логикѣ, какъ техническому ученію, способствуетъ смѣшенію ея съ этимъ техническимъ ученіемъ и порождаетъ споръ о томъ, слѣдуетъ ли по существу ограничивать логику, какъ теоретическую или какъ практическую дисциплину. Въ то время, какъ одна сторона имѣла въ виду чисто теоретическія и въ узкомъ смыслѣ слова логическія положенія, другая обращала вниманіе на спорная опредѣленія намѣчаемой теоретической науки и на ея фактическое осуществленіе.

Насъ не должно здѣсь тревожить возможное возраженіе, что дѣло идетъ о восстановленіи схоластически-аристотелевской логики, уже осужденной исторіей. Быть можетъ, еще окажется, что эта дисциплина имѣетъ далеко не столь малый объемъ и не такъ бѣдна глубокими проблемами, какъ это подразумеваетъ этотъ упрекъ. Быть можетъ, старая логика была только весьма несовершеннымъ и смутнымъ осуществленіемъ идеи чистой логики, хотъ, какъ почитъ и первый шагъ, она имѣетъ свою годность и достойна вниманія. Это презрѣніе къ традиціонной логикѣ слѣдуетъ, быть можетъ, считать неправомернымъ отзывомъ чуждыхъ намъ теперь настроеній эпохи Возрожденія. Исторически справедливая, но по существу зачастую бессмысленная борьба противъ схоластической науки, естественно направлялась прежде всего противъ логики,

как принадлежащего к схоластике учения о методах. Но характер неправильной методики, свойственный формальной логике у схоластиков (в особенности в период вырождения) указывает, быть может, лишь на отсутствие настоящего философского понимания логической теории (поскольку она уже существовала тогда). Поэтому практическое использование ее пошло по ложному пути, от логики требовалась такая методическая деятельность, до которой она еще не выросла. Увид и мистика чисел не есть аргумент против арифметики. Известно, что логическая полемика эпохи Возрождения по существу была безсодержательна и безрезультатна; в ней говорила страсть, а не теоретическое убеждение. Зачем же нам руководиться ее презрительными суждениями? Теоретический творческий ум Лейбница, соединивший в себя пылкое стремление к преобразованиям, свойственное эпохе Возрождения, с научной трезвостью нового времени, не хотѣл ничего знать об этом антисхоластическом колдовствѣ. Онъ выступилъ тѣмъ же словомъ за носимую аристотелевскую логику, хотя и считалъ, что ее необходимо расширить и исправить. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ не считаться съ упрекомъ, что чистая логика сводится къ обновленію «безсодержательной схоластической страпни формулъ» до тѣхъ поръ, пока не выяснимъ смысла и содержания сложной дисциплины и правомѣрности открывшихся намъ предположеній.

Мы не станемъ для изслѣдованія этихъ предположеній собирать всѣ аргументы за то или другое пониманіе логики въ ихъ исторической послѣдовательности и подвергать ихъ критическому анализу. Не этимъ путемъ можно обновить интересъ къ старому спору; но принципиальная разногласія, которыя не выявились до конца въ этомъ спорѣ, имѣютъ свой особый интересъ, возвышающійся надъ эмпирическою обусловленностью спорящихъ, и на нихъ-то мы и остановимся.

#### § 14. Понятіе нормативной науки. Основное мѣрило или принципъ ея единства.

Прежде всего установимъ положеніе, имѣющее рѣшающее значеніе для всего нашего дальнѣйшаго изслѣдованія: каждая нормативная, а также и каждая практическая дисциплина опирается на одну или нѣсколько теоретическихъ дисциплинъ, поскольку норма ея должна обладать теоретическимъ содержаніемъ, отдѣлимъ отъ идеи нормированія (долженствованія), и научное изслѣдованіе этого

содержанія является задачей соотвѣствующихъ теоретическихъ дисциплинъ.

Чтобы выяснитъ это, изслѣдуемъ понятіе нормативной дисциплины въ его отношеніи къ понятію теоретической дисциплины. Законы первой говорятъ, — какъ обычно полагаютъ о томъ, что должно быть, хотя можетъ и не быть, а при извѣстныхъ условіяхъ даже не можетъ быть; законы послѣдней, наоборотъ, говорятъ исключительно о томъ, что есть. Спрашивается, что разумѣется подъ этимъ «должно быть» по сравненію съ простымъ бытіемъ.

Очевидно, первоначальный смыслъ долженствованія, связанный съ извѣстнымъ желаніемъ или хотѣніемъ, съ требованіемъ или приказаніемъ, напр.: «ты долженъ слушаться меня», «пусть придетъ ко мнѣ Х» — слишкомъ узокъ. Подобно тому, какъ иногда мы говоримъ о требованіи въ болѣе широкомъ смыслѣ, причемъ имѣть никого, кто бы требовалъ, а иногда и никого, отъ кого бы требовалось, такъ мы часто говоримъ и о долженствованіи независимо отъ чьего-либо желанія или хотѣнія. Когда мы говоримъ: «Воинъ долженъ быть храбрымъ», то это не значитъ, что мы или кто-либо другой желаемъ или хотимъ, повелѣваемъ или требуемъ это; такого рода мнѣніе скорѣе можно понимать такъ, что вообще, то-есть по отношенію къ каждому воину, правомѣрно соотвѣствующее желаніе или требованіе; правда, и это не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ въ сущности нѣтъ необходимости, чтобы здѣсь дѣйствительно была на лицо такая оцѣнка какого либо желанія или требованія. «Воинъ долженъ быть храбрымъ» означаетъ только, что храбрый воинъ есть «хорошій» воинъ, и при этомъ — такъ какъ предикаты «хорошій» и «дурной» распредѣляютъ между собой объемъ понятія воинъ — подразумѣвается, что не храбрый воинъ есть «дурной» воинъ. Такъ какъ это оцѣнивающее сужденіе вѣрно, то правъ всякій, кто требуетъ отъ воина храбрости; на томъ же основаніи желательнo, похвально и т. д. воину быть храбрымъ. То же мы имѣемъ и въ другихъ примѣрахъ. «Человѣкъ долженъ любить своего ближняго» означаетъ: кто не любитъ своего ближняго, тотъ не «хорошій» и, слѣдовательно, е о і р с о (въ этомъ отношеніи) «дурной» человѣкъ. «Драма не должна распадаться на эпизоды» — иначе она не «хорошая» драма, не «настоящее» художественное произведеніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы ставимъ положительную оцѣнку, признавая позитивнаго предиката цѣнности въ зависимость отъ извѣстнаго условія, неисполненіе котораго влечетъ за собой соотвѣствующій отрица-

тельный предикатъ. Вообще мы можемъ считать тождественными или по меньшей мѣрѣ равнозначными формы: «*A* должно быть *B*» и «*A*, которое не есть *B*, есть дурное *A*» или «только *A*, которое есть *B*, есть хорошее *A*».

Терминомъ «хорошій» мы пользуемся здѣсь, разумеется, въ самомъ широкомъ смыслѣ для обозначенія всего цѣннаго къ какому бы то ни было отношенію; въ конкретныхъ, подходящихъ подъ нашу формулу, предложенияхъ его надо каждый разъ понимать сообразно тому роду цѣнности, который лежитъ въ ихъ основѣ, напримѣръ, какъ полезное, прекрасное, нравственное и т. д. Существуетъ столько же многообразныхъ смысловъ рѣчи о долженствovanii, сколько различныхъ видовъ оцѣнки, т. е., сколько дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ цѣнностей.

Отрицательная выраженія долженствованія не слѣдуетъ понимать, какъ отрицанія соответствующихъ положительныхъ; какъ и къ обычному смыслѣ отрицаніе требованія не имѣетъ значенія запрещенія. «Воинъ не долженъ быть трусливымъ» не означаетъ неистинности утвержденія, что воинъ долженъ быть трусливъ, а означаетъ, что трусливый воинъ есть плохой воинъ. Слѣдовательно, равнозначны слѣдующія формы: «*A* не должно быть *B*» и «*A*, которое есть *B*, есть всегда плохое *A*» или «только *A*, которое не есть *B*, есть хорошее *A*».

Что долженствованіе и не долженствованіе исключаютъ другъ друга—это есть формально-логическое слѣдствіе приведенныхъ сужденій; то же примѣнимо и къ положенію, что сужденіе о долженствovanii не заключаетъ въ себѣ утвержденія о соответствующемъ бытіи.

Очевидно, что нормативными сужденіями будутъ признаны не одни лишь выясненные нами сужденія нормативной формы, а и другія, хотя бы въ нихъ и отсутствовало слово «должно». Несущественно, что вмѣсто «*A* должно (или не должно) быть *B*» мы можемъ также сказать: «*A* обязано (или не имѣетъ права) быть *B*». Важнѣе указаніе на обѣ новыя формы: «*A* не обязано быть *B*» и «*A* имѣетъ право быть *B*», которыя стоятъ въ отношеніи контрадикторной противоположности къ двумъ первымъ формамъ. Слѣдовательно, «не обязано» есть отрицаніе «должно» или, что то же, отрицаніе «не имѣетъ права»; «имѣетъ право» есть отрицаніе «не должно» или, что то же, «не имѣетъ права»; это легко видно изъ пояснительныхъ оцѣнивающихъ сужденій: «*A* не обязано быть *B*» = «*A*, которое не есть *B*, еще не есть въ силу этого дурное *A*;

«*A* имѣетъ право быть *B*» = «*A*, которое есть *B*, еще не есть въ силу этого дурное *A*».

Но сюда слѣдуетъ присоединить еще другія сужденія. Напр.: «чтобы *A* было хорошимъ, достаточно (или недостаточно), чтобы оно было *B*». Между тѣмъ, какъ прежнія сужденія выражаютъ тѣ или иныя необходимыя условія признанія или непризнанія положительныхъ или отрицательныхъ предикаговъ цѣнности, въ рассматриваемыхъ сужденіяхъ высказываются лишь достаточныя условія. Въ нихъ сужденіяхъ, наконецъ, одновременно обозначаются и необходимыя, и достаточныя условія.

Этимъ исчерпываются существовавшія формы всеобщихъ нормативныхъ сужденій; имъ соответствуютъ, разумеется, также формы частныхъ и единичныхъ оцѣнивающихъ сужденій, не представляющія ничего существеннаго для анализа; изъ нихъ послѣднія для нашихъ цѣлей вообще не имѣютъ значенія; они стоятъ всегда въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ известнымъ общимъ нормативнымъ положеніямъ и могутъ выступать въ отвлеченныхъ нормативныхъ дисциплинахъ лишь въ качествѣ примѣровъ для регулирующихъ ихъ общихъ положеній. Такія дисциплины стоятъ вообще въ какомъ бы то ни было индивидуальнаго бытія, ихъ общія положенія имѣютъ «чисто отвлеченную» природу и носятъ характеръ законовъ въ подлинномъ смыслѣ слова.

Мы видимъ изъ этого анализа, что каждое нормативное сужденіе предполагаетъ известнаго рода оцѣнку (одобреніе, признаніе), изъ которой вытекаетъ понятіе «хорошаго» (цѣннаго) въ известномъ смыслѣ или же «дурного» (лишеннаго цѣнности) въ отношеніи известнаго класса объектовъ; сообразно съ этимъ, такіе объекты распадаются на хорошіе и дурные. Чтобы имѣть возможность высказывать нормативное сужденіе «воинъ долженъ быть храбрымъ», я долженъ имѣть вѣтхотное понятіе о «хорошемъ» воинѣ, и это понятіе не можетъ основываться на произвольномъ номинальномъ опредѣленіи, а должно исходить изъ общей оцѣнки, которая давала бы возможность признавать воинство—сообразно съ тѣми или иными ихъ свойствами—хорошими или дурными. Здѣсь, при простомъ установленіи смысла сужденій долженствованія, насъ не касается вопросъ, имѣетъ ли эта оцѣнка въ какомъ либо смыслѣ «объективное значеніе» или нѣтъ, слѣдуетъ ли вообще дѣлать различіе между субъективно и объективно «хорошимъ». Достаточно отмѣтить, что нѣчто считается цѣннымъ, какъ будто оно на самомъ дѣлѣ было цѣнностью и благомъ.

И, наоборот, если на основании известной общей оценки установлена пара предикатов ценности для соответствующего класса, то этим дана возможность нормативных суждений; все формы нормативных суждений получают свой определенный смысл. Каждый конститутивный признак *B* «хорошего» *A* дает напр., суждение такой формы: «*A* должно быть *B*»; несоединимый с *B* признак *B*<sup>1</sup> — суждение: «*A* не имеет права (не должно) быть *B*<sup>1</sup>», и т. д.

Что касается, наконец, понятия нормативного суждения, то после произведенного нами анализа мы можем описать его следующим образом. В связи с основным оценивающим положением и определяемым им содержанием соответствующей пары предикатов ценности называется нормативным каждое суждение, в котором выражены какие-нибудь необходимые или достаточные условия (или необходимые и достаточные) для обладания подобным предикатом.

Найдя в процессе оценки различие между «хорошим» и «дурным» в определенном смысле, стало быть, и в определенной сфере, мы, естественно, заинтересованы в установлении тех обстоятельств и внешних или внутренних свойств, которые обеспечивают применение предикатов «хороший» или «дурной»; нам надо также знать, какие свойства не могут отсутствовать для того, чтобы объекту данной сферы можно было еще приписать ценность «хорошего» и т. д.

Говоря о хорошем и дурном, мы имеем с тем в процессе сравнительной оценки устанавливаем также различие лучшего и наилучшего, худшего и наихудшего. Если удовольствие есть благо, то из двух удовольствий более интенсивное и продолжительное есть лучшее. Если познание представляется нам тем-то хорошим, то все же не всякое познание «одинаково хорошо». Познание законов мы оцениваем выше, чем познание единичных фактов; познание более общих законов — наприм., что каждое уравнение *n*-ной степени имеет *n* корней — выше, чем познание подчиненных им частных законов — наприм., что каждое уравнение 4-ой степени имеет 4 корня. Таким образом, об относительных предикатах ценности возникают такие же нормативные вопросы, как и об абсолютных. Если установлено конститутивное содержание хорошего или дурного по нашей оценке, то спрашивается, что следует считать при сравнительной оценке конститутивно лучшим или худшим; затем, далее, каковы свя-

занные с этими предикатами ближайшие и дальнейшие, необходимые и достаточные условия, конститутивно определяющие содержание «лучшего» — или же «худшего» — и, наконец, «относительно наилучшего». Конститутивные содержания положительных и отрицательных предикатов ценности являются, так сказать, единицами измерения, которые мы прилагаем к объектам соответствующей сферы.

Совокупность этих норм, очевидно, образует замкнутую в себя группу, определяемую основным оценивающим положением. Нормативное суждение, которое выставляет по отношению к объектам сферы общее требование, чтобы они в возможно большей степени соответствовали конститутивным признакам положительных предикатов ценности, занимает в каждой группе соподлежащих норм особое положение и может быть названо основной нормой. Такую роль играет, напр., категорический императив в группе нормативных суждений, составляющих этику Канта; таков же принцип «возможно большего счастья возможно большего числа людей» в этике утилитаристов.

Основная норма есть коррелят определения «хорошего» или «лучшего» в соответственном смысле; она указывает, согласно какой основной мѣрѣ (основной ценности) должно происходить нормирование. Она, таким образом, не представляет в собственном смысле слова нормативного суждения. Отношение основной нормы к собственно нормирующим суждениям аналогично отношению между так называемыми определениями ряда чисел и постоянно с ними соотнозящимися теоремами о числовых отношениях в арифметике. И здесь основную норму можно было бы обозначить, как «определение» понятия, которое служит мѣрой хорошего, — наприм., хорошего в нравственном смысле; хотя обычное логическое понятие определения было бы этим нарушено.

Если же мы ставим себя целью в связи с такого рода «определением», стало быть, в связи с одной общей основной мѣрой, научно исследовать совокупность соподлежащих нормативных суждений, то является идея нормативной дисциплины. Каждая подобная дисциплина, следовательно, характеризуется однозначно своею основной нормой или определением того, что в ней должно приваиваться «хорошим». Если, напр., мы признаем хорошим создание и продолжение, умножение и повышение



удовольствия, то мы спросимъ, какіе объекты доставляютъ удовольствіе и при какихъ субъективныхъ и объективныхъ обстоятельствахъ; и вообще, каковы необходимы и достаточныя условія для наступленія удовольствія, его продолженія, умноженія и т. д. Эти вопросы, разсматриваемые, какъ цѣли научной дисциплины, образуютъ гедонику; это есть нормативная этика въ духѣ гедоническаго ученія. Оцѣнка съ точки зрѣнія возбуждаемаго удовольствія есть основная норма, опредѣляющая единство данной дисциплины и отличающая ее отъ каждой другой нормативной дисциплины. Такъ и каждая нормативная дисциплина имѣетъ свою собственную основную норму, которая въ каждомъ данномъ случаѣ является объединяющимъ принципомъ ея. Въ теоретическихъ же дисциплинахъ, наоборотъ, отсутствуетъ эта центральная связь всѣхъ изслѣдованій съ основной мѣрой цѣнности, какъ источникомъ преобладающаго интереса нормирования. Единство ихъ изслѣдованій и порядокъ ихъ познаній опредѣляется исключительно теоретическимъ интересомъ, направленнымъ на изслѣдованіе того, что связано по существу (т. е. теоретически, въ силу внутренней закономерности вещей), и что, поэтому, должно быть изслѣдуемо совместно.

### § 15. Нормативная дисциплина и техническое ученіе.

Нормативный интерес преобладаетъ у насъ, разумѣется въ отношеніи къ реальнымъ объектамъ, какъ объектамъ практическихъ оцѣнокъ; отсюда явная склонность отождествлять понятіе нормативной дисциплины съ понятіемъ практической дисциплины, техническаго ученія. Но легко понять, что это отождествленіе не выдерживаетъ критики. Для Шопенгауэра, который, исходя изъ своего ученія о прирожденномъ характерѣ, кореннымъ образомъ отвергаетъ всякое практическое моральное воедѣйствіе, не существуетъ этики въ смыслѣ техническаго ученія, но несомнѣнно существуетъ этика, какъ нормативная наука, имѣя же самимъ разработанная. Ибо она никоимъ образомъ не отвергаетъ различеній моральной цѣнности. Техническое ученіе представляетъ тотъ особый случай нормативной дисциплины, когда основная норма заключается въ достиженіи общей практической цѣли. Ясно, что каждое техническое ученіе цѣлкомъ включаетъ въ себя нормативную, но саму по себѣ не практическую дисциплину. Ибо задача техническаго ученія предполагаетъ рѣ-

шеніе болѣе узкой задачи, состоящей въ томъ, чтобы, въ всякаго отношенія къ практическому достиженію, установить нормы, сообщеніемъ которымъ опредѣляется, соответствуетъ ли реализуемая цѣль общему понятію, обладаетъ ли она характеризующими данный классъ дѣйствій признаками. Наоборотъ, каждая нормативная дисциплина, въ которой основная оцѣнка превращается въ соответствующее установленіе цѣли, расширяется до техническаго ученія.

### § 16. Теоретическія дисциплины, какъ основы нормативныхъ.

Теперь легко понять, что каждая нормативная, а тѣмъ болѣе каждая практическая дисциплина предполагаетъ въ качествѣ основъ одну или нѣсколько теоретическихъ дисциплинъ, именно, въ томъ смыслѣ, что она должна обладать отдѣльнымъ отъ всякаго нормирования теоретическимъ содержаніемъ, естественное мѣсто котораго, какъ такового—въ какихъ нибудь уже отграниченныхъ или еще имѣющихъ конституироваться наукахъ.

Основная норма (или же основная цѣнность, послѣдняя цѣль) опредѣляетъ, какъ мы видѣли, единство дисциплины; она же вноситъ во всѣ нормативныя сужденія дисциплины идею нормирования. Но наряду съ этой общей идеей измѣренія по основной нормѣ, эти сужденія обладаютъ еще особымъ, отличающимъ ихъ другъ отъ друга теоретическимъ содержаніемъ. Каждое выражаетъ мысль объ измѣряющемъ соотношеніи между нормой и нормируемымъ; но само это соотношеніе—если отвлечься отъ интереса оцѣнки—объективно носитъ характеръ соотношенія между условіемъ и обуславливаемымъ, причемъ соответствующее нормативное сужденіе признаетъ это соотношеніе существующимъ или несуществующимъ. Такъ, напр., каждое нормативное сужденіе формы: «*A* должно быть *B*» включаетъ въ себя теоретическое сужденіе: «только *A*, которое есть *B*, имѣетъ свойства *C*», причемъ *C* обозначаетъ конститутивное содержаніе руководящаго предиката «хорошій» (напр., удовольствіе, познаніе, словомъ то, что сообразно основной мѣрѣ цѣнности въ данномъ кругу отмѣчается, какъ хорошее). Новое сужденіе есть чисто теоретическое и уже не содержитъ идеи нормирования. И наоборотъ: если утверждается какое либо сужденіе теоретической формы, а затѣмъ появляется, какъ что новое, оцѣнка какого либо *C*, какъ такового, и становится желательнымъ нормирующая связь съ нимъ, то теоретическое сужденіе принимаетъ нормативную форму: только *A*, которое

есть *B*, есть хорошее, т. е. *A* должно быть *B*. Поэтому даже в теоретических связях мыслей могут встречаться нормативные суждения; в этих связях теоретический интерес приписывает ценность существованию соотношения вещей вида *M* (напр., существовании равносторонности искомого треугольника), и подразумевает им другие соотношения вещей (напр., равноугольность: если треугольник должен быть равносторонным, то он должен быть и равноугольным). Но в теоретических науках этот оборот имеет переходящее, второстепенное значение, так как конечное направление мысли направлено на познание теоретической связи вещей; поэтому окончательные результаты облекаются не в нормативную форму, а в форму объективной связи, в данном случае в форму всеобщего суждения.

Теперь ясно, что теоретические соотношения, которые, согласно вышеизложенному, содержатся в положении нормативных наук, должны иметь свое логическое место в известных теоретических науках. Нормативная наука, заслуживающая этого названия, способная научно исследовать подлежащую нормированию соотношения вещей в их отношении к основной норме, должна изучать теоретическое содержание этих отношений и ради этого вступить в сферы соответствующих теоретических наук. Другими словами: каждая нормативная дисциплина требует познания известных не нормативных истин, которые она заимствует у известных теоретических наук или же получает посредством применения взятых из них положений к комбинациям, которые определяются нормативным интересом. Это, разумеется, относится и к более специальному случаю технического учения и притом, очевидно, в большей мере. Сюда присоединяются еще теоретические познания, которые должны давать основу для плодотворного осуществления целей и средств.

В интересах дальнейшего изложения отметим еще одно. Разумеется, эти теоретические науки могут в различной мере принимать участие в научном обосновании и построении данной нормативной дисциплины; и значение их для нея может быть большим или меньшим. Может оказаться, что для удовлетворения интересов нормативной дисциплины познание известных классов теоретических связей стоит на первом плане, так что развитие и привлечение теоретической области знания, к которой они относятся, имеет решающее значение для существования нормативной дисциплины. Но, с другой стороны, возможно

также, что известные классы теоретических знаний, хотя и полезны и, может быть, весьма важны для построения данной дисциплины, но все же имеют лишь второстепенное значение, ибо, их отсутствие только ограничило бы область этой дисциплины, но не уничтожило бы ее. Вспомним, напр., об отношении между чисто нормативной и практической этикой<sup>1)</sup>. Все те положения, которые относятся к практическому осуществлению, не входят в круг чистых норм этической оценки. Не будь этих норм или лежащих в основе их теоретических познаний, не было бы этики вообще; отсутствие же первого рода положений лишает нас только возможности применять этику к жизни, т. е. устраняет возможность технического учения о нравственном поведении.

Только в таком смысле, в связи с такими различиями, мы будем говорить о существенных теоретических основах нормативной науки. Мы разумедем под ним безусловно существенные для ее построения теоретические науки, но на ряду с ними и соответственные группы теоретических суждений, которые имеют решающее значение для осуществления нормативной дисциплины.

<sup>1)</sup> Сравни выше § 15, стр. 28.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

## Психологизм, его аргументы и его позиция в отношении к обычным возражениям.

§ 17. *Спорный вопрос, относятся ли существенные теоретические основы логики к психологии.*

Если мы примѣнимъ общія положенія, установленныя въ предыдущей главѣ, къ логикѣ, какъ нормативной дисциплинѣ, то первымъ важнѣйшимъ вопросомъ явится: изъ какихъ теоретическихъ наукъ черпаетъ свои существенныя основы наукоученіе? Къ нему точнѣе же присоединяется дальнѣйшій вопросъ: вѣрно ли, что теоретическія истины, которыя обсуждаются въ предѣлахъ традиціонной и новѣйшей логики и прежде всего тѣ, которыя составляютъ ея существенную основу, теоретически умѣщаются въ предѣлахъ уже разграниченныхъ и самостоятельно развивающихся наукъ?

Тутъ мы наталкиваемся на спорный вопросъ о соотношеніи между психологіей и логикой. Одно господствующее въ наше время направленіе имѣетъ готовый отвѣтъ на эти вопросы: существенныя теоретическія основы логики находятся въ психологіи; къ ея области относятся по своему теоретическому содержанію тѣ положенія, которыя придають логикѣ ея характерныя черты. Логика относится къ психологіи, какъ какая-либо отрасль химической технологии къ химіи, какъ землемѣрное искусство къ геометріи и т. д. Это направленіе не видитъ повода къ отграниченію новой теоретической науки, въ особенности такой, которая заслуживала бы названіе логики въ болѣе узкомъ и рельефномъ смыслѣ. Нерѣдко подразумѣваютъ даже, будто психологія составляетъ единственную и совершенно достаточную теоретическую основу для технического ученія логики. Такъ въ полемикѣ Милля противъ Гамильтона

мы читаемъ: «Логика—не обособленная отъ психологіи и соподчиненная ей наука. Поскольку она вообще наука, она есть часть или вѣтвь психологіи, отличающаяся отъ нея какъ часть отъ цѣлаго, и, съ другой стороны, какъ искусство отъ науки. Своими теоретическими основами она цѣлкомъ обязана психологіи и включаетъ въ себя столько изъ этой науки, сколько необходимо для обоснованія правилъ искусства» <sup>1)</sup>. По Липпсу логику слѣдуетъ даже считать лишь составной частью психологіи. Онъ говоритъ: «То, что логика является частной психологической дисциплиною, достаточно ясно отдѣляетъ ее отъ психологіи» <sup>2)</sup>.

§ 18. *Аргументация психологизмовъ* <sup>3)</sup>.

Если мы зададимъ вопросъ о правомѣрности подобныхъ воззрѣній, то намъ представится въ высшей степени внушительная аргументація, которая, повидимому, сразу пресѣкаетъ всякую возможность спора. Какъ бы ни опредѣлять логическое техническое ученіе—какъ техническое ученіе о мышленіи, о сужденіи, объ умозаключеніи, о познаніи, о доказательствѣ, о знаніи, о направленіи разума въ исканіи истины или при оцѣнкѣ доказательствъ и т. д.—всюду объектами практическаго регулированія признается психическая дѣятельность или ея продукты. И если вообще искусственная обработка матеріала предполагаетъ знаніе его свойствъ, то, слѣдовательно, это имѣетъ мѣсто и здѣсь, гдѣ дѣло идетъ спеціально о психологическомъ матеріалѣ. Научное изслѣдованіе правилъ, по которымъ его слѣдуетъ обрабатывать, приведетъ насъ, разумѣется, къ научному изслѣдованію этихъ свойствъ: теоретическая основа для построенія логическаго техническаго ученія есть, слѣдовательно, психологія, въ частности, психологія повнанія <sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> J. St. Mill, An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy. P. 461 (русс. пер. Д. ж. С. т. М и л л я. Обзоръ философіи сэръ Виліама Гамильтона. Спб. 1869).

<sup>2)</sup> Lipps, Grundzüge der Logik (1898) § 3 (русс. пер. Л и п п с ъ, Основы логики, изд. Поповой).

<sup>3)</sup> Я употребляю выраженія «психологизмъ», «психологизмъ» и т. д. безъ всякаго «оттѣнка» сужденія, такъ же, какъ Ш т у м п ѣ въ своей работѣ „Psychologie und Erkenntnistheorie“.

<sup>4)</sup> «Что логика есть психологическая дисциплина,—это столь же достоверно, какъ и то, что познание происходитъ только въ психикѣ, и что мышленіе, завершающееся имъ, есть психологическій процессъ». (Л и п п с ъ, тамъ же).

Взглянув на содержание логической литературы, мы найдем подтверждение этому. О чем здесь всегда идет речь? О понятиях, суждениях, умозаключениях, дедукции, индукции, определениях, классификациях и т. д.—все это относится к психологии, но выбрано и распределено согласно нормативным и практическим точкам зрения. Какие бы узкие рамки ни ставил чистой логики, из нее нельзя устроить психического элемента. Она кроется уже в понятиях, которые являются конститутивными для логических законов, напр., в понятиях истины и заблуждения, утверждения и отрицания, общего и частного, основания и следствия и т. п.

§ 19. Обычные аргументы противников и из психологическое опровержение.

Как это ни странно, но противная сторона пытается обосновать строгую раздельность обоих дисциплин, исходя именно из нормативного характера логики. Психология,—говорит она,—рассматривает мышление, как оно есть, логика же — как оно должно быть. Первая рассматривает естественные законы мышления, последняя—его нормативные законы. Так, Яäsche в своей обработке лекций Канта по логике говорит: <sup>1)</sup> «Правда, некоторые логики предполагают в логике психологические принципы. Но вносить подобные принципы в логику так же бесполезно, как выводить мораль из жизни. Если бы мы брали основные принципы из психологии, то есть из наблюдений над нашим разумом, то мы только усматривали бы, как протекает мышление и каким оно бывает при тех или иных субъективных условиях или препятствиях; но это привело бы лишь к познанию случайных законов». В логике же дело идет не о случайных, а о необходимых правых, не о том, как мы мыслим, а о том, как мы должны мыслить. Поэтому правила логики должны быть выводимы не из случайной деятельности разума, а из необходимой, которую каждый найдет в себе помимо всякой психологии. В логике мы хотим знать не каков разум, и не как он мыслит и как досел осуществлял мышление, а лишь, как он должен мыслить. Она

должна нас научить правильному, т. е. согласующемуся с самим собою пользованию разумом». Сходную позицию занимает и Герbart, который, возражая против логики своего времени и «мнимо психологических расхождений ум и разум, с которых она начинается», говорит, что это—столь же грубая ошибка, как если бы этика начиналась с естественной истории человеческих склонностей, влечений и слабостей; логика, как и этика, говорит он, носит нормативный характер <sup>1)</sup>.

Подобная аргументация ничуть не смущает психологистов. Необходимое употребление разума, отрицают они, есть ведь все же употребление разума и вместе с самым разумом относится к области психологии. Мышление, каким оно должно быть, есть только особый случай мышления, как оно есть. Конечно, психология должна исследовать естественные законы мышления, стало быть, законы всех суждений, вообще правильных и неправильных; но странно было бы толковать это положение так, что к психологии относятся только широчайшие всеобщие законы, охватывающие все суждения вообще, между тем как специальные законы суждения, а именно законы о правильном суждении должны быть исключены из нее <sup>2)</sup>. Или это не так? Хотят ли этим сказать, что законы, нормирующие мышление, не носят характера таких специальных психологических законов? Но и это не есть возражение. Законы, нормирующие мышление—так говорят, обыкновенно—только указывают, как надлежит поступать, если предполагается желание мыслить правильно. «Мы мыслим правильно в материальном смысле, когда мы мыслим вещи, как они суть. Но вещи имеют такие или иные свойства, действительны и несомннны,—это означает на нашем языке, что мы согласно природе нашего ума не можем их мыслить иначе, как только таким образом. Уже достаточно часто говорилось, и нет надобности повторять, что, разумеется, ни одна вещь не может ни мыслиться нами, ни быть предметом нашего познания, как она есть, независимо от способа, каким мы вынуждены ее мыслить. Следовательно, кто сравнивает свои мысли о вещах с самими вещами, тот на самом деле только сонмфряет свое случайное, зависящее от привычки, традиции, симпатий и антипатий мышление

<sup>1)</sup> Einleitung, I. Begriff der Logik. Kant's 'Werke, ed. Hartenstein 1867 VII. S. 15.

<sup>1)</sup> Herbart. Psychologie als Wissenschaft, II, § 119. (Originalausgabe II. S. 178).

<sup>2)</sup> Ср., напр., Mill, An Examination, стр. 459 и след.

съ тѣмъ мышленіемъ, которое, будучи свободно отъ всякихъ вліяній, повинутся только собственной закономѣрности».

«Но тогда тѣ правила, которымъ надо слѣдовать, чтобы мыслить правильно, суть не что иное, какъ правила, слѣдующія которымъ мы мыслимъ такъ, какъ этого требуетъ своеобразіе мышления, его особая закономѣрность; короче говоря, они совпадаютъ съ естественными законами самого мышления. Логика есть физика мышления, или же логика вообще не существуетъ» <sup>1)</sup>.

Но противники психологизма, быть можетъ, скажутъ <sup>2)</sup>: Правда, различные виды представленій, сужденій, умозаключеній и т. д., какъ психическія явленія и тенденціи, относятся также и къ психологіи; но психологія имѣетъ въ отношеніи къ нимъ иную задачу, чѣмъ логика. Обѣ изслѣдуютъ законы этихъ явленій, но для каждой изъ нихъ слово «законъ» означаетъ нѣчто совершенно различное. Задача психологіи есть закономѣрное изслѣдованіе реальной связи процессовъ сознанія между собою, а также съ родственными психическими тенденціями и соответствующими процессами въ физическомъ организмѣ. Законъ здѣсь означаетъ объединяющую формулу для необходимой и не терпящей исключеній связи явленій въ ихъ сосуществованіи и послѣдовательности. Связь тутъ — причинная. Совершенно иной характеръ имѣетъ задача логики. Логика изслѣдуетъ не причины и слѣдствія интеллектуальныхъ дѣйствій, а содержащуюся въ нихъ истину; она спрашиваетъ, каковы должны быть свойства этихъ дѣйствій, и какъ они должны протекать, чтобы достигаемые ими сужденія были истинны. Вѣрные и ложныя сужденія, разумныя и слѣпныя являются и исчезаютъ согласно естественнымъ законамъ, они, какъ всѣ психическія явленія, имѣютъ свои причины и слѣдствія. Но не эти естественныя связи интересуютъ логику, онъ ищетъ идеальныхъ связей, которыя не всегда, а, наоборотъ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, фактически осуществляются въ процессѣ мышления. Его цѣлью является не физика, а этика мышления. Справедливо, поэтому, подчеркиваетъ Зигвартъ: для психологическаго изслѣдованія мышления «противоположность истиннаго и ложнаго имѣетъ также мало значенія...

<sup>1)</sup> Lipps. Die Aufgabe der Erkenntnistheorie. Philos. Monatshefte XVI (1880). S. 630 f.

<sup>2)</sup> Ср., напр., Hamilton. Lectures III стр. 78 (цитировано у Милля ук. соч. стр. 460); Drobisch, Neue Darstellung der Logik 4 § 2 ср. цитату выше на стр. 29; B. Erdmann, Logik I, S. 18.

какъ мало противоположность добраго и злаго въ человѣческихъ поступкахъ носить характеръ психологическій» <sup>1)</sup>.

Такая половинчатость — скажутъ психологисты — насъ удовлетворить не можетъ. Логика, конечно, ставитъ себѣ совершенно иную задачу, чѣмъ психологія; кто же это станетъ отрицать? Она именно есть технология познанія; но какъ она можетъ въ этомъ случаѣ не затрагивать вопроса о причинныхъ связяхъ, какъ она можетъ искать идеальной связи, не изслѣдуя естественныхъ? «Какъ будто всякое должествованіе не основывается на бытіи, какъ будто всякая этика не должна одновременно проявлять себя, какъ физика» <sup>2)</sup>. «Вопросъ о томъ, что должно дѣлать, можно свести къ вопросу о томъ, что нужно дѣлать для достиженія определенной цѣли; а этотъ вопросъ въ свою очередь равнозначенъ вопросу о томъ, какъ эта цѣль фактически достигается» <sup>3)</sup>. Если для психологіи, въ отличіе отъ логики, противоположность истиннаго и ложнаго не имѣетъ значенія, «то это не можетъ означать, что психологія считаетъ эти два различныхъ психическихъ состоянія одинаковыми, а лишь то, что она объясняетъ одинаково и то, и другое» <sup>4)</sup>. Въ теоретическомъ смыслѣ логика, слѣдовательно, относится къ психологіи, какъ часть къ цѣлому. Ея главная цѣль — составлять положенія слѣдующей формы: именно такъ, а не иначе слѣдуетъ — вообще или при опредѣленно охарактеризованныхъ обстоятельствахъ — формировать, распределять и соединять интеллектуальныя дѣйствія, чтобы вытекающія изъ нихъ сужденія достигали характера очевидности, или познанія въ точномъ смыслѣ слова. Причинная зависимость здѣсь ясна до осязательности. Психологическій характеръ очевидности есть причинное слѣдствіе извѣстныхъ предшествующихъ условій. Какихъ именно? Это и составляетъ задачу изслѣдованія <sup>5)</sup>.

Такъ же мало колеблетъ позицію психологистовъ и слѣдующій, часто повторяемый аргументъ. Логика, говорятъ, не можетъ основываться ни на психологіи, ни на какой-либо другой наукѣ; ибо

<sup>1)</sup> Logik I, S. 10. Однако самъ Зигвартъ, какъ мы увидимъ это въ VII главѣ, въ своемъ способѣ трактованія логики придерживается всецѣло психологистическаго направленія.

<sup>2)</sup> Lipps. Die Aufgabe der Erkenntnistheorie. S. 629.

<sup>3)</sup> Lipps. Grundzüge der Logik § 1.

<sup>4)</sup> Lipps. ук. соч. § 3. S. 2.

<sup>5)</sup> Эта точка зрѣнія простирается съ все возрастающей ясностью въ проведеніяхъ Милля, Зигварта, Вундта, Геффлера-Мейнонга. Ср. цитаты и критику въ гл. VIII § 49 и сл.

каждая наука только тогда есть наука, когда она согласуется с правилами логики, каждая из них уже предполагает признание этих правил. Таким образом, основывать логику еще на психологии значит впадать въ кругъ <sup>1)</sup>.

На это сторонники психологизма отвечаютъ, что неискренность этой аргументации ясна, ибо изъ нея вытекаетъ невозможность логики вообще. Такъ какъ логика, въ качествѣ науки, сама должна быть логична, то она вѣдь падаетъ въ тотъ же кругъ; она должна была бы обосновывать вѣрность правилъ, которыя сама предполагаетъ.

Но присмотримся поближе, въ чемъ собственно состоитъ этотъ подорываемый кругъ. Въ томъ, что психологія предполагаетъ признание логическихъ аксиомъ? Обратимъ вниманіе на нѣкоторую двусмысленность въ понятіи предположенія. Когда говорятъ: наука предполагаетъ обязательность извѣстныхъ правилъ, это можетъ означать, что они являются посылками ея обоснованій; но это можетъ также означать, что это—правила, которымъ должна слѣдовать наука, чтобы вообще быть наукой. Разсматриваемый аргументъ смѣшиваетъ то и другое: умозаключать согласно правиламъ логики означаетъ для него то же, что умозаключать изъ правилъ логики; ибо кругъ получился бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы умозаключали изъ нихъ. Но подобно тому, какъ иной художникъ творитъ прекрасныя произведенія, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ эстетикѣ, такъ и исследователь можетъ строить доказательства, не обращаясь никогда къ логикѣ; стало быть, логические законы не могли быть ихъ посылками. И что справедливо для отдѣльныхъ доказательствъ, то справедливо и для цѣлыхъ наукъ.

## § 20. Пробѣлы въ аргументаціи психологизмовъ.

Нельзя не признать, что антипсихологисты, выдвигая эти и сходные аргументы, оказываются въ невыгодномъ положеніи. Многимъ споръ представляется уже рѣшеннымъ, и возраженія психо-

<sup>1)</sup> Ср. Lotze. Logik § 332, S. 543—44. Natorp. Ueber subjective und objective Begründung der Erkenntnis, Philos. Monatshefte XXIII. S. 264. Erdmann. Logik. S. 18. Ср. противоположную точку зрѣнія у Stumpf, Psychologie und Erkenntnistheorie S. 5 (Abhandlungen der k. bayer. Acad. d. Wiss. I. Kl. XIX Bd. I Abth. S. 469. Что у Штумпфа рѣчь идетъ не о логикѣ, а о теоріи познанія,—это, очевидно, не составляетъ существеннаго различія).

логистовъ—безусловно неопровержимыми. Но одно тутъ способно вызвать философское удивленіе, а именно, то обстоятельство, что вообще возникъ и продолжается споръ, что однѣ и тѣ же аргументаціи постоянно снова выставляются, и что ихъ опроверженія до сихъ поръ не получили полного признанія. Еслибы въ дѣйствительности все обстояло такъ ясно и просто, какъ увѣряютъ насъ психологисты, то такое состояніе вопроса было бы непонятно, тѣмъ болѣе, что и въ рядахъ противниковъ числятся серьезные, проницательные и добросовѣстные мыслители. Не лежитъ ли и здѣсь истина въ серединѣ, не приходится ли здѣсь за каждой изъ сторонъ признать добрую долю истины и, выйдя съ тѣмъ, неспособность логически точно ограничить ее и постигнуть, что она есть именно лишь часть истины? Не остается ли въ аргументахъ антипсихологистовъ, несмотря на нѣкоторыя неискренности въ частностяхъ, несомнѣнно вскрытыя возраженіями—все же нѣкоторый нерастворенный остатокъ, не присуща ли имъ все же дѣйствительная сила, ясно обнаруживающаяся при безпристрастномъ ихъ разсмотрѣніи? Я съ своей стороны склоненъ дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Мнѣ кажется даже, что болѣе существенная доля истины на сторонѣ антипсихологистовъ; у нихъ лишь недостаточно разработаны, а также затуманены нѣкоторыми неправильностями мысли, имѣющія рѣшающее значеніе.

Вернемся къ поставленному выше вопросу о существенныхъ теоретическихъ основахъ нормативной логики. Исчерпанъ ли онъ, дѣйствительно, аргументаціей психологистовъ? Тутъ мы сразу замѣчаемъ одинъ слабый пунктъ. Доказано только одно: именно, что психологія принимаетъ участіе въ построении основъ логики, но не доказано, что участвуетъ она одна или она по преимуществу, не доказано, что она доставляетъ логикѣ существенную основу въ опредѣленномъ нами (§ 16) смыслѣ. Остается открытой возможность, что другая наука и, быть можетъ, еще въ несравненно болѣе значительной степени, содѣйствуетъ обоснованію логики. И здѣсь, быть можетъ, мѣсто для той «чистой логики», которая, по мнѣнію противниковъ психологизма, должна существовать независимо отъ какой бы то ни было психологіи, въ качествѣ естественно ограниченной, замкнутой въ себѣ науки. Мы охотно признаемъ, что «чистая логика» кантіанцевъ и герbartіанцевъ отличается не вполнѣ тѣмъ характеромъ, какимъ она должна бы обладать согласно этому допущенію. Вѣдь они всюду говорятъ лишь о нормативныхъ законахъ мышленія, въ частности образо-

ванія понятій, сужденій и т. д.; уже это одно доказывает,—можно было бы сказать,—что содержаніе логики—не теоретическое и не чуждое психологіи. Но это соображеніе потеряло бы силу, если бы при ближайшемъ изслѣдованіи подтвердилось вышеприведенное (§ 13, стр. 30 – 31) предположеніе, что хотя эти двѣ школы не имѣли полной удачи въ своемъ опредѣленіи и построеніи задуманной дисциплины, но приблизились къ ней въ томъ отношеніи, что замѣтили въ традиционной логикѣ множество связанныхъ между собой теоретическихъ истинъ, которыя не умѣщаются ни въ психологіи, ни въ другихъ отдѣльныхъ наукахъ, и потому заставляютъ предполагать свою собственную область истины. Это были именно тѣ истины, на которыя въ конечномъ счетѣ опирается всякое логическое регулированіе и которыя преимущественно имѣлись въ виду, гдѣ рѣчь шла о логическихъ истинахъ. Поэтому-то легко было притти къ заключенію, что въ нихъ кроется суть всей логики, и дать ихъ теоретическому единству названіе «чистой логики». Я надѣюсь въ дѣйствительности доказать, что это совпадаетъ съ истиннымъ положеніемъ вещей.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

### Эмпиристическія слѣдствія психологизма.

§ 21. *Два эмпиристическія слѣдствія, вытекающія изъ психологистической точки зрѣнія, и ихъ опроверженіе.*

Станемъ на мгновеніе на почву психологистической логики и предположимъ, что важнѣйшія теоретическія основы логическихъ предписаній кроются въ психологіи. Какъ бы ни опредѣлять эту дисциплину, какъ науку о психическихъ явленіяхъ, или какъ науку о фактахъ сознанія, или о фактахъ внутренняго опыта, о переживаніяхъ въ ихъ зависимости отъ переживающихъ личностей или какъ-либо иначе—всѣ согласны въ томъ, что психологія есть наука о фактахъ и тѣмъ самымъ опытная наука. Мы не встрѣтимъ также возраженія, если прибавимъ, что психологія до сихъ поръ еще лишена настоящихъ и точныхъ законовъ, и что положенія, которыя она сама устанавливаетъ названія законовъ, суть хотя и весьма цѣнныя, но все же лишь приблизительныя <sup>1)</sup> обобщенія опыта, высказыванія о приблизительныхъ правильностяхъ сосуществованія или послѣдовательности. Эти положенія совсѣмъ и не претендуютъ устанавливать съ непогрѣшимой и однозначной опредѣленностью, что должно совмѣстно существовать или совершаться при извѣстныхъ, точно описанныхъ условіяхъ. Возьмемъ, напр., законы ассоціаціи идей, которымъ ассоціативная психологія приписываетъ значеніе основныхъ психологическихъ законовъ. Какъ

<sup>1)</sup> Я употребляю терминъ „приблизительный“ (vage), какъ противоположность точному. Онъ отнюдь не долженъ выражать неуваженія къ психологіи, умалять значеніе которой я нисколько не имѣю въ виду. Естественное во многихъ, въ особенности въ конкретныхъ дисциплинахъ имѣть приблизительные „законы“. Такъ, напр., метеорологическіе законы лишь приблизительны, однако, она имѣютъ большую цѣнность.

только постараться надлежащим образом формулировать их эмпирически правомѣрный смыслъ, они точасъ же теряютъ предполагаемый характеръ закона. Исходя изъ этого, мы получаемъ довольно рискованныя для психологовъ сдѣлствія:

**Во-первыхъ.** На приближительныя теоретическія основы могутъ опираться лишь приближительныя правила. Если въ психологическихъ законахъ отсутствуетъ точность, то то же распространяется и на предписанія логики. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторымъ изъ этихъ предписаній дѣйствительно присуща эмпирическая приближительность. Но именно такъ называемые логическіе законы въ истинномъ смыслѣ, о которыхъ мы выше узнали, что они, въ качествѣ законовъ обоснованій, составляютъ собственно ядро всей логики — каковы логическіе «принципы», законы силлогистики, законы многихъ иныхъ видовъ умозаключенія, напр., умозаключеніе о равенствѣ, умозаключеніе Бернулли отъ  $n$  къ  $n+1$ , принципъ умозаключеній вѣроятности и т. д. — абсолютно точны; всякое толкованіе, которое подставляло бы вмѣсто нихъ эмпирическія неопредѣленности, ставило бы ихъ значеніе въ зависимость отъ приближительныхъ «обстоятельствъ», и искажало бы кореннымъ образомъ ихъ истинный смыслъ. Это, очевидно, настоящіе законы, а не «только эмпирическіе», т. е. приближительныя правила.

Если математика, какъ думалъ Лотце, есть лишь самостоятельно развившаяся вѣтъ логики, то и чисто математическіе законы во всемъ ихъ неисчерпаемомъ изобиліи относятся къ намѣченной только что сферѣ точныхъ логическихъ законовъ. И во всѣхъ дальнѣйшихъ возраженіяхъ слѣдуетъ имѣть въ виду, наряду съ этой сферой, и сферу чистой математики.

**Во-вторыхъ.** Если бы кто-нибудь, чтобы избѣжать перваго возраженія, сталъ отрицать свойственную всѣмъ психологическимъ законамъ неточность и пожелалъ основывать нормы только что обозначеннаго нами класса на будто бы точныхъ естественныхъ законахъ мышленія, то выигрышъ былъ бы еще не великъ.

Ни одинъ естественный законъ не познаемъ а priori, т. е. съ сознаніемъ его очевидности. Единственный путь для обоснованія и оправданія подобныхъ законовъ есть индукція изъ единичныхъ фактовъ опыта. Но индукція обосновываетъ не истинность закона, а лишь большую или меньшую степень вѣроятности ея; съ очевидностью сознается вѣроятность, а не самый законъ. Поэтому и логическіе законы, и притомъ всѣ безъ исключенія, должны были бы обладать лишь вѣроятностью. Напротивъ, совер-

шенно ясно, что всѣ «чисто логическіе» законы истинны «а priori». Они обосновываются и оправдываются не черезъ индукцію, а черезъ аподиктическую очевидность. Съ внутренней убѣдительностью оправдывается не только вѣроятность ихъ значенія, но и само ихъ значеніе яля истинность.

Законъ противорѣчія не утверждаетъ, что изъ двухъ противорѣчащихъ сужденій должно предполагать одно истиннымъ, а другое ложнымъ. Модусъ Варбага не говоритъ, что если положенія формы: «Всѣ  $A$  суть  $B$ » и «Всѣ  $B$  суть  $C$ » истинны, то надо предполагать истиннымъ соответствующее положеніе формы «Всѣ  $A$  суть  $C$ ». И такъ всюду, также и въ области чисто математическихъ положеній. Въ противномъ случаѣ оставалась бы открытой возможность, что при расширеніи нашего всегда ограниченнаго круга опыта, предположеніе не оправдается. Въ такомъ случаѣ возможно, что наши логическіе законы суть лишь «приближенія» къ подлинно истиннымъ, но недостижимымъ для насъ законамъ мышленія. Такія возможности серьезно и по праву принимаются въ соображеніе, когда дѣло идетъ о законахъ природы. Хотя законъ тяготѣнія уже неоднократно подтверждался самими широкими индукціями и провѣрками, но въ наше время ни одинъ естественныйспытатель не считаетъ его абсолютно истиннымъ закономъ. Иногда дѣлаются попытки установить новыя формулы тяготѣнія, было, напр., показано, что основной законъ электрическихъ явленій, установленный Веберомъ, вполне могъ бы функционировать и въ качествѣ основнаго закона тяжести. Факторъ, по которому различается та и другая формула, обуславливаетъ различія въ вычисляемыхъ величинахъ, не выходящія за предѣлы неизбежныхъ ошибокъ наблюденія. Но такихъ факторовъ можно мыслить безконечное множество; поэтому мы а priori знаемъ, что безконечное множество законовъ могутъ и должны давать то же самое, что даетъ законъ тяготѣнія Ньютона (выгодный только своей чрезвычайной простотой). Мы знаемъ, что даже само исканіе единственно истиннаго закона при вездѣ и всегда неустраняемой неточности наблюденій было бы бессмысленно. Такое положеніе дѣла въ точныхъ наукахъ о фактахъ. Однако, отнюдь не въ логикѣ. То, что тамъ является вполне оправдываемой возможностью, здѣсь есть явная нелѣпость. Видъ намъ убѣдительно ясна не простая вѣроятность, а истина логическихъ законовъ. Мы усматриваемъ основныя принципы силлогистики, индукціи Бернулли, умозаключенія вѣроятности, общей арифметики и т. п.,



т. е. мы постигаем въ нихъ саму истину; такимъ образомъ, теряютъ всякій смыслъ слова о сферахъ неточности, объ однихъ лишь приближеніяхъ и т. д. Но если неѣдно то, что вытекаетъ, какъ слѣдствіе, изъ психологическаго обоснованія логики, то и само это обоснованіе неѣдно.

Противъ самой истины, воспринимаемой нами съ внутренней убѣдительною, бесильна и самая сильная психологическая аргументація; вѣроятность не можетъ спорить противъ истины, предположеніе—противъ очевидности. Пусть тотъ, кто остается въ сферѣ общихъ соображеній, поддается обманчивой убѣдительности психологическихъ аргументовъ,—достаточно бросить взглядъ на какой-либо изъ законовъ логики, обратить вниманіе на настоящій его смыслъ и на внутреннюю убѣдительность, съ которой воспринимается его истинность, чтобы положить конецъ этому заблужденію.

Какъ внушительно звучитъ то, что хочеть намъ навязать обычная психологическая рефлексія: логическіе законы суть законы для обоснованій; а что такое обоснованіе, какъ не своеобразныя сплетенія мыслей человѣка, коветными звеньями которыхъ при извѣстныхъ нормальныхъ условіяхъ являются сужденія, носящіа характеръ необходимыхъ слѣдствій? Но и этотъ характеръ—тоже психическій, это—только извѣстнаго рода настроенія, и больше ничего. И всѣ эти психическіа явленія, разумеется, не стоятъ изолированными, а суть отдѣльныа нити той переплетающейся ткани психическихъ явленій, психическихъ тенденцій и органическихъ процессовъ, которую мы называемъ человѣческой жизнью. Можетъ ли при такихъ условіяхъ получиться что-нибудь другое, кромѣ эмпирическихъ общихъ положеній? Да и какъ можетъ психологіа дать что либо большее?

Мы отвѣчаемъ: конечно, психологіа не даетъ ничего большаго. Поэтому то она и не можетъ дать тѣхъ аподиктически очевидныхъ и тѣмъ самымъ сверхэмпирическихъ и абсолютно точныхъ законовъ, которые составляютъ ядро всякой логики.

§ 22. *Законы мышленія, какъ предполагаемые естественные законы, которые, дѣйствуя изолированно, являются причиной разумнаго мышленія.*

Здѣсь уместно дать оцѣнку одного весьма распространеннаго пониманія логическихъ законовъ, которое опредѣляетъ правильность

мышленія, какъ соотвѣтствіе нѣкоторымъ законамъ мышленія (какъ бы они ни формулировались), но вмѣстѣ съ тѣмъ склонно придавать этому соотвѣтствію слѣдующее психологическое толкованіе: законы мышленія суть естественные законы, характеризующіе своеобразие нашего духа, какъ мыслящаго начала; поэтому сущность соотвѣтствія, опредѣляющаго правильное мышленіе, состоитъ въ чистомъ, не осложненномъ никакими другими психическими вліяніями (какъ напр. привычка, склонность, традиція) дѣйствіи этихъ законовъ<sup>1)</sup>.

Приведемъ здѣсь одно изъ рискованныхъ слѣдствій этого ученія. Законы мышленія, какъ каузальные законы, согласно которымъ развиваются познанія, могутъ быть даны только въ формѣ вѣроятностей. Такимъ образомъ, ни одно утвержденіе не можетъ опредѣленно считаться правильнымъ; ибо если основной мѣрой всякой правильности является вѣроятность, то она накладываетъ печать простой вѣроятности на всякое познаніе. Мы стояли бы въ этомъ случаѣ передъ самымъ крайнимъ пробабилизмомъ. Утвержденіе, что всякое знаніе лишь вѣроятно, было бы и само только вѣроятно; равнымъ образомъ и это новое утвержденіе, и т. д. до безконечности. Такъ какъ каждая слѣдующая ступень вѣроятности вѣскольکو понижаетъ мѣру вѣроятности ближайшей предыдущей, то мы должны были бы серьезно опасаться за цѣнность всякаго познанія. Мы можемъ лишь надѣяться, что къ нашей удачѣ степени вѣроятности этихъ безконечныхъ рядовъ будетъ всегда носить характеръ «фундаментальныхъ рядовъ» Канта, и притомъ такъ, что конечная предѣльная цѣнность вѣроятности отнимаемаго познанія есть реальное абсолютное число  $>0$ . Эти неудобства, разумеется, устраняются, если считать законы мышленія внутренне очевидными. Но какъ можемъ мы усматривать очевидность причинныхъ законовъ?

Но допустимъ, что это затрудненіе не существуетъ; тогда мы все же можемъ спросить: да гдѣ же доказано, что изъ чистаго дѣйствія этихъ законовъ (или какихъ бы то ни было законовъ) получаются правильные акты мышленія? Гдѣ тѣ генетическіе анализы, которые давали бы намъ право объяснять явленія мышленія изъ двухъ классовъ естественныхъ законовъ, причемъ одни изъ нихъ исключительно опредѣляютъ ходъ такихъ причиненій, изъ которыхъ

<sup>1)</sup> Ср., напр., цитированная выше на стр. 45—46 положенія изъ статьи Липса о задачахъ теоріи познанія.

проистекает логическое мышление, тогда как алогическое мышление соопределяется также и другими? Развѣ соотвѣтствіе мышления съ логическими законами равняется доказательству его каузальнаго происхожденія согласно этимъ именно законамъ, какъ естественнымъ?

Повидимому, нѣкоторыя естественныя смѣшенія повятій содѣйствовали здѣсь психологическимъ заблужденіямъ. Прежде всего, смѣшиваютъ логическіе законы съ сужденіями (актами сужденія), въ которыхъ они могутъ быть познаны, т. е. законы, какъ «содержанія сужденій» — съ самими сужденіями. Постиженія суть реальныя процессы, имѣющіе свои причины и дѣйствія. Особенно часто сужденія, содержащіе которыхъ являются законъ, дѣйствуютъ въ качествѣ мотивовъ мышленія, опредѣляющихъ ходъ нашихъ интеллектуальныхъ переживаній въ томъ направленіи, который предписывается именно этимъ содержаниемъ, т. е. законами мышленія. Въ такихъ случаяхъ реальный порядокъ слѣдованія и соединенія нашихъ интеллектуальныхъ переживаній адекватенъ тому, что въ общей формѣ мыслится въ руководящемъ познаніи закона; этотъ порядокъ есть конкретный единичный случай по отношенію къ общему утвержденію закона. Но если законъ смѣшивается съ сужденіемъ, познаніемъ закона, идеальное съ реальнымъ, то законъ представляется опредѣляющей силой процесса нашего мышленія. Не трудно понять, что съ этимъ связано еще и второе смѣшеніе, а именно, смѣшеніе закона, какъ звена причиненія, съ закономъ, какъ правиломъ причиненія. Въдѣ и въ другихъ случаяхъ приходится встрѣчаться съ мнѣшечкой рѣзкою о законахъ природы. какъ о силахъ, властвующихъ надъ процессами природы, — какъ будто правила причинныхъ связей могутъ сами разумно функционировать, какъ причины, т. е. какъ члены этихъ же связей. Серьезное смѣшеніе столь различныхъ по существу вещей въ нашемъ случаѣ явно поощряется совершеннымъ раньше смѣшеніемъ закона съ познаніемъ закона. Въдѣ логическіе законы казались уже двигателями силами въ процессѣ мышленія. Предполагалось, что они причинно управляютъ процессомъ мышленія; стало быть, они суть каузальные законы мышленія, въ нихъ выражено, какъ мы должны мыслить, слѣдуя природѣ нашего ума, они характеризуютъ человѣческій умъ, какъ мыслящій (въ собственномъ смыслѣ). Если мы при случаѣ мыслимъ не такъ, какъ этого требуютъ эти законы, то мы, собственно говоря, вообще не «мыслимъ», мы судимъ въ

этомъ случаѣ не такъ, какъ предписываютъ естественныя законы мышленія или какъ этого требуетъ своеобразіе нашего ума, какъ мыслящаго; наше мышленіе въ такихъ случаяхъ опредѣляется, и опять таки причинно, иными законами, мы слѣдуемъ смутнымъ вліяніямъ привычки, страсти и т. п.

Конечно, такой взглядъ могъ возникнуть и изъ-за другихъ мотивовъ. Изъ опыта извѣстно, что люди, нормально предрасположенные въ извѣстной сферѣ мышленія, напр., каждый ученый въ своей области, обыкновенно судятъ логически правильно. Этотъ фактъ естественно ведетъ за собою объясненіе, по которому логическіе законы, по которымъ измѣряется правильность мышленія, вмѣстѣ съ тѣмъ въ формѣ каузальныхъ законовъ опредѣляютъ ходъ каждаго даннаго мышленія; отдѣльныя же отклоненія отъ нормы легко относятся за счетъ смутныхъ вліяній, исходящихъ изъ другихъ психологическихъ источниковъ.

Чтобы опровергнуть это, достаточно слѣдующее соображеніе. Мы создаемъ фикцію идеальнаго человѣка, у котораго все мышленіе происходитъ такъ, какъ этого требуютъ логическіе законы. Разумѣется, фактъ, что оно такъ происходитъ, имѣетъ свое объясняющее основаніе въ извѣстныхъ психологическихъ законахъ, которые извѣстнымъ образомъ регулируютъ процессъ психическихъ переживаній этого существа, начиная съ первыхъ «коллокацій». И вотъ я спрашиваю: тождественны ли, при этомъ допущеніи, эти естественныя законы съ логическими законами? Отвѣтъ, очевидно, долженъ быть отрицательнымъ. Каузальные законы, по которымъ мышленіе должно протекать такъ, какъ этого требовали бы идеальныя нормы логики, и сами эти нормы — это, въдѣ, совѣмъ не одно и то же. Если какое-нибудь существо обладаетъ такой организаціей, что не можетъ въ единомъ ходѣ мысли высказывать противорѣчія сужденія или совершать умозаключенія, несогласныя съ силлогистическими модусами, то изъ этого не слѣдуетъ, что законъ противорѣчія, модусъ Barbana и т. п. суть естественныя законы, которые могутъ объяснить такую организацію. Это различіе легко уяснить, взявъ на примѣръ счетной машины. Порядокъ и связь высказывающихъ цифръ закономерно урегулированы такъ, какъ этого требуетъ значеніе аримететическихъ положеній. Но, чтобы объяснить физически ходъ машины, никто не станетъ обращаться къ аримететическимъ законамъ, вмѣсто механическихъ. Машина, правда, не мыслитъ, не понимаетъ ни самое себя, ни значенія своей работы. Но развѣ наша

мыслительная машина не может работать таким же образом, с тем только различием, что реальный ход одного мышления всегда должен был бы признаваться правильным в силу проявляющегося в другом мышлении сознания логической правоты. Это другое мышление могло бы быть результатом работы той же или других мыслительных машин, но идеальная оценка и причинное объяснение все же оставались бы разнородными. Не надо также забывать «первых коллокаций», которые безусловно необходимы для причинного объяснения, но для идеальной оценки безмысленны.

Психологические логики не замечают глубоко существенных и на первый взгляд различий между идеальным и реальным законом, между нормирующим и причинным регулированием, между логической и реальною необходимостью, между логическим и реальным основанием. Никакая мыслимая градация не может составить переход<sup>1)</sup> между идеальным и реальным. Характерно для низкого уровня чисто-логических убеждений нашего времени, что такой исследователь, как Зигварт, говоря о вышеупомянутой фикции идеального в интеллектуальном отношении существа, считает возможным предположить, что для такого «логического основания» была бы вместе с тем реальной, ведущей к действительному мышлению; и что тот же Зигварт для объяснения понятия логического основания пользуется понятием «принуждения к мышлению» (Denkzwang)<sup>2)</sup>. То же относится и к Вундту, который видит в законе достаточного основания «основной закон зависимости наших актов мышления друг от друга»<sup>3)</sup> и т. д. Вечение дальнейшего исследования мы надеемся с полной достоверностью показать даже предубежденным, что здесь дело идет, действительно, об основных логических заблуждениях.

### § 23. Третье следствие психологизма и его опровержение.

В третьих<sup>4)</sup>. Если бы источником сознания логических законов были психологические факты, напр., если бы логические законы, как учить обыкновенно противоположное напри-

вление, были нормативными формулировками психологических фактов, то они сами должны были бы обладать психологическим содержанием и именно в двойном смысле: они должны были бы быть законами для психического, и вместе с тем предполагать существование психического или же заключать его в себя. Можно доказать, что ни того, ни другого нет. Ни один логический закон не предполагает непременно какого-либо «matter of fact», в том числе и существования представлений или суждений или иных явлений познания. Ни один логический закон — в подлинном своем смысле — не есть закон для фактов психической жизни, стало быть, ни для представлений (т. е. переживаний представлений), ни для суждений (т. е. переживаний суждений), ни для прочих психических переживаний.

Большинство психологов настолько подчинены влиянию общего своего предвзвеса, что не помнят о его пробирке на наличных определенных законах логики. Раз эти законы по общим основаниям должны быть психологическими, то зачем доказывать о каждом в отдельности, что он действительно таков? Не обращают внимания на то, что последовательный психологизм приводит к таким толкованиям логических законов, которые в корне чужды их истинному смыслу. Забывают, что при естественном понимании эти законы ни по своему обоснованию, ни по своему содержанию не предполагают ничего психологического (т. е. фактов душевной жизни), или предполагают их, во всяком случае, не больше, чем законы чистой математики.

Если бы психологизм стоял на правильном пути, то в учении об умозаключениях мы могли бы ожидать только правил следующего вида: опыт показывает, что умозаключение формы *S*, отличающееся характером аподиктически необходимого следствия, при условиях *U* связано с предпосылками формы *P*. Стало быть, чтобы «правильно» умозаключать, то есть получать в умозаключении суждения этого отличительного характера, надо поступать сообразно этому и позаботиться об осуществлении условия *U* и соответствующих предпосылок. Тут объектом регулирования были бы психические факты, и вместе с тем их существование предполагалось бы в обосновании правил и заключалось бы в их содержании. Но ни один закон умозаключения не соответствует этому типу. Что, напр., говорит модус *Barbara*? Не что иное, как следующее: общеобязательно для каких угодно классо-

<sup>1)</sup> Sigw. art. Logik I<sup>o</sup> S. 262 u. 263

<sup>2)</sup> Wundt. Logik I<sup>o</sup> S. 578.

<sup>3)</sup> Ср. выше § 21, стр. 51 и след.

выхъ терминовъ  $A$ ,  $B$ ,  $C$ , что если всѣ  $A$  суть  $B$  и всѣ  $B$  суть  $C$ , то всѣ  $A$  суть  $C$ . «Modus ponens» въ полномъ видѣ гласитъ опять таки: «ко всякаго рода сужденіямъ  $A$ ,  $B$  примѣнимъ законъ, что если  $A$ —дѣйствительно, и сверхъ того извѣстно, что при дѣйствительности  $A$  дѣйствительно  $B$ ,—то и  $B$  дѣйствительно». Эти и подобные законы, не будучи эмпирическими, не суть и психологические законы. Правда, традиционная логика выдвигаетъ ихъ съ цѣлью нормирования дѣятельности сужденія. Но развѣ въ нихъ самихъ подразумѣвается существованіе хотя бы единого осуществленнаго сужденія или иного психического явленія? Кто такъ думаетъ, долженъ представить доказательства своего мнѣнія. Что утверждается въ какомъ либо положеніи, то должно быть выводимо изъ него какимъ-нибудь общеобязательнымъ способомъ умозаключенія. Но гдѣ же тѣ формы умозаключенія, которыя давали бы возможность выводить изъ чистаго закона фактъ?

Врядъ ли будутъ возражать, что если бы мы никогда актуально не переживали представленій и сужденій и не отвлекли бы изъ нихъ соответствующихъ логическихъ понятій, то никогда не могли бы возникнуть логическіе законы; или что каждое пониманіе и утверженіе закона включаетъ въ себя существованіе представленій и сужденій, которое, такимъ образомъ, можетъ быть выведено изъ него; ибо едва ли есть надобность упоминать, что здѣсь слѣдствіе выводится не изъ закона, а изъ его пониманія и утверженія, что то же самое слѣдствіе можно было бы вывести изъ любого утверженія, и что психологическія предпосылки или интродукты утверженія какого-либо закона не должны быть смѣшиваемы съ логическими моментами его содержанія.

«Эмпирические законы» eo ipso имѣютъ фактическое содержаніе. Въ качествѣ не настоящихъ законовъ, они, грубо говоря, утверждаютъ лишь, что, согласно опыту, при извѣстныхъ условіяхъ, либо наступаютъ, либо могутъ быть ожидаемы, смотря по обстоятельствамъ, съ большей или меньшей вѣроятностью извѣстныя сосуществованія или послѣдовательности. Этимъ сказано, что такіа обстоятельства, такіа сосуществованія или слѣдованія фактически имѣютъ мѣсто. Но и строгіе законы опытныхъ наукъ не лишены факческаго содержанія. Они—не только законы о фактахъ, но въстѣ съ тѣмъ въ своемъ содержаніи подразумѣваютъ существованіе фактовъ.

Впрочемъ, здѣсь необходима большая точность. Точные законы въ своей нормальной формулировкѣ, конечно, носятъ харак-

теръ чистыхъ законовъ, не заключающа въ себѣ никакихъ утвержденныхъ существованій. Но если мы вспомнимъ объ основаніяхъ, изъ которыхъ они черпаютъ свое научное оправданіе, то сразу станетъ ясно, что они не могутъ быть оправданы, какъ чистые законы нормальной формулировки. Дѣйствительно обоснованъ не законъ тяготѣнія, какъ его выражаетъ астрономія, а положеніе слѣдующей формы: согласно имѣющимся уже знаніямъ, слѣдуетъ признать теоретически обоснованной вѣроятностью высочайшей степени, что въ предѣлахъ опыта, доступнаго намъ при современныхъ техническихъ средствахъ, дѣйствителенъ законъ Ньютона или вообще одинъ изъ бесконечнаго множества математически мыслимыхъ законовъ, различія которыхъ отъ закона Ньютона не могутъ выходить за предѣлы неизбежныхъ ошибокъ наблюденія. Эта истина сильно обременена фактическимъ содержаніемъ и, слѣдовательно, отнюдь не есть законъ въ подлинномъ смыслѣ слова. Она, очевидно, включаетъ въ себя также нѣсколько понятій лишь приближительной опредѣленности.

Такимъ образомъ, всѣ законы точныхъ наукъ о фактахъ, хотя и суть настоящіе законы, но, рассматриваемые съ точки зрѣнія теории познанія, они только идеализирующія фикціи (впрочемъ, фикціи *cum fundamento in re*). Они выполняютъ задачу осуществленія теоретическихъ наукъ, какъ идеаловъ наибольшаго приближенія къ дѣйствительности, т. е. осуществляютъ высшую теоретическую цѣль всякаго научнаго изслѣдованія фактовъ, идеаль объяснительной теории, единства изъ закономерности, поскольку это возможно въ предѣлахъ человѣческаго познанія, за которые мы не можемъ выйти. На мѣсто недоступнаго намъ абсолютнаго познанія, мы вырабатываемъ путемъ умовитрнаго мышленія изъ области эмпирическихъ частностей и всеобщностей прежде всего тѣ, такъ сказать, аподиктическія вѣроятности, въ которыхъ заключено все достижимое знаніе о дѣйствительности. Эти вѣроятности мы сводимъ затѣмъ къ извѣстнымъ точнымъ сужденіямъ, носящимъ характеръ настоящихъ законовъ и, такимъ образомъ, намъ удается построить формально совершенныя системы объяснительныхъ теорій. Но эти системы (какъ напр., теоретическая механика, теоретическая акустика, теоретическая оптика, теоретическая астрономія и т. п.) по существу должны быть признаны лишь идеальными возможностями *cum fundamento in re*, которыя не исключаютъ бесконечнаго множества другихъ возможностей, но за то ставятъ имъ опредѣленные

границы. Это, однако, насъ здѣсь уже не интересуетъ, равно какъ и изложеніе практическихъ познавательныхъ функций этихъ идеальныхъ теорій, именно, ихъ значенія для услѣшнаго предсказанія будущихъ фактовъ и воссозданія фактовъ прошлаго, а также ихъ техническаго значенія для практическаго господства надъ природой. Мы возвращаемся, слѣдовательно, къ нашему случаю.

Если истинная закономерность, какъ только что было показано, есть лишь идеаль въ области познанія фактовъ, то, наоборотъ, она осуществлена въ области «чисто логическаго» познанія. Къ этой сферѣ принадлежатъ наши чисто логическіе законы, какъ и законы *Mathesis pura*. Они ведутъ свое «происхожденіе», точнѣе выражаясь, заимствуютъ оправдывающее ихъ обоснованіе не изъ индукціи; поэтому они и не имѣютъ экзистенціального содержанія, присущаго всѣмъ вѣроятностямъ, какъ таковымъ, даже наивысшимъ и дѣйствительнымъ. То, что они утверждаютъ, всецѣло и всецѣло истинно, они сами съ очевидностью обоснованы во всей своей абсолютной точности, а не замѣняющія ихъ какія-либо утвержденія вѣроятности съ явно неопредѣленными составными частями. Тотъ или иной законъ не является одной изъ безчисленныхъ теоретическихъ возможностей извѣстной, хотя бы реально ограниченной сферы. Это есть одна и единственная истина, исключающая всякую возможность иного рода; въ качествѣ умоизрѣчительно познаваемой закономерности, она пребываетъ чистой отъ какихъ бы то ни было фактовъ какъ въ своемъ содержаніи, такъ и въ своемъ обоснованіи.

Изъ этихъ соображеній видно, какъ тѣсно связаны между собою обѣ половины психологическаго слѣдствія—именно, что логическіе законы не только содержатъ въ себѣ утвержденія о существованіи психическихъ фактовъ, но и должны быть законами для подобныхъ фактовъ. Опроверженіе первой половины мы уже дали. Въ немъ уже заключено и опроверженіе второй на основаніи слѣдующаго аргумента. Какъ всякій законъ, основанный на опытѣ и индукціи изъ единичныхъ фактовъ, есть законъ, относящійся къ фактамъ, такъ и, наоборотъ, каждый законъ, относящійся къ фактамъ, есть законъ, основанный на опытѣ и индукціи; и, слѣдовательно, какъ показано выше, отъ него не отдѣлимы утвержденія экзистенціального содержанія.

Разумѣется, мы здѣсь не должны подводить подъ законы о фактахъ тѣ общія высказыванія, которыя переносятъ на факты

чисто отвѣченные сужденія, т. е. сужденія, выражающія общезначительныя отношенія на основѣ чистыхъ понятій. Если  $3 > 2$ , то и 3 книги съ того стола больше 2 книгъ изъ этого шкафа. И такъ вообще, по отношенію къ любымъ вещамъ. Но чистый числовой законъ говорить не о вещахъ, а о числахъ—число 3 больше числа 2—и онъ можетъ быть примѣненъ не только къ индивидуальнымъ, но и къ «общимъ» предметамъ, напр., къ видамъ звуковъ, цвѣтовъ, геометрическихъ фигуръ и т. п.

Если признать все это, то, разумѣется, невозможно, чтобы логическіе законы (по существу) были законами психической дѣятельности или ея продуктовъ.

#### § 24. Продолженіе.

Быть можетъ, кто либо попытается избѣгнуть нашего вывода слѣдующимъ возраженіемъ: не всякій законъ, относящійся къ фактамъ, возникаетъ изъ опыта и индукціи. Наоборотъ, здѣсь необходимо дѣлать различіе: каждое познаніе закона покоится на опытѣ, но не каждое возникаетъ изъ него черезъ индукцію, т. е. черезъ тотъ хорошо извѣстный логическій процессъ, который отъ единичныхъ фактовъ и эмпирическихъ общностей вывѣстныхъ ступеней ведетъ къ общностямъ, основаннымъ на законѣ. Такъ, въ частности, логическіе законы, хотя и возникаютъ изъ опыта, но не суть индуктивные законы. Въ психологическомъ опытѣ мы абстрагируемъ логическія основныя понятія и данныя въ нихъ чисто отвѣченные отношенія. То, что мы выходимъ въ отдѣльномъ случаѣ, мы сразу признаемъ общезначительнымъ, ибо оно коренится въ абстрагированномъ содержаніи. Такимъ образомъ, опытъ даетъ намъ непосредственное сознаніе закономерности нашего ума. И такъ какъ мы здѣсь не нуждаемся въ индукціи, то и выводъ лишенъ ея несовершенствъ, носитъ характеръ не просто вѣроятности, а аподиктической достовѣрности, ограниченный не приблизительно, а точно, и не содержитъ въ себѣ никакихъ утвержденій экзистенціального содержанія.

Однако, приведенныя возраженія неубѣдительны. Никто не станетъ сомнѣваться, что познаніе логическихъ законовъ, какъ психическій актъ, предполагаетъ единичный опытъ, что оно имѣетъ своей основой конкретное наглядное представленіе. Но не вѣдо смѣшивать психологическія «условія» и «основы» познанія закона съ логическими условіями, основаніями и по-

сылками закона, а также психологическую зависимость (напр. въ возникновении) съ логическим обоснованиемъ и оправданіемъ. Последнее въ умовѣніи слѣдуетъ объективному отношенію основанія къ слѣдствію, между тѣмъ какъ психологическая зависимость относится къ психическимъ связямъ въ существованіи и послѣдовательности. Никто не можетъ серьезно утверждать, что находящіеся передъ нами отдѣльные конкретные случаи, на «основаніи» которыхъ мы приходимъ къ повнанію закона, выполняющіе функцию логическихъ оснований, посылокъ, какъ будто изъ наличности единичнаго можно вывести, какъ слѣдствіе, всеобщность закона. Интуитивное опованіе закона психологически, быть можетъ, требуетъ двухъ моментовъ: равсмотрѣнія единичныхъ элементовъ, данныхъ въ наглядномъ представленіи, и внутреннего уясненія относящагося къ нимъ закона. Но логически дано лишь одно. Содержание умовѣнія не есть выводъ изъ единичнаго случая.

Всякое повнаніе «начинаетъ съ опыта», но изъ этого не слѣдуетъ, что оно «возникаетъ» изъ опыта. Мы утверждаемъ только то, что каждый фактическій законъ возникаетъ изъ опыта, и потому то его и можно обосновать только посредствомъ индукціи изъ отдѣльныхъ данныхъ опыта. Если существуютъ законы, познаваемые съ очевидностью, то они (непосредственно) не могутъ быть законами для фактовъ. Я не хочу сказать, что нельзя считать законъ для фактовъ постигаемымъ съ непосредственной очевидностью, но я отрицаю, чтобы это когда либо имѣло мѣсто. До сихъ поръ тамъ, гдѣ дѣлалось такое предположеніе, оказывалось, что либо смѣшивали подлинные фактические законы, т. е. законы сосуществованія и послѣдовательности, съ идеальными законами, которыми самими по себѣ чужда связь съ тѣмъ, что опредѣляется во времени,—либо же смѣшивали живое чувство убѣжденности, внушаемое близко знакомыми намъ эмпирическими обобщеніями, съ тѣмъ сознаніемъ очевидности, которое мы испытываемъ только въ области чисто отвлеченнаго.

Если такого рода аргументъ и не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, то онъ все же можетъ увеличить силу другихъ аргументовъ. Мы присоединяемъ здѣсь еще одинъ.

Врядъ ли кто будетъ отрицать, что всѣ чисто логические законы носятъ одинъ и тотъ же характеръ; если мы покажемъ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, что ихъ невозможно считать законами о фактахъ, то это будетъ вѣрно по отношенію ко всѣмъ.

Однако мы находимъ среди нихъ законы, касающіеся истинъ вообще, т. е. законы, въ которыхъ регулируемыми «предметами» являются истинны. Напр., въ отношеніи каждой истинны  $A$  обязательно, что ея contradictорная противоположность не есть истина. Если мы имѣемъ пару истинъ  $A, B$ , то и ихъ конъюнктивныя и дизъюнктивныя сочетанія <sup>1)</sup> суть тоже истинны. Если три истинны  $A, B, C$  находятся въ такомъ отношеніи, что  $A$  есть основаніе  $B, B$ —основаніе  $C$ , то и  $A$  есть основаніе  $C$ , и т. п. Но нельзя называть законами для фактовъ законы, примѣнимые къ истинамъ, какъ таковымъ. Никакая истина не есть фактъ, т. е. вѣчно, опредѣленное во времени. Истина, правда, можетъ имѣть значеніе, что вещь существуетъ, состояніе имѣется налицо, измѣненіе совершается и т. п. Но сама истина выше всего временнаго, т. е. не имѣетъ смысла приписывать ей временное бытіе, возникновеніе или уничтоженіе. Ясное всего эта нельзя проявляется на самихъ законахъ истинны. Въ качествѣ реальныхъ законовъ, они были бы правилами сосуществованія и послѣдовательности фактовъ, въ частности, истинъ, и сами они, будучи истинами, должны были бы относиться къ регулируемымъ ими фактамъ. Тутъ законъ предписывалъ бы фактамъ, называемымъ истинами, возникновеніе и исчезновеніе и среди этихъ фактовъ, въ числѣ многихъ другихъ, находился бы самъ законъ. Законъ возникалъ и исчезалъ бы согласно закону—явная бессмыслица. То же имѣло бы мѣсто, если бы мы захотѣли толковать законъ истинны, какъ законъ сосуществованія, какъ единичное во времени и все же какъ обязательное въ качествѣ общаго правила для всего существующаго во времени. Подобнаго рода нельзя <sup>2)</sup> неизбежны, если упустить изъ виду или неправильно уяснить себѣ основное различіе между идеальными и реальными объектами и соответственное различіе между идеальными и реальными законами. Еще не разъ мы увидимъ, что это различіе является рѣшающимъ для спора между психологической и чистой логикой.

<sup>1)</sup> Я подразумѣваю подъ этимъ смысломъ сужденій „ $A$  и  $B$ “, т. е. то и другое истинно, или же „ $A$  или  $B$ “, т. е. одно изъ двухъ истинно—изъ чего не слѣдуетъ, что истинно только одно.

<sup>2)</sup> Ср. систематическія соображенія гл. VII о скептически-релятивистической противорѣчивости всякаго воззрѣнія, которое ставитъ логические законы въ зависимость отъ фактовъ.

## ГЛАВА ПЯТАЯ.

## Психологистическія толкованія логическихъ принциповъ.

§ 25. Законъ противорѣчій въ психологистическомъ толкованіи  
Милля и Спенсера.

Выше мы замѣтили, что послѣдовательно проведенное пониманіе логическихъ законовъ, какъ законовъ о психическихъ фактахъ, должно было бы привести къ существенному ихъ искаженію. Но въ этомъ, какъ и въ другихъ пунктахъ, господствующая логика обычно пугалась послѣдовательности. Я былъ бы готовъ сказать, что психологизмъ живетъ только непослѣдовательностью, что тотъ, кто его послѣдовательно продумаетъ до конца, тѣмъ самымъ уже отрекся отъ него, — если бы крайній эмпиризмъ не давалъ разительнаго примѣра, насколько укоренившіеся предразсудки могутъ быть сильнѣе самыхъ ясныхъ свидѣтельствъ очевидности. Съ безстрашной послѣдовательностью эмпиристъ выводитъ самыя тяжкія слѣдствія, принимаетъ отвѣтственность за нихъ и пытается связать ихъ въ теорію, разумеется, полную противорѣчій. Выше мы установили, что для обсуждаемой логической позиціи логическія истины должны быть не а priori обезпеченными и абсолютно точными законами чисто отвлеченнаго порядка, а напротивъ, основанными на опытѣ и индукціи болѣе или менѣе неопредѣленными вѣроятностями, относящимися къ извѣстнымъ фактамъ душевной жизни человѣка. Въ этомъ именно и состоитъ (за исключеніемъ развѣ только указанія на неопредѣленность) ученіе эмпиристовъ. Въ нашу задачу не входитъ подвергнуть исчерпывающей критикѣ это гносеологическое направленіе. Но для насъ представляютъ особый интересъ психологическія толкованія логическихъ законовъ, выставленные эмпи-

ристами. Ихъ ослабительный вѣтхившій блескъ распространяется далеко за предѣлы этой школы <sup>1)</sup>.

Какъ извѣстно, Дж. Ст. Милль <sup>2)</sup> учить, что *principle contradictionis* есть «одно изъ наиболѣе раннихъ и ближайшихъ нашихъ обобщеній изъ опыта». Первоначальную основу этого закона онъ видитъ въ томъ, «что вѣра и невѣріе суть два различныхъ состоянія духа», исключаяція другъ друга. Это мы познаемъ, — продолжаетъ онъ буквально — изъ простѣйшихъ наблюденій надъ нашею собственной душевною жизнью. И если мы обращаемся къ вѣтхившему міру, то и тутъ мы находимъ, что свѣтъ и тьма, звукъ и тишина, равенство и неравенство, предыдущее и послѣдующее, послѣдовательность и одновременность, словомъ, каждое положительное явленіе и его отрицаніе (*negative*) суть отличныя другъ друга явленія, находящіяся въ отношеніи рѣзкой противоположности, такъ что всюду, гдѣ присутствуетъ одно, отсутствуетъ другое. «Я рассматриваю, — говоритъ онъ, — обсуждаемую аксіому, какъ обобщеніе изъ всѣхъ этихъ фактовъ».

Гдѣ дѣло идетъ о принципиальныхъ основахъ его эмпиристическихъ предразсудковъ, столь проникательный въ другихъ случаяхъ Милль какъ бы покинутъ всѣми богами. Непонятно только одно: какъ такое ученіе могло кого либо убѣдить? Прежде всего бросается въ глаза явная неточность утвержденія, что принципъ, по которому два противорѣчныхъ сужденія одновременно не могутъ быть истинны и въ этомъ смыслѣ исключаютъ другъ друга, есть обобщеніе изъ приведенныхъ фактовъ относительно свѣта и тьмы, звука и тишины и т. п.; вѣдь эти факты во всякомъ случаѣ не суть противорѣчные сужденія. Вообще не совсемъ повзвѣно, какимъ образомъ Милль хочетъ установить связь между этими фактами опыта и логическимъ закономъ. Напрасно ждешь разъясненій отъ параллельныхъ разсужденій Милля его полемикѣ противъ Гамилтона. Тутъ онъ съ одобрѣніемъ цитируетъ «абсолютно постоянный законъ», который единомыслиемъ Спенсера подставляяетъ на мѣсто логическаго принципа, а именно, «that the appearance of any positive mode of consciousness cannot occur without excluding a correlative negative mode: and

<sup>1)</sup> Приложение къ этому и ближайшему параграфу даетъ общее разсмотрѣніе принципиальныхъ недостатковъ эмпиризма, поскольку такое разсмотрѣніе необходимо въ интересахъ обосновываемаго нами идеалистическаго направленія въ логикѣ.

<sup>2)</sup> Милль. Логика, изд. II, глава VII, § 4.

that the negative mode cannot occur without excluding the correlative positive mode» («что никакое положительное состояние сознания не может появиться, не исключив соответствующего отрицательного и, наоборот, никакое отрицательное состояние не может появиться, не исключив соответствующего положительного») <sup>1)</sup>. Но кто не видит, что это положение представляет чистейшую тавтологию, так как взаимное исключение принадлежит к определению соотносительных терминов «положительное» и «отрицательное явление». Напротив, закон противоречия во всяком случае не есть тавтология. В определение противоречащих суждений не входит взаимное исключение, и если это происходит в силу названного принципа, то не обязательно обратное: не каждая пара исключающих друг друга суждений есть пара противоречащих суждений — достаточное доказательство, что наш принцип нельзя смешивать с вышеупомянутой тавтологией. Да и Милль не считает этот принцип тавтологией, так как по его мнению, он возникает через индукцию из опыта.

Другия суждения Милля могут нам во всяком случае скорее помочь понять эмпирический смысл этого принципа, чем ссылки на несуществование во внешнем опыте, — в особенности там, где обсуждается вопрос, могут ли три основных логических принципа считаться «inherent necessities of thoughts» («неотъемлемыми необходимостями мышления»), «an original part of our mental constitution» («первичной составною частью нашей духовной организации») или «laws of our thoughts by the native structure of the mind» («законами нашего мышления в силу врожденного устройства нашего ума») «или же они суть законы мышления только «because we perceive them to be universally true of observed phenomena» («потому что мы воспринимаем их всеобщую истинность в наблюдаемых явлениях») — что Милль, впрочем, не желает рishать в положительном смысле. Вот что мы читаем у него относительно этих законов: «They may or may not be capable of alteration by experience, but the conditions of our existence deny to us the experience which would be required to alter them. Any assertion, therefore, which conflicts with one of these laws—any proposition, for instance, which asserts a contradiction, though it were on a subject wholly removed from the

<sup>1)</sup> Mill, An Examination<sup>2</sup> ch. XXI, p. 491. Спенсеръ, надо думать, по небрежности, вместо закона противоречия ссылается на закон исключения третьего.

sphere of our experience, is to us unbelievable. The belief in such a proposition is, in the present constitution of nature, impossible as a mental fact» <sup>1)</sup>. («Доступны ли они изменению через опыт или нет, но условия нашего существования не дают нам того опыта, который способен был бы произвести такого рода изменение. Поэтому утверждение, не согласное с каким-либо из этих законов, напр., какое-нибудь суждение, утверждающее противоречие, хотя бы оно касалось предмета очень далекого от сферы нашего опыта, не внушает нам доверия. Вера в такое суждение, при настоящем устройстве нашей природы, невозможна, как психический факт»).

Откуда мы узнаем, что несовместимость, выраженная в законе противоречия, а именно, невозможность истинности двух противоречащих суждений, толкуется Миллем, как несовместимость подобных суждений в нашем вбравании. Другими словами: на место немыслимости истинности двух противоречащих суждений подставляется реальная несовместимость соответствующих актов суждения. Это гармонирует также с многократным утверждением Милля, что акты вбры суть единственные объекты, которые в собственном смысле можно обозначать, как истинные или ложные. Два contradictory противоположных акта вбравания не могут сосуществовать — так следовало бы понимать этот принцип.

§ 26. Психологическое толкование принципа у Милля устанавливает не закон, а совершенно неопределяемое и научно не проверенное эмпирическое положение.

Здсь возникают разнообразныя сомнѣнія. Прежде всего бесспорно несовершенство формулировка принципа. При каких же условиях, спросим мы, не могут сосуществовать противоположные акты вбравания? У различных личностей, как это хорошо известно, вполне возможно сосуществование противоположных суждений. Таким образом, приходится — уясняя вместе сь

<sup>1)</sup> Mill, An Examination, p. 491. Ср. также стр. 487: «It is the generalization of a mental fact, which is of continual occurrence, and which cannot be dispensed within reasoning» («Это есть обобщение психического факта, который встречается постоянно и без которого невозможно обойтись в рассуждении»).



тѣмъ смыслъ реальнаго сосуществованія — сказать точнѣе: у одной и той же личности или, вѣрнѣе, въ одномъ и томъ же сознаниі не могутъ длиться, хотя бы въ теченіе самаго небольшого промежутка времени, противорѣчащіе акты вѣрованія. Но есть ли это дѣйствительно законъ? Можемъ ли мы ему приписать неограниченную всеобщность? Гдѣ психологическія индукціи, оправдывающія его принятіе? Неужели никогда не было и не будетъ такихъ людей, которые иногда, напр., обманутые софизмами, одновременно считали истиннымъ противоположное? Исслѣдованы ли наукой въ этомъ направленіи сужденія сумасшедшихъ? Не происходитъ ли нѣчто подобное въ случаѣ явныхъ противорѣчій? А какъ обстоитъ дѣло съ состояніями гнизова, горячки и т. д.? Обязателенъ ли этотъ законъ и для животныхъ?

Быть можетъ, эмпиристъ, чтобы избѣгнуть всѣхъ этихъ вопросовъ, ограничить свой «законъ» соответствующими добавленіями, напр., скажетъ, что законъ дѣйствителенъ только для нормальныхъ индивидовъ вида *homo*, находящихся въ нормальномъ умственномъ состояніи. Но достаточно поставить коварный вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи понятія «нормальнаго индивида» и «нормальнаго умственнаго состоянія», и мы поймемъ, какъ сложно и неточно содержаніе того закона, съ которымъ намъ здѣсь приходится имѣть дѣло.

Нѣтъ надобности продолжать эти размышленія (хотя стоило бы поговорить, напр., о выступающемъ въ этомъ законѣ отношеніи во времени); вѣдь сказаннаго болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы обосновать изумительный выводъ, именно, что хорошо знакомое намъ *principium contradictionis*, которое всегда признавалось очевиднымъ, абсолютно точнымъ и повсемѣстно дѣйствительнымъ закономъ, на самомъ дѣлѣ оказывается образцомъ грубо неточнаго и ненаучнаго положенія; и только, послѣ ряда поправокъ, которыя превращаютъ его кажущееся точное содержаніе въ довольно неопредѣленное, можно приписать ему значеніе правдоподобнаго допущенія. И дѣйствительно, такъ оно и должно быть, если эмпиризмъ правъ, если несомнѣстностью, о которой говорится въ принципѣ противорѣчія, надлежитъ толковать, какъ реальное несуществованіе противорѣчивыхъ актовъ сужденія, и самый принципъ, — какъ эмпирически-психологическую всеобщность. А эмпиристы миллевскаго направленія даже не заботятся о томъ, чтобы научно ограничить и обосновать то грубо неточное положеніе, къ которому они приходятъ на основаніи психологическаго

толкованія; они берутъ его такимъ, какъ оно получается, такимъ неточнымъ, какимъ только и могло быть «одно изъ наиболѣе раннихъ и ближайшихъ нашихъ обобщеній изъ опыта», т. е. грубое обобщеніе до-научнаго опыта. Именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о послѣднихъ основахъ всей науки, насъ вынуждаютъ остановиться на этомъ наивномъ опытѣ съ его слѣбнымъ механизмомъ ассоціацій. Убѣжденія, которыя помимо всякаго внутренняго усненія возникаютъ изъ психологическихъ механизмовъ, которые не имѣютъ лучшаго оправданія, чѣмъ общераспространенные предрассудки, которые лишены въ силу своего происхожденія сколько-нибудь стойкаго или прочнаго ограниченія, — убѣжденія, которыя, если ихъ брать, такъ сказать, дословно, содержатъ въ себѣ явно ложное — вотъ что, по мнѣнію эмпиристовъ, представляютъ собою послѣднія основы оправданія всего въ строжайшемъ смыслѣ слова научнаго познанія.

Впрочемъ, дальѣйшее развитіе этихъ соображеній насъ здѣсь не интересуетъ. Но важно вернуться къ основному заблужденію противнаго ученія, чтобы спросить, дѣйствительно ли указанное эмпирическое положеніе объ актахъ вѣрованія — какъ бы его ни формулировать, — есть законъ противорѣчія, употребляемый въ логикѣ. Оно гласитъ: при извѣстныхъ субъективныхъ (къ сожалѣнію не исслѣдованныхъ) точнѣе, и потому не могущихъ быть указанными полностью) условіяхъ *X* въ одномъ и томъ же сознаниі два противоположныхъ, сужденія формы «да» и «нѣтъ» не могутъ существовать совместно. Развѣ это подразумѣваютъ логики, когда говорятъ: «два противорѣчащихъ сужденія не могутъ быть оба истинными»? Достаточно взглянуть на случаи, въ которыхъ мы пользуемся этимъ закономъ для регулированія актовъ сужденія, чтобы понять, что смыслъ его совсѣмъ иной. Въ своей нормативной формулировкѣ онъ явно и ясно утверждаетъ одно: какія бы пары противоположныхъ актовъ вѣрованія ни были взяты, — принадлежащія одной личности или разнымъ, сосуществующія въ одно и то же время или раздѣленные во времени, — ко всѣмъ безъ исключенія и во всей своей абсолютной строгости примѣнимо положеніе, въ силу котораго члены каждой пары оба вѣсѣтъ не могутъ быть вѣрны т. е. соответствовать истинѣ. Я думаю, что въ правильности этой нормы не усумнятся даже эмпиристы. Во всякомъ случаѣ логика, тамъ, гдѣ она говоритъ о законахъ мышленія, имѣетъ дѣло только съ этимъ логическимъ закономъ, а не съ вышеизложеннымъ неопредѣленнымъ, совершенно отличнымъ по

содержанию и досихъ поръ еще даже не формулированнымъ «закономъ» психологін.

### Приложение къ двумъ послѣднимъ параграфамъ.

*О некоторыхъ принципиальныхъ погрѣшностяхъ эмпиризма.*

При томъ близкомъ родствѣ, которое существуетъ между эмпиризмомъ и психологизмомъ, позволительно сдѣлать небольшое отступление, чтобы изобличить основныя заблужденія эмпиризма. Крайній эмпиризмъ, какъ теорія познанія, не менѣе нелѣпъ, чѣмъ крайній скептицизмъ. Онъ уничтожаетъ возможность разумаго оправданія посредственнаго познанія и, тѣмъ самымъ, уничтожаетъ возможность себя самого, какъ научно обоснованной теоріи <sup>1)</sup>. Онъ допускаетъ, что существуютъ посредственныя познанія, вырастающія изъ связей обоснованія, и не отвергаетъ также принциповъ обоснованія. Онъ не только признаетъ возможность логики, но и самъ строитъ ее. Но если каждое обоснованіе опирается на принципы, согласно которымъ оно совершается, и если высшее оправданіе его возможно лишь черезъ апелляцію къ этимъ принципамъ, то—когда принципы обоснованія сами въ свою очередь нуждаются въ обоснованіи—это ведетъ либо къ кругу, либо къ безконечному регрессу. Кругъ получается, когда принципы обоснованія, участвующіе въ оправданіи принциповъ обоснованія, совпадаютъ съ ними; регрессъ—когда тѣ и другіе всегда различны. Итакъ, очевидно, что требованіе принципиальнаго оправданія для каждого посредственнаго познанія только въ томъ случаѣ можетъ имѣть реализуемый смыслъ, когда мы способны непосредственно и съ внутренней убѣдительностью познавать нѣкоторые первичные принципы, на которыхъ въ послѣднемъ счетѣ покоится всякое обоснованіе. Сообразно съ этимъ всѣ оправдывающіе принципы возможныхъ обоснованій должны быть дедуктивно сводимы къ извѣстнымъ первичнымъ, непосредственно очевиднымъ

<sup>1)</sup> Согласно тому понятію скептицизма, какое мы развиваемъ въ гл. VII, эмпиризмъ, слѣдовательно, тоже характеризуется, какъ скептическая теорія. Видельбадъ весьма мѣтко прилагаетъ къ нему слова Канта о «безнадежной попыткѣ»—эмпиризмъ, говоритъ онъ, есть безнадежная попытка «обосновать посредствомъ эмпирической теоріи то, что само является предпосылкой всякой теоріи» (Прелюдія, русск. пер. стр. 237).

принципамъ, и притомъ такъ, чтобы всѣ принципы этой дедукціи сами принадлежали къ числу этихъ принциповъ.

Но крайній эмпиризмъ, довѣряя вполнѣ, въ сущности, только единичнымъ эмпирическимъ сужденіямъ (и довѣряя совершенно некритически, такъ какъ онъ не обращаетъ вниманія на трудности, которыя особенно велики именно въ отношеніи этихъ единичныхъ сужденій), тѣмъ самымъ отказывается отъ возможности разумнаго оправданія посредственнаго познанія. Въмѣсто того, чтобы признать первичные принципы, отъ которыхъ зависитъ оправданіе посредственнаго познанія, непосредственными очевидностями и, слѣдовательно, данными истинами, эмпиризмъ полагаетъ, что достигаетсяъ большаго, выводя ихъ изъ опыта и индукціи т. е. оправдывая посредственно. Если спросить, какими принципамъ подчинено это выведеніе, чѣмъ оно оправдывается, то эмпиризмъ, такъ какъ ему закрыть путь къ указаніямъ на непосредственно очевидныя общіе принципы, ссылается только на некритическій наивный повседневный опытъ. Послѣднему же онъ надѣется придать большую цѣнность тѣмъ, что, по образцу Юма, психологически объясняетъ его. Онъ упускаетъ, слѣдовательно, изъ виду, что если вообще не существуетъ внутренне убѣдительнаго оправданія посредственныхъ допущеній, т. е. оправданія согласно непосредственно очевиднымъ общимъ принципамъ, по которымъ протекаютъ соответствующія обоснованія, то и вся психологическая теорія, все ученіе эмпиризма, покоящееся само на посредственномъ познаніи, лишены какого бы то ни было разумнаго оправданія и представляютъ собою произвольныя допущенія, не лучше любого предрасудка.

Странно, что эмпиризмъ больше довѣряетъ теоріи, изобилующей такими нелѣпостями, чѣмъ простѣйшимъ основнымъ истинамъ логики и ариметики. Въ качествѣ настоящаго психологизма, онъ всюду обнаруживаетъ склонность смѣшивать—вѣроятно въ силу кажущейся «естественности»—психологическое возникновеніе извѣстныхъ общихъ сужденій изъ опыта съ ихъ оправданіемъ.

Любопытно, что не лучше обстоитъ дѣло и съ умѣреннымъ эмпиризмомъ Юма, который пытается удержать за сферой чистой логики и математики (при всемъ ихъ затемненіи психологизмомъ) апріорное оправданіе, эмпиристически же обосновываетъ только науки о фактахъ. И эта гносеологическая точка зрѣнія оказывается несостоятельной и даже противорѣчивой; это показываетъ возраженіе, сходное съ тѣмъ, которое мы выше высказали про-

тивъ крайняго эмпиризма. Посредственные сужденія о фактахъ — такъ мы можемъ вкратцѣ выразить теорію Юма — допускаютъ не разумное оправданіе, а только психологическое объясненіе, и вообще и всегда. Достаточно поставить вопросъ о разумномъ оправданіи психологическихъ сужденій (о привычкахъ, ассоціаціи идей и т. п.), служащихъ опорой для самой этой теоріи, и объ оправданіи употребляемыхъ ею умозаключеній о фактахъ, — и намъ уясняется очевидное противорѣчіе между смысломъ сужденія, которое эта теорія хочетъ доказать, и смысломъ обоснованій, къ которымъ она прибѣгаетъ. Психологическія предпосылки теоріи сами суть посредственные сужденія о фактахъ и, стало быть, по смыслу доказываемаго тезиса лишены какого бы то ни было разумнаго оправданія. Другими словами: правильность теоріи предполагаетъ неразумность ея послылокъ, правильность послылокъ — неразумность теоріи (или же тезиса). (Такимъ образомъ и ученіе Юма надо считать скептическимъ согласно точному смыслу этого термина, который будетъ установленъ нами въ гл. VII).

§ 27. Аналогичныя возраженія противъ остальныхъ психологическихъ истолкованій логическаго принципа. Смысленіе понятій, какъ источникъ заблужденій.

Легко понять, что возраженія, аналогичныя тѣмъ, которыя приведены нами въ предыдущемъ параграфѣ, относятся ко всякому психологическому искажающему толкованію такъ называемыхъ законовъ мышленія и всѣхъ занисавшихъ отъ нихъ законовъ.

На наше требованіе ограниченія и обоснованія нельзя отвѣтить ссылкой на «довѣріе разума къ самому себѣ» и на очевидность, присущую этимъ законамъ въ логическомъ мышленіи. Внутренняя убедительность логическихъ законовъ твердо установлена. Но если считать ихъ содержаніе психологическимъ, то первоначальный ихъ смыслъ, съ которымъ связана ихъ убедительность, совершенно мѣняется. Какъ мы уже видѣли, изъ точныхъ законовъ получаются неопредѣленныя эмпирическія обобщенія, которыя, при соотвѣствующемъ сознаніи ихъ неопредѣленности, могутъ притязать на признаніе, но далеки отъ какой-бы то ни было очевидности. Слѣдя природной чертѣ своего мышленія, но не отдавая себѣ въ этомъ яснаго отчета, и психологическіе гносеологи, безъ сомнѣнія, понимаютъ всѣ относящіеся сюда законы первоначально — до того, какъ начинается дѣйствовать ихъ искусство философскаго толкова-

нія — въ объективномъ смыслѣ. Но затѣмъ они впадаютъ въ ошибку, перенося очевидность, которая связана съ этимъ подлиннымъ смысломъ и обеспечиваетъ абсолютную достовѣрность законовъ, на существенно видоизмѣненныя толкованія, вводимыя ими въ дальнѣйшемъ анализѣ. Если гдѣ-либо имѣетъ смыслъ говорить о непосредственно самоочевидномъ воспріятіи истины, то это въ утвержденіи, что два противорѣчащихъ сужденія не могутъ быть оба истинны. И наоборотъ: если гдѣ нельзя говорить о самоочевидности, то это — при всякомъ психологизирующемъ истолкованіи того же утвержденія (или эквивалентныхъ ему, напр., что «утвержденіе и отрицаніе въ мышленіи исключаютъ другъ друга», или что «признанныя противорѣчащими сужденія не могутъ существовать одновременно въ одномъ сознаніи»<sup>1)</sup>, или что «для насъ невозможно вѣрить въ обнаруженное противорѣчіе»<sup>2)</sup>, что «никто не можетъ считать нѣчто сущимъ и несущимъ одновременно» и т. д.).

Чтобы не оставлять ничего въ неясности, остановимся на разборѣ этихъ колеблющихся формулъ. При болѣе близкомъ разсмотрѣніи можно сразу замѣтить искажающее вліяніе сопутствующихъ эквивокацій, изъ-за которыхъ подлинный законъ или эквивалентныя ему нормативныя формулы смѣшиваются съ психологическими утвержденіями. Возьмемъ первую формулировку: «Въ мышленіи утвержденіе и отрицаніе исключаютъ другъ друга». Терминъ мышленіе, въ болѣе широкомъ смыслѣ означающій всю дѣятельность интеллекта, въ словопотребленіи многихъ логиковъ часто относится къ разумному, «логическому» мышленію, т. е. къ правильному составленію сужденій. Что въ правилѣ ономъ сужденія да и нѣтъ взаимно исключаютъ другъ друга — это очевидно, но этимъ высказывается равновѣсное логическому закону отнюдь не психологическое утвержденіе. Оно говоритъ, что сужденіе, въ которомъ одно и то же соотношеніе вещей одновременно утвер-

<sup>1)</sup> Формулировки Гейманса (Heymans Die Gesetze und Elemente des wissenschaftlichen Denkens I. § 19 и сл.). Подѣленную со второй формулировку даетъ Зигвартъ (Logik I<sup>2</sup> S. 419): «невозможно одновременно сознательно утверждать и отрицать одно и то же положеніе».

<sup>2)</sup> См. конецъ цитаты изъ полемической книги Милля противъ Гамилтона (выше на стр. 69 въ текстѣ). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 484, примѣч.) онъ говоритъ также: «two assertions one of which denies what the other affirms cannot be thought together». («Два сужденія, изъ которыхъ одно отрицаетъ то, что утверждаетъ другое, не могутъ быть мыслимы вмѣстѣ»), а затѣмъ онъ толкуетъ «thought», какъ «believed».

жадается и отрицается, не может быть правильным; но оно ничего не говорит о том, могут ли противоречащие акты суждения реально сосуществовать или нѣтъ—будь то въ одномъ сознании или въ нѣсколькихъ <sup>1)</sup>.

Этимъ самымъ исключена и вторая формулировка, гласящая, что суждения, признанные противорѣчащими, не могутъ сосуществовать, хотя бы «сознание» или «сознание вообще» и толковалось, какъ надвременное н о р м а л ь н о е сознание. Первичный логический принцип, разумеется, не можетъ исходить изъ предположения понятія «нормальнаго», которое немислимо въ связи съ этимъ же принципомъ. Впрочемъ, ясно, что при такомъ понимании это утверждение, если воздержаться отъ какого бы то ни было метафизического гипостазирования, представляетъ эквивалентное описание логического закона и не имѣетъ ничего общаго съ психологіей.

Въ третьей и четвертой формулировкѣ участвуетъ аналогичная эквивокация. Никто не можетъ вѣрить въ противорѣчивое, никто не можетъ предположить, что одно и то же есть и не есть, никто, т. е., само собою понятно,—ни одинъ разумный человекъ. Эта невозможность существуетъ лишь для того, кто хочетъ правильно судить и ни для кого другого. Тутъ, следовательно, выражено не какое либо психологическое принужденіе, а лишь убѣжденіе, что противоположныя соотношенія вещей не могутъ быть совмѣстно истинны и что, следовательно, если кто желаетъ судить правильно, т. е. признавать истиннымъ и ложное ложнымъ, то долженъ судить согласно предписанію этого закона. Фактически сужденія могутъ происходить иначе; нѣтъ такого психологического закона, который подчинялъ бы судящаго игу логическихъ законовъ. Опять таки мы имѣемъ дѣло съ эквивалентной формулировкой логического закона, которой чужда мысль о психологической, т. е. каузальной законѣрности явленій сужденія. Но съ другой стороны, именно эта мысль составляетъ существенное содержаніе психологического толкованія. Последнее получается въ томъ случаѣ, когда невозможность формулируется именно, какъ невозможность сосуществованія актовъ сужденія, а не какъ несовмѣстимость соответствующихъ сужденій (какъ законѣрная невозможность ихъ совмѣстной истинности).

<sup>1)</sup> Höffler и Meinong совершаютъ ту же ошибку, приписывая логическому принципу идею несуществованія (Logik 1890, S. 133).

Положеніе: «ни одинъ «разумный» человекъ или даже только «вмѣняемый» человекъ не можетъ вѣрить въ противорѣчивое», допускаетъ еще одно толкованіе. Мы называемъ разумнымъ того, кому мы приписываемъ привычную склонность «при нормальномъ состояніи ума» «въ своемъ кругу» составлять правильныя сужденія. Кто обладаетъ привычною способностью при нормальномъ состояніи ума по меньшей мѣрѣ уразумѣвать «самоочевидное», «несомѣненное», тотъ въ интересующемъ насъ здѣсь смыслѣ считается «вмѣняемымъ». Разумеется, уклоненіе отъ явныхъ противорѣчій мы причисляемъ къ весьма, впрочемъ, неопредѣленной области самоочевиднаго. Когда эта подстановка произведена, то положеніе: «ни одинъ вмѣняемый или разумный человекъ не можетъ считать противорѣчія истинными», оказывается тривиальнымъ перенесеніемъ общаго на единичный случай. Мы, конечно, не назовемъ вмѣняемымъ того, кто обнаружилъ бы иное отношеніе. Здѣсь, следовательно, о психологическомъ законѣ опять не можетъ быть и рѣчи.

Но мы еще не исчерпали всѣхъ возможныхъ толкованій. Грубая двусмысленность слова невозможность, которое не только означаетъ объективную законѣрную несовмѣстимость, но и субъективную неспособность осуществить соединеніе, не мало помогла успѣху психологистическихъ тенденцій. Я не могу вѣрить въ сосуществованіе противорѣчиваго—какъ бы я объ этомъ ни старался, мои попытки всегда натолкнутся на ощутимое и непреодолимое противодѣйствіе. Эта невозможность вѣрить—можно было бы сказать,—есть самоочевидное переживаніе; я вижу, что вѣра въ противорѣчивое для меня и для каждаго существа, которое я мыслю аналогичнымъ себѣ, невозможна; этимъ самымъ я постигаю очевидность психологической законѣрности, выраженной въ принципѣ противорѣчія.

На это новое заблужденіе въ аргументаціи мы отвѣчаемъ слѣдующее. Извѣстно изъ опыта, что, когда мы остановились на опредѣленномъ сужденіи, намъ не удается попытка вытѣснить утѣренность, которой мы только что исполнились, и предположить противоположное соотношеніе вещей; развѣ только если вступать новые мотивы мышленія, подвижнѣйшія сомнѣнія, или прежніе, несовмѣстимые съ теперешними, взгляды, или даже только смутное «ощущеніе» враждебно поднимающихся массъ мыслей. Тщетная попытка, ощутимое противодѣйствіе и т. п.—это индивидуальныя переживанія, ограниченныя въ лицѣ и во времени, связанныя съ извѣстными, не поддающимися болѣе точному опредѣленію обстоя-

тельствами. Как же могут они обосновывать очевидность общего закона, возвышающегося над лицами и временем? Не надо смущивать асерторической очевидности наличности единичного переживания с аподиктической очевидностью существования общего закона. Развѣ очевидность наличности того опущенія, которое мы толкуемъ, какъ неспособность, можетъ вселить въ насъ убѣжденіе, что фактически невозможное для насъ въ данный моментъ навсегда и закономерно намъ недоступно? Обратимъ вниманіе на непредѣлимость существенныхъ условій такого переживанія. Фактически мы въ этомъ отношеніи часто заблуждаемся, хотя, будучи твердо убѣждены въ какомъ-либо соотношеніи А, очень легко позволяемъ себѣ высказываться: немислимо, чтобы кто-либо произнесъ сужденіе по А. Въ такомъ же смыслѣ мы можемъ теперь сказать: немислимо, чтобы кто-либо не признавалъ закона противорѣчія, въ которомъ мы вѣдь совершенно твердо убѣждены. Или же: никто не въ состояніи считать истинными одновременно два противорѣчающихъ соотношенія вещей. Можетъ быть, въ пользу этого говоритъ опытное сужденіе, выросшее изъ многократныхъ испытаній на примѣрахъ, и иногда имѣющее характеръ весьма твердаго убѣжденія; но у насъ нѣтъ очевидности, что такъ дѣло обстоитъ всегда и необходимо.

Истинное положеніе дѣла мы можемъ описать такъ: аподиктически очевидной, т. е. въ истинномъ смыслѣ слова внутренне убѣдительною для насъ является лишь невозможность одновременной истинности противорѣчающихъ положеній. Законъ этой несовѣстимости и есть подлинный принципъ противорѣчія. Аподиктическая очевидность распространяется затѣмъ также на психологическое примѣненіе; мы убѣждены также, что два сужденія съ противорѣчивымъ содержаніемъ не могутъ сосуществовать въ томъ смыслѣ, чтобы они оба только выражали въ формѣ сужденія то, что дѣйствительно дано въ обосновывающихъ ихъ наглядныхъ представленіяхъ. И вообще у насъ есть убѣжденіе, что не только асерторически, но и аподиктически очевидныя сужденія съ противорѣчивымъ содержаніемъ не могутъ сосуществовать ни въ одномъ сознаніи, ни въ распредѣленіи по разнымъ сознаніямъ. Всѣмъ этимъ вѣдь сказано только, что соотношенія вещей, которыя объективно несовѣстимы, какъ противорѣчивыя, фактически никто не можетъ найти одновременно существующими въ области нагляднаго представленія или умозрѣнія. Но этимъ самымъ образомъ не исключено, что ихъ могутъ считать сосу-

ществующими; напротивъ, мы лишены аподиктической очевидности по отношенію къ противорѣчивымъ сужденіямъ вообще; только по отношенію къ практически извѣстнымъ и достаточно разграниченнымъ для практическихъ цѣлей классамъ случаевъ мы обладаемъ опытнымъ знаніемъ, что въ этихъ случаяхъ противорѣчивые акты сужденія фактически исключаютъ другъ друга.

§ 28. *Мнимая двусторонность принципа противорѣчія, въ силу которой его надо понимать, какъ естественный законъ мышленія и какъ нормативный законъ его логическаго упорядоченія.*

Въ наше время, когда такъ возросъ интересъ къ психологіи, лишь немногіе логики сумѣли удержаться отъ психологическихъ искаженій основныхъ логическихъ принциповъ. Между прочимъ, этой ошибки не избѣгли и другіе логики, которые сами встаютъ противъ психологическаго обоснованія логики, и такіе, которые по другимъ основаніямъ рѣшительно отвергли бы упрекъ въ психологизмѣ. Если принять во вниманіе, что все не психологическое не можетъ быть объяснено психологіей, что, стало быть, каждая попытка освѣтить сущность «законовъ мышленія» посредствомъ психологическихъ изслѣдованій, предпринятая хотя бы и съ самыми лучшими намереніями, уже предполагаетъ ихъ психологическую переработку, то придется причислить къ психологистамъ и всѣхъ нѣмецкихъ логиковъ направленія Зигварта, несмотря на то, что эти логики далеки отъ яснаго формулированія или обозначенія логическихъ законовъ, какъ психологическихъ, и даже противопоставляютъ ихъ прочимъ законамъ психологіи. Если въ избранныхъ ими формулахъ закона и не отражается эта логическая подстановка, то тѣмъ вѣрнѣе она сказывается въ сопровождающихъ объясненіяхъ или въ связи соответствующаго изложенія.

Въ особенности замѣчательными кажутся попытки создать для принципа противорѣчія двойственное положеніе, въ силу чего онъ съ одной стороны, какъ естественный законъ, долженъ быть силой, фактически опредѣляющей наши сужденія, и съ другой стороны, какъ нормативный законъ, — составлять основу всѣхъ логическихъ правилъ. Особенно ярко представлена эта точка зрѣнія у Ф. А. Ланге въ его талантливомъ трудѣ «Logische Studien», который, впрочемъ, стремится не развивать психологическую логику въ духъ Милля, а дать «новое обоснованіе формальной логики». Конечно, если

присмотрѣться поближе къ этому новому обоснованію и узнать изъ него, что истины логики, какъ и математики, выводятся изъ сохранения пространства <sup>1)</sup>, что простѣйшія основы этихъ наукъ, «гарантируя строгую правильность всякаго знанія вообще» «являются основами нашей интеллектуальной организации» и что, стало быть, «закономѣрность, которою мы восторгаемся въ нихъ, исходитъ изъ насъ сами хъ... изъ нашей собственной бессознательной основы» <sup>2)</sup>,—если присмотрѣться ко всему этому, то позицію Ланге придется охарактеризовать только, какъ психологическую; мы относимъ ее къ особому роду психологизма, къ которому, какъ видъ, принадлежитъ также формальный идеализмъ Канта—въ смыслѣ господствующаго его толкованія—и прочіе виды учений о прирожденныхъ способностяхъ познания или «источникахъ познания» <sup>3)</sup>.

Соотвѣтственные разсужденія Ланге гласятъ: «Принципъ противорѣчія есть пунктъ, въ которомъ естественные законы соприкасаются съ нормативными законами. Тѣ психологическія условія образования нашихъ представлений, которыя, непереставно дѣйствуя въ природномъ, не руководимомъ никакими правилами, мышленіи, создаютъ вѣчно бурлящій потокъ истинъ и заблужденій, дополняются, ограничиваются и направляются къ одной опредѣленной цѣли тѣмъ фактомъ, что мы въ нашемъ мышленіи не можемъ соединять противоположное, поскольку оно, такъ сказать, накладывается на противоположное. Человѣческій умъ можетъ вмѣщать величайшія противорѣчія до тѣхъ поръ, пока онъ въ состояніи распределять ихъ по различнымъ теченіямъ мыслей, держать ихъ вдали другъ отъ друга; но если одно и то же высказываніе непосредственно вмѣстѣ со всей противоположностью относится къ одному и тому же предмету, то эта способность

<sup>1)</sup> F. A. Lange, Logische Studien, ein Beitrag zur Neubegründung der formalen Logik und Erkenntnistheorie, 1877, S. 130.

<sup>2)</sup> Ibid. S. 148.

<sup>3)</sup> Известно, что теорія познания Канта въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стремится выйти за предѣлы психологизма душевныхъ способностей, какъ источниковъ познания, и, дѣйствительно, выходитъ за ихъ предѣлы. Но здѣсь для насъ важно, что она въ другихъ отношеніяхъ сильно въдвигается въ психологизмъ,—что, правда, не исключаетъ живой полемикъ противъ иныхъ формъ психологическаго обоснованія познания. Впрочемъ, не только Ланге, но и значительная часть неокантианцевъ относится къ психологическому направленію въ философіи, какъ бы они ни протестовали противъ этого. Видѣ трансцендентальная психологія, тоже есть психологія.

къ соединенію прекращается; возникаетъ либо совершенная неувыренность, либо же одно изъ утверждений должно уступить мѣсто другому. Психологическое такое уничтоженіе противорѣчиваго, разумеется, можетъ быть преходящимъ, поскольку преходяще непосредственное совпаденіе противорѣчій. То, что глубоко укоренилось въ различныхъ областяхъ мысли, не можетъ быть разрушено однимъ лишь умозаключающимъ доказательствомъ его противорѣчivosti. Въ томъ пунктѣ, гдѣ слѣдствія изъ одного и другого положенія непосредственно встрѣчаются, разсужденіе, правда, приводитъ дѣйствіе, но послѣднее не всегда доходитъ черезъ цѣлый рядъ слѣдствій до самаго корня первоначальныхъ противорѣчій. Сомнѣнія въ правильности ряда умозаключеній, въ тождественности предмета умозаключеній зачастую сохраняютъ заблужденіе; но даже если оно на мгновеніе разрушается, оно потомъ образуется вновь изъ привычнаго круга связей представленій, и утверждаетъ, если его не изгнать окончательно путемъ повторныхъ нападеній.

Несмотря на это упорство заблужденій, все же психологическій законъ несоединимости непосредственныхъ противорѣчій въ мышленіи съ теченіемъ времени долженъ обнаружить сильное дѣйствіе. Это—острый клинокъ, который въ процессѣ опыта постепенно уничтожаетъ несостоятельныя связи представленій, между тѣмъ, какъ болѣе устойчивыя сохраняются. Это—уничтожающій принципъ въ естественномъ прогрессѣ человѣческаго мышленія, который, какъ и прогрессъ организмовъ, основывается на томъ, что непрерывно создаются новыя связи представленій, причемъ большая масса ихъ погибаетъ, а наилучшія выживаютъ и продолжаютъ дѣйствовать.

Этотъ психологическій законъ противорѣчія... непосредственно данъ въ нашей организаци и ранѣе всякаго опыта дѣйствуетъ, какъ условіе всякаго опыта. Его дѣйствіе объективно и онъ не долженъ быть сознаваемъ для того, чтобы проявлять себя.

Но даже, если захотѣть этотъ же законъ принять за основу логики, признать его нормативнымъ закономъ всякаго мышленія, подобно тому, какъ въ качествѣ естественнаго закона онъ дѣйствуетъ и безъ нашего признанія, то намъ и здѣсь, какъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ аксіомамъ, необходимо типичное наглядное представленіе, чтобы убѣдиться въ этомъ законѣ» <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Ibid. S. 27 и сл.

«Но если мы устранимъ всѣ психологическія примѣсы, то что тутъ останется существеннаго для логики? Только фактъ постоянного устраненія противорѣчиваго. На почвѣ нагляднаго представленія есть просто идеализмъ говорить, что противорѣчіе не можетъ существовать; какъ будто за необходимымъ кроется еще новая необходимость. Фактъ тотъ, что оно не существуетъ, что каждое сужденіе, переходящее границу понятія, тотчасъ же устраняется противоположнымъ и тверже обоснованнымъ сужденіемъ. Но для логики это фактическое устраненіе есть первичное основаніе всѣхъ ея правилъ. Съ психологической точки зрѣнія его можно назвать необходимымъ, разсматривая его, какъ особый случай болѣе общаго закона природы; но до этого нѣтъ никакого дѣла логикѣ, которая, вмѣстѣ со своимъ основнымъ закономъ противорѣчія, только здѣсь и беретъ свое начало» <sup>1)</sup>.

Эти ученія Ф. А. Ланге оказали несомненное вліяніе, въ особенности на Кромана <sup>2)</sup> и Гейманса <sup>3)</sup>. Последнему мы обязаны систематической попыткой провести съ возможно болѣею послѣдовательностью теорію познанія, основанную на психологизмѣ. Мы особенно должны ее признать, какъ почти чистый мыслительный экспериментъ, и мы вскорѣ будемъ имѣть случай ближе разсмотрѣть это ученіе. Сходные взгляды мы находимъ у Либмана <sup>4)</sup> и, къ нашему удивленію, посреди разсужденія, въ которомъ онъ безусловно правильно приписываетъ логической необходимости «абсолютную обязательность для всякаго разумно мыслящаго существа», «все равно, согласуется ли все его прочее устройство съ нашимъ или нѣтъ».

Изъ вышесказаннаго ясно, что мы имѣемъ возразить противъ этихъ ученій. Мы не отрицаемъ психологическихъ фактовъ, о которыхъ такъ вразумительно говоритъ Ланге. Но мы не находимъ ничего, что позволяло бы говорить о естественномъ законѣ. Если сопоставить различныя формулировки этого мнимаго закона съ фактами, то онѣ окажутся только очень небрежными выраженіями послѣднихъ. Если бы Ланге сдѣлалъ попытку описать и разграничить въ точныхъ понятіяхъ хорошо знакомые

намъ опытные факты, онъ не могъ бы не замѣтить, что ихъ никоимъ образомъ нельзя считать единичными случаями закона въ томъ точномъ смыслѣ, который требуется основными логическими законами. На дѣлѣ то, что намъ представляютъ въ видѣ «естественнаго закона противорѣчія», сводится къ грубому эмпирическому обобщенію, которому присуща неопредѣленность, не поддающаяся точной фиксаціи. Кромѣ того, оно относится только къ психически нормальнымъ индивидуамъ; ибо повседневный опытъ нормальнаго человѣка, являющийся здѣсь единственнымъ источникомъ, ничего не можетъ сказать о психически ненормальномъ. Словомъ, мы тутъ не видимъ строго научнаго приема, безусловно необходимаго при всякомъ употребленіи для научныхъ цѣлей ненаучныхъ опытныхъ сужденій.

Мы рѣшительнѣйшимъ образомъ протестуемъ противъ смѣшенія неопредѣленнаго эмпирическаго обобщенія съ абсолютно точнымъ и чисто отвлеченнымъ закономъ, который одинъ лишь употребляется въ логикѣ. Мы считаемъ просто нецѣльнымъ отождествлять ихъ, или выводить одинъ изъ другого, или спавывать то и другое въ мнимое двусторонній законъ противорѣчія. Только невнимательное отношеніе къ простому содержанію значенія логическаго закона дало возможность упустить изъ виду, что онъ ни малѣйшимъ образомъ не связанъ ни прямо, ни косвенно съ фактическимъ устраненіемъ противорѣчиваго въ мышленіи. Это фактическое устраненіе явно относится лишь къ переживаніямъ сужденія у одного и того же индивида, въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же актѣ. Оно не касается утвержденія и отрицанія, распределенныхъ между различными индивидуами или по различнымъ временамъ и актамъ. Для фактовъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, такого рода различія должны быть по преимуществу приняты во вниманіе, для логическаго закона они вообще не имѣютъ значенія. Онъ именно и говоритъ не о борьбѣ противорѣчащихъ сужденій, этихъ временныхъ, реально такимъ-то и такимъ-то образомъ опредѣляемыхъ актовъ, а о законѣмѣрной несомѣстности вѣвременно-идеальныхъ единствъ, которыя мы называемъ противорѣчащими сужденіями. Истина, что въ парѣ такихъ сужденій оба не могутъ быть истинными, не заключаетъ въ себѣ и тѣни эмпирическаго утвержденія о какомъ-либо сознаніи и его актахъ сужденія. Думается, что достаточно хоть однажды серьезно выиснить себѣ это, чтобы уразумѣть ненѣрность критикуемаго нами взгляда.

<sup>1)</sup> Ibid. S. 49

<sup>2)</sup> К. Кроман. Unsere Naturerkenntniss, übers. von Fischer-Ben-zon Kopenhagen, 1883.

<sup>3)</sup> G. Heymans, Die Gesetze und Elemente des wissenschaftlichen Denkens, 2 Bde Leipzig 1890 und 1894.

<sup>4)</sup> Liebm ann. Gedanken und Thatsachen, 1. Heft (1882). S. 26—27.

## § 29. Продолжение.—Учение Зигварта.

Еще до Ланге мы находим выдающихся мыслителей, стоящих на стороне оспариваемого нами учения о двойственном характере принципов логики. Таков, как видно из одного случайного замечания, Бергман<sup>1)</sup>, вообще не склонный къ уступкамъ въ пользу психологизма; но прежде всего Зигвартъ, широкое влияние котораго на новейшую логику заставляетъ насъ поближе присмотрѣться къ соответственнымъ его разсужденіямъ.

«Принципъ противорѣчія,—полагаетъ этотъ выдающийся логикъ—выступаетъ, какъ нормативный законъ... въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ былъ естественнымъ закономъ и просто устанавливалъ значеніе отрицанія. Въ качествѣ естественнаго закона онъ утверждаетъ, что въ одинъ и тотъ же моментъ невозможно сознательно сказать: *A* есть *b* и *A* не есть *b*; въ качествѣ же нормативнаго закона, онъ примѣняется ко всему кругу определенныхъ (*constante*) понятій, на который вообще простирается единство сознанія; при этомъ допущеніи онъ обосновываетъ такъ называемый *Principium contradictionis*, который, однако, теперь ужъ не составляетъ коррелята къ закону тождества (въ смыслѣ формулы *A* есть *A*, а предполагаетъ его, т. е. предполагаетъ установленнымъ абсолютное постоянство понятій»<sup>2)</sup>.

Точно такъ же Зигвартъ высказывается въ параллельномъ разсужденіи въ отношеніи закона тождества (толкуемаго, какъ принципъ согласованія): «Различіе, въ силу котораго принципъ согласованія разсматривается, какъ естественный законъ или нормативный, коренится... не въ собственной его природѣ, а въ допущеніяхъ, къ которымъ онъ примѣняется; въ первомъ случаѣ онъ прилагается къ тому, что въ данный моментъ находится въ сознаніи, во второмъ—къ идеальному, эмпирически никогда полностью не осуществимому состоянію слюшного неизмѣннаго присутствія совокупнаго упорядоченнаго содержанія представленій сознанія»<sup>3)</sup>.

А теперь выскажемъ наши сомнѣнія. Какъ можетъ положеніе, которое (въ качествѣ закона противорѣчія) «устанавливаетъ значеніе отрицанія», носить характеръ естественнаго закона? Разумѣется, Зигвартъ не думаетъ, что это положеніе, въ качествѣ поминальнаго опредѣленія, устанавливаетъ смыслъ слова «отрица-

ніе». Зигвартъ можетъ имѣть въ виду только то, что оно исходитъ изъ смысла отрицанія, что оно вскрываетъ то, что оно относится къ значенію понятія отрицанія, другими словами, онъ хочетъ сказать только то, что, отказавшись отъ этого положенія, мы отказываемся и отъ смысла слова «отрицаніе». Но именно это никоимъ образомъ не можетъ составлять содержанія естественнаго закона, въ томъ числѣ и того закона, который тутъ-же формулируетъ Зигвартъ. Невозможно, гласитъ этотъ законъ, сознательно высказать заравъ: *A* есть *b* и *A* не есть *b*. Положенія, основанныя на понятіяхъ (а также и то, что, основываясь на понятіяхъ, просто перенесено на факты), не могутъ ничего говорить о томъ, что мы можемъ сознательно совершать или не совершать въ одинъ и тотъ же моментъ. Если они, какъ говоритъ Зигвартъ въ другихъ мѣстахъ, сверхвременны, то они не могутъ имѣть никакого существеннаго содержанія, которое относилось бы къ временному, т. е. фактическому. Всякое внесеніе фактовъ въ такого рода сужденія неизбежно уничтожаетъ ихъ подлинный смыслъ. Иско, такимъ образомъ, что каждый естественный законъ, говорящій о временномъ, и нормативный законъ (подлинный принципъ противорѣчія), говорящій о сверхвременномъ, безусловно разнородны. Следовательно, дѣло не поможетъ идти объ одномъ законѣ, выступающемъ въ одномъ и томъ же смыслѣ, но съ различными функциями или въ разныхъ сферахъ примѣненія.

Впрочемъ, если бы противное воззрѣніе было правильно, то было бы возможно дать формулу, которая обнимала бы и законъ о фактахъ, и законъ объ идеальныхъ объектахъ. Кто утверждаетъ, что здѣсь одинъ законъ, тотъ долженъ обладать одной логически опредѣленной его формулировкой. Понятно, однако, что вопросъ о такой единой формулировкѣ остается тщетнымъ.

Еще одно сомнѣніе есть у меня. Нормативный законъ долженъ предполагать осуществленнымъ абсолютное постоянство понятій? Тогда законъ былъ бы обязателенъ только при предпосылкѣ, что выраженія всегда употребляются въ одинаковомъ значеніи, и въ противномъ случаѣ терялъ бы силу. Но это не можетъ быть, серьезнымъ убѣжденіемъ выдающагося логика Зигварта. Разумѣется, эмпирическое примѣненіе закона предполагаетъ, что понятія или сужденія, функционирующія, какъ значенія нашихъ высказываній, дѣйствительно тождественны, подобно тому, какъ идеальный объемъ закона рас-

<sup>1)</sup> Bergmann. Reine Logik. S. 20. (Важнѣйшія слова § 2).

<sup>2)</sup> Sigwart. Logik. I. S. 386 (§ 45, 5).

<sup>3)</sup> Ibid., S. 383 (§ 46, 2).



пространяется на всё возможные пары суждений противоположного качества, но тождественного содержания. Но, разумеется, это не есть предпосылка его обязательности, как будто послѣдняя имѣетъ гипотетическій характеръ, а лишь предпосылка его возможнаго примѣненія къ тѣмъ или инымъ единичнымъ случаямъ. Какъ примѣненіе числового закона предполагаетъ въ каждомъ данномъ случаѣ наличность чиселъ, и такіа именно числа, свойства которыхъ ясно опредѣлены закономъ, такъ и условіемъ примѣненія логическаго закона является наличность суждений, и притомъ требуются именно сужденія тождественнаго содержанія.

Но и указаніе на идеальное сознание вообще<sup>1)</sup> я не нахожу особенно продуктивнымъ. Въ идеальномъ мышленіи всѣ понятія (точнѣе, всѣ выраженія) употреблялись бы въ абсолютно тождественномъ значеніи, не было бы текущихъ значеній, эквивокацій и учетвереній терминовъ. Но сами по себѣ логическіе законы не имѣютъ существеннаго отношенія къ этому идеалу, который, напротивъ, мы только и создаемъ изъ-за нихъ. Постоянная ссылка на идеальное сознание создаетъ жуткое чувство, какъ будто логическіе законы во всей строгости обязательны только для этихъ фиктивныхъ идеальныхъ случаевъ, а не для отдѣльныхъ эмпирическихъ случаевъ. Въ какомъ смыслѣ чисто логическіе законы «предполагаютъ» тождественныя понятія, мы только что изложили. Если мыслимыя представленія текучи, т. е. если при возвращеніи «того же» выраженія измѣняется логическое содержаніе представленія, то въ логическомъ смыслѣ мы имѣемъ уже не то же самое, а другое понятіе, и такъ при каждомъ дальнѣйшемъ измѣненіи. Но каждое понятіе въ отдѣльности само по себѣ есть надъэмпирическое единство и подпадаетъ соответствующимъ каждой данной его формѣ логическимъ истинамъ. Какъ потокъ эмпирическихъ содержаній дѣйствъ и несовершенство качественнаго отождествленія не соприсаается съ различіями дѣйствъ, какъ качественныхъ видовъ; какъ одинъ видъ есть нѣчто идеально тождественное по отношенію къ многообразію возможныхъ единичныхъ случаевъ (которые сами суть не дѣйствъ, а именно, случаи одного дѣйствъ),—такъ обстоитъ дѣло и съ тождественными значеніями или понятіями въ ихъ отношеніи къ мыслимымъ представленіямъ, «содержаніемъ» которыхъ они являются.

Способность идеально овладѣвать общимъ въ единичномъ, понятіемъ въ эмпирическомъ представленіи, и при повторномъ представленіи убѣждаться въ тождественности логическаго идеала есть условіе возможности познанія, мышленія. И какъ въ актѣ отвлеченія мы воспринимаемъ понятіе въ качествѣ единаго вида—единство котораго въ противоположность многообразію фактическихъ или представляемыхъ фактическими отдѣльныхъ случаевъ мы уразумѣваемъ съ внутренней убѣдительностью,—такъ же мы можемъ воспринять очевидность логическихъ законовъ, которые относятся къ этимъ, такъ или иначе оформленнымъ понятіямъ. Къ «понятіямъ» въ смыслѣ идеальныхъ единствъ относятся также и «сужденія», о которыхъ говорить Principium contradictionis, а также и вообще значенія буквенныхъ знаковъ, употребляемыхъ въ формулахъ логическихъ положеній. Всюду, гдѣ мы совершаемъ акты представленія понятій, мы тѣмъ самымъ имѣемъ уже понятія; представленія имѣютъ свои «содержанія», свои идеальныя значенія, которыми мы можемъ овладѣть путемъ отвлеченія въ идеирующей абстракціи, этимъ самымъ намъ всюду дана возможность примѣненія логическихъ законовъ. Но обязательность этихъ законовъ безусловно неограничена, она не зависитъ отъ того, можемъ ли мы или кто бы то ни было фактически осуществлять представленія, какъ символы понятій, и удерживать или воспроизводить ихъ съ сознаніемъ тождественности ихъ смысла.

<sup>1)</sup> Ср. также *ibid.* I<sup>o</sup>. S. 419 (§ 48. 4).

## ГЛАВА ШЕСТАЯ.

### Силлогистика въ психологическомъ освѣщеніи. Формулы умозаключенія и химическія формулы.

#### § 30. Попытки психологическаго истолкованія силлогистическихъ положеній.

Въ предыдущей главѣ мы брали за основу нашихъ разсужденій, главнымъ образомъ, принципъ противорѣчія, ибо именно въ отношеніи его, да и вообще въ отношеніи основныхъ принциповъ, искушеніе психологическаго пониманія очень велико. Мотивы, влекущіе къ такому пониманію, дѣйствительно въ значительной мѣрѣ кажутся тѣмъ-то самоочевиднымъ. Кромѣ того, специальное примѣненіе эмпирической доктрины къ законамъ умозаключенія встрѣчается рѣже; такъ какъ ихъ можно свести къ основнымъ принципамъ, то обыкновенно полагаютъ, что на нихъ не стоитъ затрачивать особыхъ усилій. Если эти аксіомы суть психологическіе законы, а силлогистическіе законы суть чисто дедуктивныя слѣдствія изъ аксіомъ, то и силлогистическіе законы суть законы психологическіе. И вотъ, слѣдовало бы думать, что каждое ошибочное умозаключеніе является рѣшительнымъ опроверженіемъ этого взгляда, и что изъ этой дедукціи скорѣе можно извлечь аргументъ противъ возможности какого бы то ни было психологическаго толкованія аксіомъ. Слѣдовало бы, далѣе, думать, что, соблюдая необходимую тщательность въ логическомъ и словесномъ фиксированіи предполагаемаго психологическаго содержанія аксіомъ, эмпиристы убѣдятся, что при такомъ истолкованіи аксіомы ни малѣйшимъ образомъ не способствуютъ доказательству формулъ умозаключенія, и что, гдѣ такое доказательство имѣется, тамъ исходные и конечные пункты его носятъ характеръ законовъ, toto соelo различающихся отъ того, что называется

закономъ въ психологіи. Но даже самыя ясныя опроверженія безсильны передъ убѣжденностью психологистовъ. Г. Геймансъ, недавно вновь подробно развившій это ученіе, такъ мало смущается существованіемъ ошибочныхъ умозаключеній, что въ возможности обнаружить ошибочное умозаключеніе видитъ даже подтвержденіе психологическаго взгляда; ибо это обнаруженіе, думаетъ онъ, состоитъ не въ томъ, чтобы исправлять того, кто еще не мыслитъ согласно принципу противорѣчія, а въ томъ, чтобы раскрыть противорѣчіе, незамѣтно вкравшееся въ ошибочное умозаключеніе. Хотѣлось бы спросить: да развѣ незамѣченные противорѣчія не суть также противорѣчія, и развѣ логическій принципъ говоритъ только о несовмѣстности замѣченныхъ противорѣчій, а относительно незамѣченныхъ допускаетъ, что они могутъ быть совмѣстно истинны? Ясно опять-таки—вспомнимъ лишь о различіи между психологическою и логическою несовмѣстностью—, что мы возвращаемся въ мутной области вышеизложенныхъ смѣшанной понятій.

Если намъ еще скажутъ, что рѣчь о «незамѣченныхъ» противорѣчіяхъ, содержащихся въ ошибочномъ умозаключеніи, надо понять въ переносномъ смыслѣ,—что только въ процессѣ опровергающаго разсужденія противорѣчіе выступаетъ, какъ нѣчто новое, какъ слѣдствіе ошибочнаго способа умозаключенія, и что съ этимъ, въ качествѣ дальнѣйшаго результата, связано (также въ психологическомъ смыслѣ) то, что мы принуждены отвергнуть этотъ способъ умозаключенія, какъ ошибочный,—то и это намъ многого не дастъ. Одно теченіе мыслей порождаетъ одинъ результатъ, другое—другой. Никакой психологическій законъ не соединяетъ «опроверженія» съ ошибочнымъ умозаключеніемъ. Последнее въ безчисленномъ количествѣ случаевъ встрѣчается безъ перваго и переходитъ въ убѣжденіе. Но какое же право имѣетъ одно теченіе мыслей, связывающееся только при извѣстныхъ психическихъ условіяхъ съ ложнымъ умозаключеніемъ, просто приписывать ему противорѣчіе и оспаривать его «обязательность» не только при этихъ условіяхъ, но и объективную, абсолютную обязательность его? Совершенно такъ же дѣло обстоитъ, разумѣется, и съ «правильными» формами умозаключенія, въ отношеніи ихъ обоснованія логическими аксіомами. Какъ можетъ обосновывающее теченіе мысли, наступающее только при извѣстныхъ психическихъ условіяхъ, претендовать на то, что соотвѣтствующая форма умозаключенія безъ условно обязательна? На такіе вопросы психологистическое ученіе

не дает приемлемого ответа; тут, как и всюду, оно лишено возможности выяснить объективное значение логических истин, и вместе с тем функцию их, в качестве абсолютных норм правильного и неправильного суждения. Уже не раз приводилось это возражение, уже не раз замечали, что отождествление логического и психологического закона стирает всякое различие между правильным и ошибочным мышлением, ибо ошибочные способы суждений так же, как и правильные, протекают согласно психологическим законам. Или мы должны по произвольному соглашению именовать результаты одних закономерностей правильными, а других—ошибочными? Что же отвечает на эти возражения эмпиризм? «Конечно, мышление, имеющее свою целью открытие истины, стремится создать непротиворечивые связи мыслей; но истинность этих непротиворечивых связей кроется опять-таки в том же обстоятельстве, что фактически может быть утверждаемо лишь непротиворечивое, т. е. в том, что принцип противоречия есть естественный закон мышления»<sup>1)</sup>. Что за странное стремление,—можно ответить на это—приписывается здесь мышлению, стремление к непротиворечивым связям мыслей, между тем как иных связей вообще нет и не может быть—по крайней мере, если на самом деле действует тот «естественный закон», о котором идет речь. Вряд ли лучше и следующий аргумент: «у нас нет никакой иной причины считать «неправильной» связь двух противоречащих друг другу суждений, кроме того, что мы инстинктивно и непосредственно чувствуем невозможность одновременно утверждать оба суждения. Попробуем независимо от этого факта доказать, что мы имеем право утверждать только непротиворечивое; чтобы быть в состоянии это доказать, придется все время предполагать то, что требуется доказать» (там же стр. 69). Мы сразу замечаем, что тут действуют анализированные нами выше смещения понятий. Внутренняя убедительность логического закона, не допускающего одновременной истинности противоречащих суждений, отождествляется с инстинктивным и будто бы непосредственным «ощущением» психологической невозможности совершать одновременно противоречивые акты суждений. Очевидность и слепая уверенность, точная и эмпи-

<sup>1)</sup> Нейман, ук. соч. I. стр. 70. Так, ведь, и Ф. А. Ланге (ср. последний абзац большей цитаты из «Logische Studien», выше стр. 82) говорит, что фактическое уничтожение противоречивого в наших суждениях есть первичная основа логических правил.

рическая всеобщность, логическая несомыстимость соотношений вещей и психологическая несомыстимость актов мысли, стало быть, невозможность совместной истинности и невозможность одновременной мысли—сливаются воедино.

### § 31. Формулы умозаключения и химические формулы.

Гейманс попытался уяснить учение, что формулы умозаключения выражают «эмпирические законы мышления», путем сравнения их с химическими формулами. «Точно так же, как в химической формуле  $2H_2 + O_2 = 2H_2O$  проявляется только тот общий факт, что два объема водорода и один объем кислорода, при соответствующих условиях, соединяется в два объема воды, так и логическая формула:

$$MaX + MaY = YX + XiY$$

высказывает лишь, что два общеутвердительных суждения с одинаковым субъектом при соответствующих условиях создают в сознании два новых частноутвердительных суждения, в которых предикаты первоначальных суждений выступают в качестве субъекта и предиката. Почему в этом случае возникают новые суждения, при комбинации же:  $MeX + MeY$  таковых не получается, этого мы доселе еще совершенно не знаем. Но путем повторения... экспериментов мы можем убедиться, что в этих отклонениях господствует непоколебимая необходимость, которая при данных предпосылках заставляет нас считать истинным и умозаключением»<sup>1)</sup>. Эти опыты, разумеется, должны производиться «с исключением всяких препятствующих влияний» и состоять в том, «что возможно яснее представляют собой соответствующие суждения, служащие предпосылками, затем пускают в ход механизм мышления и ждут, получатся или не получатся новое суждение». Если же действительно получается новое суждение, тогда надо внимательно всмотраться, не вступили ли в сознание, кроме начального и конечного пункта, еще какие-либо отдаленные промежуточные стадии и возможно точнее и полнее отметить их»<sup>2)</sup>.

Поражает нас в этом учении утверждение, что при исклю-

<sup>1)</sup> Нейманс, ук. соч. стр. 62.

<sup>2)</sup> Ук. соч. стр. 67.

ченныхъ логиками комбинаціяхъ не имѣть мѣсто созданіе новыхъ сужденій. А между тѣмъ и по отношенію къ каждому ошибочному умозаключенію, напр., такой формы:

$$XeM + MeY = XeY$$

придется сказать, что вообще два сужденія формъ  $XeM$  и  $MeY$  «при соответствующихъ условіяхъ» даютъ въ сознаніи новое сужденіе. Аналогія съ химическими формулами въ этомъ случаѣ подходитъ такъ же хорошо или худо, какъ и въ другихъ случаяхъ. Разумѣется, тутъ недопустимо возраженіе, что «обстоятельства» въ томъ и другомъ случаѣ неодинаковы. Психологически они всѣ одинаково интересны, и соответствующія эмпирическія сужденія имѣютъ одинаковую цѣнность. Отчего же мы дѣлаемъ это коренное разлечіе между обоими классами формулъ? Если бы намъ предложили этотъ вопросъ, мы, разумѣется, отвѣтили бы: потому что по отношенію къ однимъ мы познали съ внутренней убѣдительностью, что они выражаютъ истинное, а по отношенію къ другимъ, — что они выражаютъ ложное. Но эмпиристъ этого отвѣта дать не можетъ. Исходя изъ принятыхъ имъ толкованій, приходится признать, что эмпирическія сужденія, соответствующія ошибочнымъ умозаключеніямъ, имѣютъ такое же значеніе, какъ и сужденія, соответствующія другимъ умозаключеніямъ.

Эмпиристъ ссылается на извѣстную изъ опыта «непоколебимую необходимость», которая «при данныхъ предпосылкахъ» принуждаетъ насъ считать умозаключеніе истиннымъ». Но въ умозаключенія, оправдываются ли они логикой или нѣтъ, совпадаютъ съ психологической необходимостью, и ощущимое, правда, лишь при нѣкоторыхъ условіяхъ принужденіе всюду одинаково. Тотъ, кто, несмотря ни на какіе критическіе доводы, все же остается при своемъ ошибочномъ умозаключеніи, ощущаетъ «непоколебимую необходимость», принудительную невозможность иного, совершенно такъ же, какъ тотъ, кто умозаключаетъ правильно и остается при познательной имъ правильности. Ни сужденіе, ни умозаключеніе не зависятъ отъ произвола. Эта ощущаемая непоколебимость совсѣмъ не свидѣтельствуетъ объ истинной непоколебимости, ибо она сама при новыхъ мотивахъ сужденія можетъ исчезнуть даже по отношенію къ правильнымъ и признаннымъ правильными умозаключеніямъ. Не надо, слѣдовательно, смѣшивать ее съ настоящею логическою необходимостью, присущей каждому правильному умозаключенію, которая говорить и можетъ говорить только о познаваемой

съ очевидностью (хотя и не всякимъ судящимъ дѣйствительно познаваемой) идеальной-закономѣрной обязательности умозаключенія. Закономѣрность значенія, какъ таковая, правда, выступаетъ только въ самоочевидномъ уразумѣніи закона умозаключенія; въ сравненіи съ нимъ очевидность *hic et nunc* выполненнаго умозаключенія представляется лишь выясненіемъ необходимаго значенія отдѣльнаго случая, т. е. значенія его на основаніи закона.

Эмпиристъ полагаетъ, что мы «доселѣ еще ничего» не знаемъ о томъ, почему отвергнутыя логикой комбинаціи предпосылокъ «не даютъ результата». Стадо быть, отъ будущихъ успѣховъ знанія онъ ждетъ новаго поученія? Можно бы думать, что именно здѣсь мы знаемъ все, что вообще можемъ знать; вѣдь, мы съ самоочевидностью убѣждаемся, что каждая возможная вообще (т. е. умѣщающаяся въ предѣлы силлогистическихъ комбинацій) форма умозаключеній въ связи съ указанными комбинаціями предпосылокъ даетъ ложный законъ умозаключенія; можно бы думать, что въ этихъ случаяхъ большее знаніе безусловно невозможно даже для безконечно совершеннаго интеллекта.

Къ этому и сходнымъ возраженіямъ можно присоединить еще одинъ, хотя и не менѣе убѣдительный, но менѣе существенный для нашихъ цѣлей. А именно, несомнѣнно, что аналогія съ химическими формулами не идетъ далеко, я хочу сказать, идетъ не настолько далеко, чтобы мы имѣли основаніе относиться особенно серьезно, наряду съ логическими законами, къ смѣшиваемымъ съ ними психологическимъ законамъ. Въ химіи мы знаемъ «обстоятельства» при которыхъ происходятъ выраженные въ формулахъ синтезы; они въ значительной мѣрѣ допускаютъ точное опредѣленіе, и именно поэтому мы причисляемъ химическія формулы къ наиболѣе цѣннымъ естественно-научнымъ индукціямъ. Въ психологіи же, наоборотъ, достижимое для насъ знаніе обстоятельствъ такъ ничтожно, что въ концѣ концовъ мы можемъ только сказать: чаще всего случается, что люди умозаключаютъ сообразно логическимъ законамъ, при чемъ извѣстныя, не допускающія точнаго ограниченія обстоятельства, извѣстное «напряженіе вниманія», извѣстная «свѣжая ума», извѣстная «подготовка» и т. п. суть благоприятныя условія для осуществленія акта логическаго умозаключенія. Обстоятельства или условія въ строгомъ смыслѣ, при которыхъ съ необходимостью происходитъ заключающій актъ сужденія, остаются совершенно скрытыми для насъ. При такомъ положеніи дѣлъ легко понять, почему до сихъ поръ ни одному пси-

хологу не пришло въ голову разобрать въ психологін обобщенія, относящіяся къ многообразнымъ формуламъ умозаключенія и характеризующія вышеупомянутыми ясными обстоятельствами, и почитать ихъ названіемъ «законовъ мышленія».

Послѣ всего сказаннаго мы можемъ считать безнадежною въ кантовскомъ смыслѣ слова интересную (и поучительную въ отношеніи многихъ незатронутыхъ здѣсь частностей) попытку Гейманса создать «теорію познанія, которую можно было бы также назвать химіей сужденій» <sup>1)</sup>, и которая есть «не что иное, какъ психологія мышленія» <sup>2)</sup>. Во всякомъ случаѣ, наше отклоненіе психологистическихъ толкованій остается непоколебленнымъ. Формулы умозаключенія не имѣютъ вкладываемаго въ нихъ эмпирическаго содержанія; ихъ истинное значеніе яснѣе всего выступаетъ, когда мы высказываемъ ихъ въ видѣ эквивалентныхъ идеальныхъ несовмѣстимостей. Напр.: общеобязательно, что два положенія формы: «всѣ *M* суть *X*» и «ни одно *P* не есть *M*» не могутъ быть истинны безъ того, чтобы не было истинно положеніе формы «нѣкоторые *X* не суть *P*». И то же примѣнимо ко всѣмъ другимъ случаямъ. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о совнаніи, актахъ сужденія, условіяхъ сужденія и т. п. Если помнить истинное содержаніе законовъ умозаключенія, тогда исчезаетъ ошибочная видимость, будто экспериментальное воспроизведеніе самоочевиднаго сужденія, въ которомъ мы познаемъ законъ умозаключенія, означаетъ экспериментальное обоснованіе самаго закона умозаключенія или вводитъ въ это обоснованіе.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

### Психологизмъ, какъ скептической релятивизмъ.

#### § 32. Идеальныя условія возможности теоріи вообще. Точное понятіе скептицизма.

Самый тяжелый упрекъ, который можно высказать какой-либо теоріи, въ особенности теоріи логики, состоитъ въ томъ, что она противорѣчитъ очевиднымъ условіямъ возможности теоріи вообще. Выставить теорію и въ ея содержаніи явно или скрыто противорѣчить положеніямъ, обосновывающимъ смыслъ и оправданіе всякой теоріи вообще—это не только неправильно, но и въ основѣ негнѣпо.

Въ двоякомъ смыслѣ мы можемъ здѣсь говорить объ очевидныхъ «условіяхъ возможности» всякой теоріи вообще. Во-первыхъ, въ субъективномъ смыслѣ. Тутъ дѣло идетъ объ апіорныхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ возможность непосредственнаго и посредственнаго познанія <sup>1)</sup> и, тѣмъ самымъ, возможность разумнаго оправданія всякой теоріи. Теорія, какъ обоснованіе познанія, сама есть познаніе, и ея возможность зависитъ отъ извѣстныхъ условій, которыя вытекаютъ изъ самаго понятія познанія и его отношенія къ познающему субъекту. Напр.: въ понятіи познанія въ строгомъ смыслѣ содержится то, что оно есть сужденіе, не только притязующее на истинность, но и увѣренное въ правомѣрности этого своего притязанія и дѣйствительно обладающее этой правомѣрностью. Но если бы высказывающій сужденіе никогда и нигдѣ не былъ въ состояніи переживать въ себѣ и вос-

<sup>1)</sup> Нейманс, ук. соч. I. стр. 10.

<sup>2)</sup> Ук. соч. стр. 30.

<sup>1)</sup> Прошу принять во вниманіе, что терминъ познаніе въ предлагаемомъ произведеніи не употребляется съ весьма распространеннымъ ограниченіемъ его только областью реальнаго.

принимать, как таковое, то отличие, которое составляет оправдание суждения, если бы все суждения были для него лишены очевидности, отличающей их от слѣпыхъ предвзятыхъ мнѣній, и дающей ему ясную увѣренность, что онъ не только считаетъ нѣчто за истину, но и воспринимаетъ самую истину—то не могло бы быть и рѣчи о разумномъ возникновеніи и оправданіи познания, о теоріи, о наукѣ. Итакъ, теорія противорѣчитъ субъективнымъ условіямъ ея возможности, какъ теорія вообще, если она, согласно этому примѣру, отрицаетъ всякое преимущество очевиднаго предъ слѣпымъ предубѣжденіемъ; она тѣмъ самымъ уничтожаетъ то, что отличается ее самое отъ произвольнаго, ничѣмъ не оправдываемаго утверждения.

Мы видимъ, что подъ субъективными условіями возможности здѣсь разумѣются отнюдь не реальныя условія, коренящіяся въ единичномъ сужденіи субъектѣ или въ имманентномъ видѣ существъ, образующихъ сужденія (напр., человѣческихъ), а идеальныя условія, вытекающія изъ формы субъективности вообще и изъ ея отношенія къ познанію. Для отличія назовемъ ихъ нозтическими условіями.

Въ объективномъ смыслѣ, говоря объ условіяхъ возможности всякой теоріи, мы говоримъ о ней не какъ о субъективномъ единствѣ познаній, а какъ объ объективномъ, связанномъ отношеніями основанія и слѣдствія, единствѣ истинъ или положеній. Условіями здѣсь являются всѣ тѣ законы, которые вытекаютъ изъ самаго понятія теоріи—точнѣе говоря, вытекаютъ изъ самихъ понятій истины, положенія, предмета, свойства, отношенія и т. п., словомъ, изъ понятій, по существу конституирующихъ понятіе теоретическаго единства. Отрицаніе этихъ законовъ, стало быть, равносильно утвержденію, что всѣ упомянутыя термины: теорія, истина, предметъ, свойство и т. д. лишены содержательнаго (consistent) смысла. Теорія въ этомъ объективно-логическомъ смыслѣ уничтожается, если она въ своемъ содержаніи нарушаетъ законы, безъ которыхъ теорія вообще не имѣла бы никакого «разумнаго» (содержательнаго) смысла.

Логическія погрѣшности ея могутъ скрываться въ предположкахъ, въ формахъ теоретической связи и, наконецъ, также въ самомъ доказанномъ тезисѣ. Грубѣе всего нарушеніе логическихъ условій проявляется тамъ, гдѣ по самому смыслу теоретическаго тезиса отвергаются законы,

отъ которыхъ вообще зависитъ разумная возможность каждаго тезиса и каждаго обоснованія тезиса. То же относится и къ нозтическимъ условіямъ и къ нарушающимъ ихъ теоріямъ. Мы различаемъ, такимъ образомъ, (конечно, не съ цѣлью классификаціи): ложныя, недѣльныя, логически и нозтически недѣльныя и, наконецъ, скептическія теоріи; послѣднія обнимаютъ всѣ теоріи, въ тезисахъ которыхъ либо явно сказано, либо аналитически содержится, что логическія и нозтическія условія возможности теоріи вообще ложны.

Этимъ пріобрѣтается точное понятіе термина скептицизмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ясное подраздѣленіе его на логическій и нозтическій скептицизмъ. Этому понятію соответствующъ, напримѣръ, античныя формы скептицизма съ тезисами вродѣ слѣдующихъ: истина не существуетъ, нѣтъ ни познанія, ни обоснованія его и т. п. И эмпиризмъ, какъ умѣренный, такъ и крайній, какъ видно изъ нашихъ прежнихъ рассужденій<sup>1)</sup>, представляетъ собою примѣръ, соответствующій нашему точному понятію. Изъ опредѣленія само собою ясно, что къ понятію скептической теоріи принадлежитъ призывъ противорѣчивости.

### § 33. Скептицизмъ въ метафизическомъ смыслѣ.

Обыкновенно терминъ скептицизмъ употребляется въ нѣсколько неопредѣленномъ смыслѣ. Оставляя въ сторонѣ популярное пониманіе его, скептическою называютъ всякую философскую теорію, которая, исходя изъ принципиальныхъ соображеній, значительно ограничиваетъ человѣческое познаніе, въ особенности же, если она исключаетъ изъ области возможнаго познанія обширныя сферы реальнаго бытія или особенно почитаемыя науки (напр., метафизику, естествознаніе, этику, какъ рациональныя дисциплины).

Среди этихъ ненастоящихъ формъ скептицизма, главнымъ образомъ, одну часто смѣшиваютъ съ настоящимъ гносеологическимъ скептицизмомъ, опредѣленнымъ нами выше. Эта форма ограничиваетъ познаніе психическимъ бытіемъ и отрицаетъ бытіе или познаваемость «вещей въ себѣ». Подобнаго рода теоріи суть явно метафизическія; онѣ сами по себѣ не имѣютъ ничего общаго съ настоящимъ скептицизмомъ, ихъ тезисъ свободенъ отъ всякаго логическаго и нозтическаго противорѣчія, ихъ право на су-

<sup>1)</sup> Ср. глава V, приложение къ §§ 25 и 26, стр. 72 и сл.

ществование есть лишь вопрос аргументов и доказательств. Смѣшеніа и чисто скептическая наслонія выросли лишь подъ паралогическимъ вліяніемъ эквивокацій или создавшихся инымъ путемъ скептическихъ убѣжденій. Если, напр., метафизическій скептикъ выражаетъ свой взглядъ въ слѣдующей формѣ: «Нѣтъ объективнаго познанія» (т. е. познанія вещей въ себѣ) или «всякое познаніе субъективно» (т. е. всякое познаніе фактовъ есть только познаніе фактовъ сознанія), то велико искушеніе поддаться двусмысленности выраженія «субъективно» и «объективно» и намѣсто первоначальнаго, соответствующаго данной точкѣ зрѣнія смысла подставить нозгически-скептический. Въмѣсто сужденія: «всякое познаніе субъективно» получается теперь совершенно новое утвержденіе: «Всякое познаніе, какъ явленіе сознанія, подчинено законамъ сознанія; то, что, мы называемъ формами и законами познанія, есть не что иное, какъ «функциональныя формы сознанія» или законмѣрности этихъ функциональныхъ формъ—психологическіе законы». И если метафизическій субъективизмъ (этимъ неправомѣрнымъ путемъ) поощряетъ гносеологическій субъективизмъ, то и обратно, послѣдній (гдѣ онъ считается самоочевиднымъ) представляетъ, повидимому, сильный аргументъ въ пользу перваго. «Логическіе законы—умовноаключають при этомъ—въ качествѣ законовъ для нашихъ познавательныхъ функцій, лишены «реальнаго значенія»; во всякомъ случаѣ мы никогда и нигдѣ не можемъ знать, гармонизировать ли они съ какими-либо вещами въ себѣ, и допущеніе «системы предустановленной формы» было бы совершенно произвольно. Если понятіемъ вещи въ себѣ исключается даже всякое сравненіе единичнаго познанія съ его предметомъ (для констатирования *adaequatio rei et intellectus*), то тѣмъ болѣе исключается сравненіе субъективныхъ законмѣрностей функцій нашего сознанія съ объективнымъ бытіемъ вещей и ихъ законовъ. Стало быть, если вещи въ себѣ существуютъ, то мы абсолютно ничего не можемъ знать о нихъ».

Метафизическіе вопросы насъ здѣсь не касаются, мы упомянули о нихъ только затѣмъ, чтобы съ самаго начала предупредить смѣшеніе метафизическаго скептицизма съ логически-нозгическимъ.

### § 34. Понятіе релятивизма и его развѣтвленія

Для цѣлей критики психологизма мы должны еще уяснить (выступающее также въ упомянутой метафизической теоріи) понятіе субъективизма или релятивизма. Первоначальное понятіе его очерчено формулой Протагора: «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей», поскольку мы толкуемъ ее въ слѣдующемъ смыслѣ: мѣра всякой истины есть индивидуальный человѣкъ. Истинно для всякаго то, что ему кажется истиннымъ, для одного—одно, для другого—противоположное, если оно ему представляется именно таковымъ. Мы можемъ здѣсь, слѣдовательно, выбрать и такую формулу. Всякая истина (и познаніе) относительно въ зависимости отъ высказывающаго сужденіе субъекта. Но если вмѣсто субъекта мы возьмемъ центральнымъ пунктомъ отношенія случайный видъ существъ, высказывающихъ сужденіе, то возникнетъ новая форма релятивизма. Мѣрой всякой человѣческой истины является здѣсь человѣкъ, какъ таковой. Каждое сужденіе, которое коренится въ специфическихъ свойствахъ человѣка, въ конституирующихъ эти свойства законахъ—для насъ, людей, истинно. Поскольку эти сужденія относятся къ формѣ общечеловѣческой субъективности (человѣческаго «сознанія вообще»), здѣсь также говорятъ о субъективизмѣ (о субъектѣ, какъ первичномъ источникѣ знанія и т. п.). Лучше воспользоваться терминомъ релятивизмъ и различать индивидуальный и специфическій релятивизмъ; ограничивающая связь съ видомъ homo опредѣляетъ послѣдній, какъ антропологизмъ. Мы обращаемся теперь къ критикѣ, которую мы въ нашихъ интересахъ должны развить самымъ тщательнымъ образомъ.

### § 35. Критика индивидуальнаго релятивизма.

Индивидуальный релятивизмъ есть такой явный, — я готовъ почти сказать—наглый скептицизмъ, что если его вообще когда-либо и выдвигали серьезно, то во всякомъ случаѣ не въ новое время. Стоитъ только выставить это ученіе, какъ оно тотчасъ уже опровергнуто,—впрочемъ, лишь для того, кто понимаетъ объективность всего логическаго. Субъективиста, какъ и всякаго открытаго скептика вообще, нельзя убѣдить,—разъ у него нѣтъ расположенія къ тому—что такія положенія, какъ принципъ противорѣчія, коре-

нятся въ самомъ смыслѣ истины, и что сообразно съ этимъ должна быть признана именно противорѣчивой рѣчь о субъективной истинѣ, которая для однихъ—одна, для другихъ—другая. Его нельзя убѣдить и обычнымъ воображеніемъ, что онъ, выдвигая свою теорію, желаетъ убѣдить другихъ, стало быть, предполагаетъ объективность истины, которой не признаетъ въ тезисѣ. Онъ, разумеется, отрицать: въ своей теоріи я высказываю свою точку зрѣнія, которая истинна для меня и не должна быть истинна для кого-либо другого. Даже самый фактъ своего субъективнаго мнѣнія онъ будетъ утверждать, какъ истинный только для его собственного я, но не самъ по себѣ <sup>1)</sup>. Но дѣло не въ возможности убѣдить и привести къ сознанию своего заблужденія того или другого субъективиста, а въ томъ, чтобы объективно опровергнуть его. Опроверженіе же предполагается, какъ опору, известнаго самоочевиднаго и тѣмъ самымъ общеобязательнаго убѣжденія. Намъ, нормально predisposedнымъ людямъ, таковыми служатъ тѣ тривиальныя самоочевидности, о которыхъ разбивается всякій скептицизмъ, такъ какъ посредствомъ нихъ мы познаемъ, что скептическія ученія въ собственномъ и строгомъ смыслѣ противорѣчны: въ содержаніи ихъ утверждений отрицается то, что вообще принадлежитъ къ смыслу или содержанію каждаго утвержденія и, слѣдовательно, не можетъ, не приводя къ бессмыслицѣ, быть отдѣлено ни отъ какого утвержденія.

§ 36. Критика специфическаго 'релятивизма и, въ частности, антропологизма.

Если относительно субъективизма мы сомнѣваемся, былъ ли онъ когда-нибудь серьезно представленъ въ наукѣ, то къ специфическому релятивизму и въ частности къ антропологизму до такой степени склоняется вся новая и новѣйшая философія, что мы только въ видѣ исключенія можемъ встрѣтить мыслителя, совершенно свободного отъ заблужденій этой теоріи. А все же и послѣднюю слѣдуетъ считать, въ вышеустановленномъ смыслѣ слова, скептической

<sup>1)</sup> Въ этомъ его должны признавать правымъ тѣ, кто считаетъ возможнымъ дѣлать различіе между субъективными и объективными истинами, отрицая за сужденіями воспріятія, касающимися собственныхъ переживаній сознанія, характеръ объективности: какъ будто бытіе для меня ordering сознанія, какъ таковое, не есть вмѣстѣ съ тѣмъ бытіе по себѣ; какъ будто субъективность въ психологическомъ смыслѣ противорѣчитъ объективности въ логическомъ смыслѣ.

теоріей, и, слѣдовательно, и она полна величайшихъ мысленныхъ вообще въ теоріи нецѣлостей; здѣсь мы также находимъ, только слегка прикрытымъ, очевидное противорѣчіе между смысломъ ея тезиса вообще и тѣмъ, что осмысленно не отдѣлимо ни отъ одного тезиса, какъ такового. Не трудно обнаружить это въ частностяхъ.

1. Специфическій релятивизмъ утверждаетъ: для каждаго вида судящихъ существъ истинно то, что должно быть истинно сообразно ихъ организаціи, согласно законамъ ихъ мышленія. Это ученіе противорѣчиво. Ибо изъ него слѣдуетъ, что одно и то же содержаніе сужденія (положеніе) для одного, а именно, для субъекта вида homo истинно, для другого же, а именно для субъекта иначе устроеннаго вида, можетъ быть ложнымъ. Но одно и то же сужденіе не можетъ быть тѣмъ и другимъ—и истиннымъ, и ложнымъ. Это ясно изъ самаго смысла словъ «истинно» и «ложно». Если релятивистъ употребляетъ эти слова въ соответствующемъ имъ значеніи, то его тезисъ утверждаетъ то, что противорѣчитъ собственному смыслу этого тезиса.

Ссылка на то, что словесное выраженіе принципа противорѣчія, раскрывающаго намъ смыслъ словъ «истинно» и «ложно»,—несовершенно, и что въ немъ рѣчь идетъ о человѣчески истинномъ и человѣчески ложномъ—явно лишена значенія. Подобнымъ же образомъ и простой субъективизмъ могъ бы утверждать, что нечестно говорить объ истинномъ и ложномъ и что при этомъ подразумевается «истинное или ложное для такого то субъекта». На это, конечно, субъективизмъ отвѣтитъ: въ очевидно обязательномъ законѣ не можетъ подразумеваться нѣчто явно противорѣчивое, а вѣдь дѣйствительно противорѣчиво говорить объ истинѣ для того или другого, оставляя открытой возможность, чтобы одно и то же содержаніе сужденія (обыкновенно мы говоримъ съ рискованной неточностью: одно и то же сужденіе) было и истиннымъ, и ложнымъ, смотря по тому, кто его высказываетъ. Но соответственно можно отвѣтить и специфическому релятивизму: «истина для того или другого вида», напр., для вида homo, есть—въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понимается здѣсь—нецѣлостъ. Можно, правда, употреблять это выраженіе и въ правильномъ смыслѣ, но тогда оно имѣетъ совершенно иное значеніе, а именно, подъ нимъ разумѣется кругъ истинъ, доступныхъ познанію человѣка, какъ такового. Что истинно, то абсолютно, истинно «само по себѣ»; истина тождественно едина, воспринимаютъ ли ее въ сужденіяхъ люди или чудовища, ангелы или боги. Объ этой истинѣ говорятъ логическіе законы, и



мы всё, поскольку мы не ослеплены релятивизмом, говоримъ объ истинѣ въ смыслѣ идеальнаго единства въ противовѣсъ реальному многообразію растъ, индивидовъ и переживаній.

2. Принимая во вниманіе, что содержаніе принциповъ протаворчія и исключеннаго третьяго принадлежитъ къ смыслу словъ «истинный» и «ложный», мы можемъ формулировать это возраженіе также слѣдующимъ образомъ: Если релятивистъ говорить, что могутъ быть и такіа существа, которыхъ не связываютъ эти принципы (а это утвержденіе, какъ легко показатъ, равнозначно формулированному выше утвержденію релятивистовъ), то онъ либо думаетъ, что въ сужденіяхъ этихъ существъ могутъ выступать положенія и истины, несогласныя съ этими принципами, либо же полагаетъ, что у нихъ процессъ сужденія психологически не регулируется этими принципами. Что касается послѣдняго, то мы не находимъ въ этомъ ничего особеннаго, ибо мы сами — такіа существа. (Вспомнимъ наши возраженія противъ психологическихъ толкованій логическихъ законовъ). Но что касается перваго, то мы просто отвѣтили бы такъ: эти существа либо понимаютъ слова «ложный» и «истинный» въ нашемъ смыслѣ, тогда не можетъ быть рѣчи о необязательности принциповъ: вѣдь они относятся къ самому смыслу этихъ словъ и именно къ тому смыслу, въ которомъ мы его понимаемъ. Мы никоимъ образомъ не могли бы назвать истиннымъ или ложнымъ то, что противорѣчитъ принципамъ. Либо же они употребляютъ слова «истинный» и «ложный» въ другомъ смыслѣ, и тогда весь споръ есть споръ о словахъ. Если, напр., они называютъ деревьями то, что мы называемъ сужденіями, то тѣ высказыванія, въ которыхъ мы формулируемъ основные принципы, для нихъ, разумеется, не имѣютъ значенія, но вѣдь тогда эти высказыванія не имѣютъ того смысла, въ которомъ мы ихъ употребляемъ. Такимъ образомъ, релятивизмъ сводится къ тому, что смыслъ слова «истина» совершенно измѣняется, но сохраняется притязаніе говорить объ истинѣ въ томъ смыслѣ, который установленъ логическими принципами и предполагается всѣми нами всюду, гдѣ рѣчь идетъ объ истинѣ. Въ единомъ смыслѣ существуетъ только одна истина, а въ многозначномъ смыслѣ, конечно, столько истинъ, сколько угодно будетъ создавать эквивокацій.

3. Организационнаго вида есть фактъ; изъ фактовъ можно выводить опять-таки только факты. Основывать истину, какъ это дѣлаютъ релятивисты, на организационномъ видѣ, значить придавать ей харак-

теръ факта. Но это противорѣчиво. Каждый фактъ индивидуаленъ, стало быть, опредѣленъ во времени. Въ отношеніи же истины упоминаніе объ опредѣленности во времени имѣетъ смыслъ лишь въ связи съ установленнымъ ею фактомъ (именно, если это фактическая истина), но не въ связи съ ней самой. Мыслимъ истины, какъ причины или дѣйствія—нѣтъ. Мы уже говорили объ этомъ. Но если намъ скажутъ, что истинное сужденіе, какъ и всякое другое, возникаетъ изъ организационнаго сущаго существа на основаніи соотвѣствующихъ естественныхъ законовъ, то мы возражимъ: не слѣдуетъ смѣшивать сужденіе, какъ содержаніе сужденія, т. е. какъ идеальное единство, съ единичнымъ реальнымъ актомъ сужденія. Первое предполагается тамъ, гдѣ мы говоримъ о сужденіи  $2 \times 2 = 4$ , которое всегда тождественно, кто бы его ни высказывалъ. Не слѣдуетъ также смѣшивать истинное сужденіе, какъ правильный, согласный съ истинною актъ сужденія, съ истинно этого сужденія или съ истиннымъ содержаніемъ сужденія. Мое сужденіе, что  $2 \times 2 = 4$ , несомнѣнно каузально опредѣлено, но не сама истина:  $2 \times 2 = 4$ .

4. Если всякая истина (какъ предполагаетъ антропологизмъ) имѣетъ своимъ единственнымъ источникомъ общечеловѣческую организацию, то ясно, что если бы такой организационно не существовало, не было бы никакой истины. Тезисъ этого гипотетическаго утвержденія противорѣчивъ; ибо сужденіе: «истина не существуетъ» по смыслу своему равносильно сужденію: «существуетъ истина, что истины нѣтъ». Противорѣчивость тезиса влечетъ за собой противорѣчивость гипотезы. Но въ качествѣ отрицанія истиннаго сужденія съ фактическимъ содержаніемъ она можетъ быть ложной, но никогда не можетъ быть противорѣчивой. И дѣйствительно, никому еще не приходило въ голову отвергнуть, въ качествѣ нелѣпостей, извѣстныхъ геологическихъ и физическихъ теорій, которыя устанавливаютъ начало и конецъ существованія челоѣческаго рода. Слѣдовательно, упрекъ въ противорѣчивости касается всего гипотетическаго утвержденія, такъ какъ оно связываетъ осмысленную («логически возможную») предположку съ противорѣчивымъ («логически невозможнымъ») слѣдствіемъ. Этотъ же упрекъ применимъ къ антропологизму и *mutatis mutandis* къ болѣе общей формѣ релятивизма.

5. Согласно релятивизму, въ силу организационнаго какаго-либо вида, могла бы получиться обязательная для этого вида «истина», что такая организационнаго вида, значить придавать ей харак-

сказать, что она въ дѣйствительности не существуетъ, или что она существуетъ, но только для насъ, людей? А если бы вдругъ погибли всѣ люди и всѣ виды мыслящихъ существъ, за исключеніемъ одного этого вида? Мы вращаемся въ кругу явныхъ противорѣчій. Мысль, что несуществованіе специфической организаціи имѣетъ свое основаніе въ самой этой организаціи, есть явное противорѣчіе. Обосновывающая истину, стало быть, существующая организація наряду съ другими истинами, должна обосновывать истину ея собственного небытія. Нелѣпость становится не многимъ меньше, если замѣнить несуществованіе существованіемъ и соответственно этому на мѣсто указаннаго вымысленнаго, но съ релятивистической точки зрѣнія возможнаго вида взять за основаніе видъ homo. Правда, исчезаетъ вышеупомянутое противорѣчіе, но не осталшаяся, связанная съ нимъ нелѣпость. Изъ относительности истины слѣдуетъ, что то, что мы называемъ истиной, зависитъ отъ организаціи вида homo и управляющихъ ею законовъ. Зависимость должна и можетъ быть понята лишь, какъ каузальная. Такимъ образомъ, истина, что эта организація и эти законы существуютъ, должна черпать свое реальное объясненіе изъ того, что они существуютъ, причемъ принципы, согласно которымъ протекаетъ объясненіе, тождественны съ этими же законами—сплошная бессмыслица. Организація была бы *causa sui* на основѣ законовъ, которые причинно вытекаютъ изъ самихъ себя и т. д.

6. Относительность истины влечетъ за собой относительность существованія міра. Ибо міръ есть не что иное, какъ совокупное предметное единство, соответствующее идеальной системѣ всей фактической истины и неотдѣлимое отъ нея. Нельзя субъективировать истину и признать ея предметъ существующимъ абсолютно (въ себѣ), ибо этотъ предметъ существуетъ только въ истинѣ и въ силу истины. Стало быть, не было бы міра въ себѣ, а только міръ для насъ или для какихъ-либо другихъ видовъ существъ. Кое кому это можетъ показаться исполнѣе подходящимъ; но ему придется призадуматься, когда мы обратимъ его вниманіе на то, что и его «я», и содержаніе его сознанія тоже суть части міра. И «я емь» и «я переживаю то и то» могло бы оказаться ложнымъ, напр., если допустить, что я такъ устроено, что въ силу специфическихъ особенностей моей организаціи, долженъ отрицать эти сужденія. Да и не только для того или другого вида, но и вообще міръ не существовалъ бы, если бы ни одинъ видъ мыслящихъ существъ не былъ такъ счастливо организованъ, чтобы признавать

міръ (а въ немъ и самого себя). Если держаться только фактически известныхъ намъ видовъ, т. е. животныхъ, то каждое измѣненіе ихъ организаціи обуславливали бы измѣненіе міра, причемъ, разумеется, согласно общепринятымъ ученіямъ, сами животные виды должны быть продуктами развитія міра. И вотъ у насъ идетъ веселая игра: изъ міра разывается человекъ, а изъ человека—міръ; Богъ создаетъ человека, а человекъ—Богъ.

Сущность этого возраженія состоитъ въ томъ, что и релятивизмъ находится въ очевидномъ противорѣчій съ очевидностью непосредственно наглядно даннаго бытія, т. е. съ очевидностью «внутренняго воспріятія» въ правомѣрности, а стало быть и неизбежно необходимымъ смысломъ. Очевидность суждений, основанныхъ на наглядномъ представленіи, справедливо оспаривается, поскольку они по своему замыслу выходятъ за предѣлы содержанія фактическихъ данныхъ сознанія. Но они дѣйствительно очевидны тамъ, гдѣ ихъ замыселъ направленъ на само это содержаніе и въ немъ, какъ оно есть, находить свое осуществленіе. Этому не противорѣчитъ неопредѣленность всѣхъ этихъ сужденій (вспомнимъ хотя бы неустрашимую ни для какого сужденія, основаннаго на наглядномъ представленіи, неточность въ опредѣленіи времени, а въ иныхъ случаяхъ и мѣста).

§ 37. *Общее замѣчаніе. Понятіе релятивизма въ болѣе широкомъ смыслѣ.*

Объ формы релятивизма суть подраждленія релятивизма въ болѣе широкомъ смыслѣ, какъ ученія, которое какимъ-либо способомъ выводило чисто логическіе принципы изъ фактовъ. Факты «случайны», они могли бы такъ же хорошо не быть или быть иными. Другіе факты—другіе логическіе законы, значитъ, и послѣдніе были бы случайны, они существовали бы лишь относительно, въ зависимости отъ обосновывающихъ ихъ фактовъ. Въ отвѣтъ на это я укажу не только на аподиктическую очевидность логическихъ законовъ и на все остальное, установленное нами въ предыдущихъ главахъ, но и на другой пунктъ, имѣющій здѣсь болѣе существенное значеніе<sup>1)</sup>. Какъ это ясно изъ всего вышесказаннаго, я понимаю подъ чисто логическими законами всѣ тѣ идеальные законы, которые коренятся исключительно въ смыслѣ (въ

<sup>1)</sup> Ср. § 32, образующій введеніе къ этой главѣ, стр. 96 и сл.

«сущности», «содержания») понятія истины, положенія, предмета, свойства, отношенія, связи, закона, факта и т. д. Выражаясь въ болѣе общей формѣ, они коренятся въ смыслѣ тѣхъ понятій, которыя являются вѣчнымъ достояніемъ всякой науки, ибо они суть категоріи того строительнаго матеріала, изъ котораго создается наука, какъ таковая, согласно своему понятію. Эти законы не должны нарушать ни одно теоретическое утвержденіе, обоснованіе или теорію; не только потому, что такая теорія была бы ложна—ибо ложной она могла быть и при противорѣчій любой истинѣ—но и потому, что она была бы бессмысленна. Напр., утвержденіе, содержаніе котораго противорѣчитъ основнымъ принципамъ, вытекающимъ изъ смысла истины, какъ таковой, «уничтожаетъ само себя». Ибо утверждать значить высказывать, что то или иное содержаніе постигнуто существуетъ. Обоснованіе, въ содержаніи своемъ противорѣчащее принципамъ, коренящимся въ смыслѣ отношенія основанія къ слѣдствію, уничтожаетъ само себя. Ибо обосновывать опять таки означаетъ высказывать, что то или иное отношеніе основанія къ слѣдствію существуетъ и т. д. Утвержденіе «уничтожаетъ само себя», «логически противорѣчиво»—это значить, что его особое содержаніе (смыслъ, значеніе) противорѣчитъ тому, чего вообще требуютъ соотвѣствующія ему категоріи значеній, что вообще коренится въ ихъ общемъ значеніи. Теперь ясно, что въ этомъ точномъ смыслѣ логически противорѣчива каждая теорія, выходящая логическіе принципы изъ какихъ-либо фактовъ. Подобныя теоріи противорѣчатъ общему смыслу понятій «логическій принципъ» и «фактъ», или—чтобы сказать точнѣе и въ болѣе общей формѣ—смыслу понятій «истины, вытекающей изъ одного лишь содержанія понятій» и «истины объ индивидуальномъ бытіи». Легко понять, что возраженія противъ вышеприведенныхъ релятивистическихъ теорій по существу относятся и къ релятивизму въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова.

§ 88. *Психологизмъ во всѣхъ своихъ формахъ есть релятивизмъ.*

Борясь съ релятивизмомъ, мы, конечно, имѣемъ въ виду психологизмъ. И дѣйствительно, психологизмъ во всѣхъ своихъ видахъ и индивидуальныхъ проявленіяхъ есть не что иное, какъ релятивизмъ, но не всегда распознанный и открыто признанный. При этомъ безразлично, опирается ли онъ на «трансцендентальную психологію» и, въ качествѣ формальнаго идеализма, надѣется

спасти объективность познанія, или опирается на эмпирическую психологію и принимаетъ релятивизмъ, какъ неизбежный роковой выводъ.

Всякое ученіе, которое либо по образцу эмпиризма понимаетъ чисто логическіе законы, какъ эмпирически-психическіе законы, либо по образцу апіоризма болѣе или менѣе мнѣнчески сводитъ ихъ къ извѣстнымъ «первоначальнымъ формамъ» или «функциональнымъ свойствамъ» (человѣческаго) разума, къ «сознанію вообще», какъ къ (человѣческому) видовому разуму, къ «психофизической организаціи» человѣка, къ *intellectus ipse*, который, въ качествѣ прирожденнаго (общечеловѣческаго) задатка, предшествуетъ фактическому мышленію и всякому опыту и т. п.,—всякое такое ученіе ео *ipso* релятивистично, и именно принадлежитъ къ виду специфическаго релятивизма. Всѣ возраженія, выдвинутыя нами противъ него, касаются также и этихъ ученій. Но само собою разумѣется, что до извѣстной степени неумовима ходячія понятія апіоризма, напр., разсудокъ, разумъ, сознаніе, надо брать въ томъ естественномъ смыслѣ, который ставитъ ихъ въ существенную связь къ виду. Проклятіе такихъ теорій въ томъ и состоитъ, что онѣ придаютъ этимъ понятіямъ то это реальное, то идеальное значеніе и, такимъ образомъ, создаютъ невыносимое смѣшеніе отчасти правильныхъ, отчасти же ложныхъ утвержденій. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ право причислить къ релятивизму апіористическія теоріи, поскольку онѣ удерживаютъ мѣсто релятивистическимъ мотивамъ. Правда, когда нѣкоторые кантіанствующіе исследователи выдѣляютъ и оставляютъ въ сторонѣ извѣстные логическіе принципы, какъ принципы «аналитическихъ сужденій», то ихъ релятивизмъ ограничивается именно областью математики и естествознанія; но этимъ они не устраняютъ нелѣпостей скептицизма. Въдѣ въ болѣе узкой сферѣ они все же выводятъ истину изъ общечеловѣческаго, стало быть, идеальное изъ реальнаго, въ частности—необходимость законовъ изъ случайности фактовъ.

Но настъ здѣсь главнымъ образомъ интересуетъ болѣе крайняя и послѣдовательная форма психологизма, которая ничего не вѣдаетъ о такомъ ограниченіи. Сюда принадлежатъ главные представители англійской эмпиристической, а также и новѣйшей нѣмецкой логики, такіе исследователи, какъ Милль, Бэнь, Вундтъ, Зигвартъ, Эрдманъ и Липпс. Представить критическій разборъ всѣхъ относящихся сюда произведеній и невозможно, и нежелательно. Но въ виду реформаторскихъ цѣлей этихъ пролого-

мент. я не могу обойти молчаніемъ руководящаго произведенія современной нѣмецкой логики, и прежде всего значительный трудъ Зигварта; вѣдь этотъ трудъ болѣе, чѣмъ какой-либо иной, направилъ логическое движеніе послѣднихъ десятилѣтій на путь психологизма.

### § 39. Антропологизмъ въ логикѣ Зигварта.

Единичныя разсужденія психологистическаго оттѣнка и характера мы находимъ въ качествѣ проходящихъ недоразумѣній и у такихъ мыслителей, которые въ своихъ логическихъ трудахъ сознательно стоятъ на антипсихологистической точкѣ зрѣнія. Не такъ обстоитъ дѣло у Зигварта. Его психологизмъ есть не несущественная и отдѣлимая примѣсь, а систематическое и господствующее основное воззрѣніе. Въ самомъ началѣ своего труда онъ рѣшительно отрицаетъ, «что нормы логики (нормы вообще, значить, не только техническія правила методологій, но и чисто логическія положенія, какъ принципъ противорѣчія, достаточнаго основанія и т. д.) могутъ быть познаваемы иначе, чѣмъ на основѣ изученія природныхъ силъ и функціональных формъ, которыя подлежатъ регулированію черезъ эти нормы»<sup>1)</sup> и этому соответствуетъ все его обсужденіе логики. Согласно Зигварту, она распадается на аналитическую, законодательную и техническую часть. Если оставить въ сторонѣ послѣднюю, насъ здѣсь не интересующую, то аналитическая часть должна «ислѣдовать сущность функцій, для которой должны быть отысканы правила». На аналитической части строится законодательная, которая должна устанавливать «условія и законы нормальнаго осуществленія»<sup>2)</sup> функцій. «Требованіе, чтобы наше мышленіе было необходимо и общеобязательно», будучи примѣнено къ «функціи сужденія, изслѣдованной во всѣхъ ея условіяхъ и фактахъ», даетъ «опредѣленныя нормы, которымъ должно удовлетворять всякое сужденіе». Эти нормы концентрируются въ двухъ пунктахъ: «Во-первыхъ, элементы сужденія должны быть всецѣло опредѣлены, т. е. отвлеченно фиксированны; и во-вторыхъ, самый актъ сужденія долженъ необходимо вытекать изъ своихъ предпосылокъ. Такимъ образомъ, къ этой части относится ученіе о понятіяхъ и умовключеніяхъ, какъ со-

вокупность нормативныхъ законовъ для образованія совершенныхъ сужденій»<sup>3)</sup>. Другими словами, къ этой части относится всѣ чисто логическіе принципы и ученія (поскольку они вообще входятъ въ кругъ вѣдѣнія традиціонной, а также и Зигвартовской логики), и сообразно съ этимъ они для Зигварта действительно имѣютъ психологическое основаніе.

Съ этимъ согласуется и обсужденіе отдѣльныхъ проблемъ. Нигдѣ чисто логическія положенія и теоріи и объективные элементы, изъ которыхъ они конституируются, не выделяются изъ круга познавательнаго психологическаго и познавательно-практическаго изслѣдованія. О нашемъ мышленіи и его функціяхъ постоянно упоминается именно тамъ, гдѣ, въ противоположность психологическимъ случайностямъ, надлежитъ характеризовать логическую необходимость и ея идеальную закономерность. Чистые принципы, какъ принципъ противорѣчія, достаточнаго основанія, не разъ называются «законами функціонированія», или «основными формами движенія нашего мышленія»<sup>4)</sup> и т. п. Такъ, напр., мы читаемъ: «Если несомнѣнно, что отрицаніе корней въ движеніи мышленія, выходящемъ за предѣлы бытія и соизмѣряющемъ даже несоединимое, то несомнѣнно также, что Аристотель въ своемъ принципѣ могъ имѣть въ виду лишь природу нашего мышленія»<sup>5)</sup>. «Абсолютная обязательность закона противорѣчія и, въ силу этого, положеній, отрицающихъ contradiction in adjecto» покоится—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ—«на непосредственномъ сознаніи, что мы всегда совершаемъ и будемъ совершать одно и то же, когда отрицаемъ»<sup>6)</sup>. То же по Зигварту относится къ принципу тождества (какъ къ «принципу согласія») и во всякомъ случаѣ ко всѣмъ чисто отвлеченнымъ и, въ частности, чисто логическимъ положеніямъ<sup>7)</sup>.

<sup>1)</sup> Указ. соч. стр. 21.

<sup>2)</sup> Ук. соч. I<sup>е</sup> стр. 184. Ср. также весь ходъ мыслей на стр. 184 и сл.

<sup>3)</sup> Ук. соч. стр. 253.

<sup>4)</sup> Тамъ же, стр. 386.

<sup>5)</sup> Ср. стр. 411: «Эти положенія должны были бы быть достовѣрны a priori, въ томъ смыслѣ, чтобы мы сознавали въ нихъ только постоянную и неукоснительную функцію нашего мышленія». Я считаю возможнымъ цитировать это мѣсто, хотя въ общей связи разсужденія оно не отнесено непосредственно къ логическимъ основоположеніямъ. На это даетъ намъ право общій смыслъ разсужденій (sub 2, § 48) и открыто высказанное сравнительное указаніе на принципъ противорѣчія, находящееся на той же страницѣ.

<sup>1)</sup> Sigwart, Logik I<sup>е</sup>, S. 22.

<sup>2)</sup> Sigwart, Logik, § 4, S. 16.

Мы встречаемся съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Если отрицать... возможность познанія чего-либо, какъ оно есть само по себѣ,—если сущее есть лишь одна изъ совидаемыхъ нами мыслей, то все же несомнѣнно, что мы приписываемъ объективность тѣмъ именно представленіямъ, которыя мы совидаемъ съ сознаниемъ необходимости, и что, признавая что либо сущимъ, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ, что всѣ другія, хотя бы только гипотетически предполагаемыя мыслящія существа одинаково съ нами природы съ такою же необходимостью должны создавать это представление»<sup>1)</sup>.

Та же антропологическая тенденція проведена черезъ всѣ разсужденія, касающіяся основныхъ логическихъ понятій и, въ частности, понятія истины. Напр., Зигвартъ считаетъ «фикцией...» будто сужденіе можетъ быть истинно безотносительно къ тому, будетъ ли его мыслить какой нибудь разумъ или нѣтъ». Такъ говорить можетъ только тотъ, кто даетъ истинѣ ложное психологическое толкованіе. По Зигварту было бы, слѣдовательно, также фикціей говорить объ истинахъ, которыя обязательно сами по себѣ, но никакъ не познаваемы, напр., объ истинахъ, выходящихъ за предѣлы человѣческой способности къ познанію. По крайней мѣрѣ, атеистъ, не вѣрящій въ существованіе сверхчеловѣческаго разума, не могъ бы этого говорить, а мы сами могли бы говорить о нихъ лишь послѣ того, какъ было бы доказано существованіе такого разума. Сужденіе, выражающее форму тавтологіи. до Ньютона не было истинно. И слѣдовательно, при ближайшемъ разсмотрѣніи оно оказалось бы, собственно говоря, противорѣчимъ и вообще ложнымъ: вѣдь къ смыслу его утверждения явно принадлежить безусловная истинность его для всякаго времени.

Болѣе подробный разборъ многообразныхъ разсужденій Зигварта о понятіи истины требуетъ болѣе обстоятельности, отъ которой мы вѣдь должны отказаться. Онъ во всякомъ случаѣ подтвердилъ бы, что цитированное выше мѣсто дѣйствительно надо понимать въ буквальномъ смыслѣ. Для Зигварта истина сводится къ переживаніямъ сознания и, слѣдовательно, несмотря на всѣ разговоры объ объективной истинѣ, исчезаетъ настоящая ея объективность, основанная на сверхъ-эмпирической идеальности. Переживанія суть реальныя единичности, опредѣленныя во времени, возникающія и преходящія. Истина же «вѣчна» или лучше: она

есть идея и, какъ таковая, сверхвременна. Не имѣетъ смысла указывать ей мѣсто во времени или же приписывать простирающуюся на всѣ времена длительность. Правда, и объ истинѣ говорятъ, что она въ томъ или иномъ случаѣ «создается» и, такимъ образомъ, «воспринимается», «переживается» нами. Но тутъ, въ отношеніи этого идеальнаго бытія, о воспріятіи, переживаніи и сознаніи говорится въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ по отношенію къ эмпирическому, т. е. индивидуально единичному бытію. Истину мы «воспринимаемъ» не какъ эмпирическое содержаніе, всплывающее и вновь исчезающее въ потокахъ психическихъ переживаній; она не есть явленіе среди явленій, а переживаніе въ томъ совершенно особомъ смыслѣ, въ какомъ общее, идея есть переживаніе. Мы знаемъ ее такъ же, какъ сознаемъ видъ, напр., красное вообще.

Передъ нашими глазами находится что-нибудь красное. Но это красное не есть красное, какъ видъ. Конкретное не имѣетъ въ себѣ также вида краснаго въ качествѣ («психологической», «метафизической») составной части. Часть, этотъ лишенный самостоятельности моментъ краснаго, какъ и конкретное цѣлое, индивидуальна, опредѣлена въ мѣстѣ и во времени, возникшая и уходящая съ нимъ и въ немъ, одинакова во всѣхъ красныхъ объектахъ, но не тождественна. Красное же вообще есть идеальное единство, по отношенію къ которому не имѣетъ никакого смысла говорить о возникновеніи и исчезновеніи. Вышеупомянутая часть есть не красное вообще, а единичный случай краснаго. И какъ различны предметы, какъ общіе предметы различаются отъ единичныхъ, такъ и акты воспріятія. Въ связи съ чѣмъ-либо конкретнымъ мыслить воспріятое красное, это единичное свойство, опредѣленное въ мѣстѣ и во времени, (напр., въ психологическомъ анализѣ),—или же мыслить видъ красноту (напр. въ сужденіи: краснота есть цвѣтъ)—суть совершенно различныя акты. И какъ мы, при взглядѣ на конкретно-единичное, мыслимъ не его, а общее, идею, такъ и въ связи со многими актами такой идеаци у насъ создается очевидное познаніе тождественности этихъ идеальныхъ, мыслимыхъ въ отдѣльныхъ актахъ единствъ. И это есть тождество въ подлинномъ и строжайшемъ смыслѣ слова: это—одинъ и тотъ же видъ, или это—виды одного и того же рода и т. п.

Такъ и истина есть тоже идея, мы переживаемъ ее въ актѣ идеаци, основанной на наглядномъ представленіи (это есть вѣдь конечно, актъ непосредственнаго усмотрѣнія) и убеждаемся путемъ сравненія въ очевидности ея тождественнаго единства, въ противо-

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 8.

положность разсѣянному многообразію конкретныхъ единичныхъ случаевъ (т. е., въ данномъ случаѣ, очевидныхъ актовъ сужденія). И какъ бытіе или значеніе всеобщностей имѣютъ цѣльность и идеальныхъ возможностей—именно по отношенію къ возможному бытію эмпирическихъ единичныхъ случаевъ, подпадающихъ подъ эти всеобщности,—такъ и здѣсь мы видимъ то же самое: высказыванія: «истина существуетъ» и «возможны мыслящія существа, которыя постигаютъ путемъ непосредственнаго усмотрѣнія сужденія соответствующаго значенія»,—равноцѣнны. Если мыслящихъ существъ нѣтъ, если устройство природы исключаетъ ихъ, и они, стало быть, реально невозможны—если для извѣстныхъ классовъ истинъ нѣтъ существъ, которыя были бы способны познать ихъ,—тогда эти идеальныя возможности лишены осуществляющей ихъ дѣйствительности; въ этомъ случаѣ восприниманіе, познание, сознаніе истины (или же извѣстныхъ классовъ истинъ) никогда и нигдѣ не реализуется. Но каждая истина сама по себѣ остается такою, какова она есть, сохраняя свое идеальное бытіе. Она не находится «гдѣ-то въ пустомъ пространствѣ», а есть единство значенія въ надвременномъ царствѣ истины. Она принадлежитъ къ области абсолютно обязательнаго, куда мы относимъ все, обязательность чего для насъ достовѣрна или, по меньшей мѣрѣ, представляетъ обоснованную догадку, а также и весь смутный для нашего представленія кругъ косвенныхъ и неопредѣленныхъ догадокъ о существованіи, стало быть, кругъ всего того, что обязательно, хотя мы этого еще не познали и, быть можетъ, никогда не познаемъ.

Въ этомъ отношеніи Зигвартъ, какъ мнѣ кажется, не достигаетъ совершенной ясности. Онъ хотѣлъ бы спасти объективность истины и не дать ей потонуть въ субъективистическомъ феноменализмѣ. Но если мы спросимъ о пути, на которомъ психологическая теорія познанія Зигварта найдетъсѣ дойти до объективности истины, то мы встрѣчаемъ съ слѣдующими выраженіями: «уверенность, что сужденіе окончательно, что синтезъ непреложенъ, что я всегда буду говорить то же самое<sup>1)</sup>»,—эта уверенность можетъ быть на лицо лишь тогда, когда познаю, что она покоится

<sup>1)</sup> Могу-ли я когда-либо утверждать это съ уверенностью? Непреложность касается не фактическаго, а идеальнаго. Не «достоверность сужденія неизмѣнна» (какъ нѣсколькими строками раньше говорить Зигвартъ), а именно обязательность сужденія, т. е. истина.

не на мгновенныхъ и мѣняющихся во времени психологическихъ мотивахъ, а на чемъ-то, что всегда, когда я мыслю, является неизмѣнно однимъ и тѣмъ же и что остается незатронутымъ никакими перемѣнами. И это, съ одной стороны, есть само мое самосознаніе, уверенность въ томъ, что я емь и мыслю, что я емь я, тотъ же самый, который мыслитъ теперь и мыслитъ раньше, который мыслитъ и одно, и другое; и, съ другой стороны, то, о чемъ я сужу, само мыслимое согласно своему неизмѣнному, признанному мною во всемъ его тождествѣ содержанію, которое совершенно независимо отъ индивидуальныхъ состояній мыслящаго<sup>1)</sup>.

Послѣдовательно релятивистическій психологистъ тутъ, разумѣется, отвѣтитъ: Не только мѣняющееся отъ индивида, но и постоянное для всѣхъ, стало быть, оставшееся всюду одинаковымъ содержаніе и господствующее надъ нимъ постоянныя законы функціонирования суть психологическіе факты. Если существуютъ такіе общіе всѣмъ людямъ чарты и законы, то они образуютъ специфическій характеръ человѣческой природы. Сообразно съ этимъ всякая истина, какъ общеобязательность, связана съ видомъ homo или, говоря вообще, съ каждымъ даннымъ видомъ мыслящихъ существъ. Другіе виды—другіе законы мышленія, другія истины.

Мы же со своей стороны сказали бы: Общеодинаковость содержанія и постоянныя законовъ функціонирования, въ качествѣ естественныхъ законовъ, совпадающихъ общеодинаковое содержаніе, не даетъ подлинной общеобязательности, которая основана именно на идеальности. Если всѣ существа одного вида въ силу своего устройства должны быть осуждены на одинаковыя сужденія, то они эмпирически согласуются другъ съ другомъ; но въ идеальномъ смыслѣ логики, возвышающейся надъ всѣмъ эмпирическимъ, они все же при этомъ могутъ мыслить не согласованно, а противорѣчиво. Опредѣляютъ истину черезъ отношеніе къ общности природы значить уничтожить ея понятіе. Если бы истина имѣла существенное отношеніе къ мыслящимъ умамъ, ихъ духовнымъ функциямъ и формамъ движенія, то она возникала и погибала бы вмѣстѣ съ ними, и если не съ отдѣльными личностями, то съ видами. Не было бы ни настоящей объективности, ни истины, ни бытія,

<sup>1)</sup> Ук. соч. П. § 89, 2, стр. 310.

ни даже субъективного бытия или бытия субъектов. Что, если бы, напр., всё мышление существа были неспособны утверждать свое собственное бытие, как истинно сущее? Тогда они и были бы, вместе с тем не были бы. Истина и бытие суть оба в одинаковом смысле «категории» и явно коррелятивны. Нельзя релятивировать истину и удерживать объективность бытия. Релятивирование истины, впрочем, предполагает опять-таки объективное бытие, как опорную точку отношения—в этом, вѣдь, и состоит противоречивость релятивизма.

Съ общим психологизмом Зигварта гармонируется, по нашему мнѣнію, его учение объ общемъ, которое относится сюда же, такъ какъ идеальность истины безусловно предполагает идеальность общего, отвлеченнаго. Зигвартъ шутитъ, что «общее пребываетъ у насъ въ головѣ», и серьезно говоритъ, что «представленное въ понятіи «есть» нѣчто чисто внутреннее и... зависитъ лишь отъ внутренней силы нашего мышления»<sup>1)</sup>. Это несомнѣнно можно сказать о нашемъ представленіи понятій, какъ о субъективномъ актѣ такого-то психологическаго содержанія. Но «предметъ» этого представленія, понятіе, ни въ какомъ смыслѣ не можетъ быть понимаемо, какъ реальная составная часть психологическаго содержанія, опредѣленная по мѣсту и времени, появляющаяся и исчезающая вместе съ актомъ. Онъ можетъ разумѣться въ процессѣ мышленія, но не создаться въ немъ.

Зигвартъ вполнѣ послѣдовательно релятивируетъ и тѣсно связаннаго съ понятіемъ истины понятія основанія и необходимости. «Логическое основаніе, котораго мы не знаемъ, строго говоря, есть противорѣчіе: ибо оно становится логическимъ основаніемъ лишь благодаря тому, что мы познаемъ его»<sup>2)</sup>. Но тогда сужденіе, что математическія теоремы имѣютъ своимъ основаніемъ математическія аксіомы, «строго говоря», относилось бы къ фактическому соотношенію вещей, имѣющему целоуфаческо-психологическое содержаніе. Имѣли ли бы мы въ такомъ случаѣ право утверждать, что оно истинно, все равно, существуетъ-ли, существовать-ли и будетъ-ли существовать вообще кто-либо, кто познаетъ его? Точно такъ же теряетъ смыслъ обычное упоминаніе объ открытіи основанія и слѣдствія, предающее такимъ отношеніямъ между ними характеръ объективности.

<sup>1)</sup> Тамъ же, § 46, 9, стр. 368.

<sup>2)</sup> Тамъ же, § 32, 2, стр. 248.

Какъ ни старается Зигвартъ обособить различныя по существу понятія основанія, и сколько проникаемости онъ ни обнаруживаетъ при этомъ (иного мы не могли бы и ожидать отъ такого выдающагося исследователя), все же психологистическое направление его мышленія мѣшаетъ ему произвести самое существенное разграниченіе, которое предполагаетъ рѣзкое отдѣленіе идеальнаго отъ реальнаго. Когда онъ противопоставляетъ «логическое основаніе» или «основаніе истины» «психологическому основанію достоянности», то онъ вѣдь находитъ его только въ извѣстной общединаковости представляемаго, «ибо только оно, а не индивидуальное настроеніе и т. д. можетъ быть одинаковымъ для всѣхъ»; въ отвѣтъ на это мы не имѣемъ нужды повторять уже высказанныя нами сомнѣнія.

Мы не находимъ у Зигварта основнаго отграниченія основанія истины, которое относится къ чисто логическому, отъ основанія сужденія, которое относится къ нормативному логическому. Съ одной стороны истина (не сужденіе, а идеальное единство значенія) обладаетъ основаніемъ, т. е.—пользуясь равнозначнымъ выраженіемъ—теоретическимъ доказательствомъ, которое сводитъ ее къ ея (объективнымъ, теоретическимъ) основаніямъ. Только и исключительно этотъ смыслъ имѣетъ принципъ достаточнаго основанія. Это понятіе основанія совсѣмъ не предполагаетъ, что каждое сужденіе имѣетъ основаніе, въ особенноти же, что каждое сужденіе «implicito соутверждаетъ» таковое. Каждый первичный принципъ обоснованія, значитъ, каждая подлинная аксіома въ этомъ смыслѣ лишена основанія, такъ же, какъ каждое фактическое сужденіе лишено его въ противоположномъ отношеніи. Обоснована можетъ быть лишь вѣрность факта, но не онъ самъ, и не фактическое сужденіе. Съ другой стороны выраженіе «основаніе сужденія»—поскольку мы отълекаемся отъ психологическихъ «основаній», т. е. отъ причинъ высказыванія сужденія и въ частности и отъ его реальныхъ мотивовъ<sup>1)</sup>—есть не что иное, какъ логическое право сужденія. Въ этомъ смыслѣ каждое сужденіе, конечно, «притязаетъ» на свое право (хотѣ было бы нѣсколько рискованно сказать, что оно «соутверждаетъ его implicito»). Это значитъ: къ каждому сужденію надо предъявлять требованіе, чтобы оно утверждало, какъ истинное, то, что дѣйствительно истинно; и, въ качествѣ техниковъ познанія, въ

<sup>1)</sup> Ср. прекрасно проведенное Зигвартомъ разграниченіе повода соединенія и основанія рѣшенія, тамъ же стр. 250.

качества логики в обычном смысле, мы должны, в связи также и с дальнейшим движением познания, ставить суждению некоторые требования. Если они не выполнены, то мы порицаем суждение, как логически несовершенное, «необоснованное»; последнее, впрочем, содержит некоторую натяжку по сравнению с обычным смыслом слова.

Сходные сомнения возбуждают в нас разсуждения Зигварта о необходимости. Мы читаем у него: «При всякой логической необходимости, если мы хотим говорить понятно, в конце концов должен все же предполагаться некоторый реальный и мыслящий субъект, природа которого требует такого мышления»<sup>1)</sup>. Или проследим разсуждения о различии между ассерторическими и аподиктическими суждениями, которое Зигварт считает несущественным, «поскольку в каждом, с полным сознанием высказанном суждении утверждается необходимость высказать его»<sup>2)</sup>. Совершенно различные понятия необходимости у Зигварта взаимно не разграничены. Субъективная необходимость, т. е. субъективная власть убеждения, присущая каждому суждению (или, впрочем, выступающая при каждом суждении, когда мы, еще будучи провинкуты им, пытаемся составить противоположное ему), не отделена ясно от совершенно иных понятий необходимости, в особенности от аподиктической необходимости, как своеобразного сознания, в котором конституируется самоочевидное уразумение закона или закономерного. Последнее (собственно двойственное) понятие необходимости, в сущности, совершенно отсутствует у Зигварта. Вместе с тем он не замечает основной экивокации, которая дает возможность называть необходимым не только аподиктическое сознание необходимости, но и его объективный коррелят—именно закон или закономерную обязательность, которую усматривает это сознание. Видь, именно в силу этого и старается объективно равноценными выражения «имеется необходимость» и «имеется закон», и точно также выражения «необходимо», чтобы S было P, и «основано на законе», что S есть P.

И, конечно, именно это последнее чисто объективное и идеальное понятие лежит в основе всех аподиктических суждений в объективном смысле чистой логики. Только оно и

управляется всяким теоретическим единством и конституирует его, оно определяет значение гипотетической связи, как объективно идеальной формы истинности суждений, оно связывает вывод, как «необходимое» (идеально-закономерное) следствие с посылками.

Как мало Зигварт оценивает эти различия, как сильно ослеплен он психологизмом, показывают в особенности его разсуждения об основном подразделении истин у Лейбница на «*verités de raison et celles de fait*». «Необходимость» обоих видов истин—думает Зигварт—есть «в конечном счете гипотетическая», ибо «из того, что противоположность фактической истины не невозможна *a priori*, не следует, чтобы для меня не было необходимым утверждать факт после того, как он случился, и чтобы противоположное утверждение было возможно для того, кто знает факт»<sup>3)</sup>; и далее: «Съ другой стороны, обладание общими понятиями, на которых покоятся тождественные положения, в конце концов, точно так же есть нечто фактическое, что должно быть дано прежде, чем к нему может быть применен закон тождества, чтобы создать необходимое суждение». Зигварт считает себя вправе сдвигать заключение, что различие Лейбница «в отношении характера необходимости исчезает»<sup>4)</sup>. Доводы Зигварта сами по себе, разумеется, верны. Я необходимо утверждаю всякое суждение, когда я его высказываю, и не могу не отрицать противоположного ему, когда я еще убежден в нем. Но разв Лейбниц, оспаривая необходимость—рациональность—фактических истин, подразумевает эту психологическую необходимость? Несомненно, да, что ни один закон не может быть познан без обладания теми общими понятиями, из которых он строится. Это обладание, как и все познание закона, разумеется, есть нечто фактическое. Но разв Лейбниц навязал необходимому познание закона, а не, наоборот, познанию истину закона? Разв необходимость *vérité de raison* не согласуется прекрасно со случайностью акта суждения, в котором она может быть с очевидностью постигаема? Только благодаря смешению обоих по существу различных понятий необходимости, субъективной необходимости в смысле психологизма и объективной необходимости

<sup>1)</sup> Там же, § 33, 7, стр. 262.

<sup>2)</sup> Там же, § 31, 1, стр. 230 и сл.

<sup>3)</sup> Там же, § 31, 6, стр. 239.

<sup>4)</sup> Два последних пункта взяты со стр. 240.



въ смыслъ лейбническаго идеализма, въ аргументаціи Зигварта получается выводъ, что различіе Лейбница «въ отношеніи характера необходимости исчезаетъ».

Основному объективно-идеальному различію между закономъ и фактомъ неизмѣнно соответствуетъ субъективное различіе въ способѣ переживанія. Если бы мы никогда не переживали сознанія рациональности, аподиктического, въ его характерномъ отличіи отъ сознанія фактичности, то мы совсѣмъ не имѣли бы понятія закона, мы были бы неспособны различать законъ отъ факта, родовую (идеальную, закономѣрную) всеобщность — отъ универсальной (фактической, случайной) всеобщности, необходимое (т. е. опять таки закономѣрное, родовое) слѣдствіе отъ фактического (случайнаго, универсальнаго) слѣдствія; все это такъ, поскольку истинно, что понятія, которыя не даны, какъ комплексъ знакомыхъ понятій (и притомъ, какъ комплексъ извѣстныхъ формъ комплексовъ), первоначально могутъ возникнуть лишь изъ переживанія единичныхъ случаевъ. *Verités de raison* Лейбница суть не что иное, какъ законы, и притомъ въ чистомъ и строгомъ смыслѣ идеальныхъ истинъ, которыя коренятся «исключительно въ самихъ понятіяхъ», данныхъ намъ и познаваемыхъ нами въ аподиктически очевидныхъ, чистыхъ всеобщностяхъ. *Verités de fait* Лейбница суть всѣ остальные истины, это—сфера сужденій, высказывающихъ индивидуальное существованіе, хотя бы они для насъ и имѣли форму «общихъ» положеній, какъ, напр., «всѣ южане—народъ горячій».

#### § 40. Антропологизмъ въ логикѣ В. Эрмана.

Мы не находимъ у Зигварта яснаго разбора релятивистическихъ выводовъ, содержащихся повсюду въ его изложеніи основныхъ логическихъ понятій и проблемъ. То же можно сказать и о Вундтѣ. Несмотря на то, что логика Вундта представляетъ психологическіе мотивамъ, поскольку это возможно, еще больше простора, чѣмъ логика Зигварта, и содержитъ обширныя гносеологическія главы, въ ней почти не затронуты первичныя принципиальныя проблемы. Сходное примѣнимо и къ Липпсу, въ логикѣ котораго, впрочемъ, психологизмъ представленъ такъ оригинально и послѣдовательно, такъ чуждъ всякихъ компромиссовъ, такъ глубоко проведенъ черезъ всѣ раз-

вѣтвленія дисциплины, какъ мы этого не видѣли со временъ Бенеке.

Иначе обстоитъ дѣло у Эрмана. Съ поучительной послѣдовательностью онъ рѣшительно выступаетъ въ обстоятельномъ разсужденіи въ защиту релятивизма и считаетъ необходимымъ указаніемъ на возможность измѣненія законовъ мышленія предупредить «дерзость, воображающую, что въ этомъ пунктѣ можно перескочить за предѣлы нашего мышленія, что можно найти для насъ точку опоры въ насъ самихъ»<sup>1)</sup>. Полезно поближе ознакомиться съ его ученіемъ.

Эрдманъ начинаетъ съ опроверженія противной точки зрѣнія. «Со временъ Аристотеля<sup>2)</sup>—говоритъ онъ—подавляющее большинство утверждаетъ, что необходимость этихъ (логическихъ) основоположеній безусловна, и значеніе ихъ, стало быть, вѣчно...»

«Основнаго рѣшающаго доказательства въ пользу этого нипутъ въ невозможности мыслить противорѣчія сужденія. Между тѣмъ изъ нея слѣдуетъ только, что упомянутыя основоположенія отражаютъ сущность нашего представленія и мышленія. Ибо, если они обнаруживаютъ эту сущность, то противорѣчія имъ сужденія неосуществимы, потому что они стремятся уничтожить условія, которыя связываютъ все наше представленіе и мышленіе, а, стало быть, и всякое сужденіе».

Сначала нѣсколько словъ о смыслѣ аргумента. Въ немъ какъ будто умовлачивается такъ: изъ неосуществимости отрицанія основоположеній слѣдуетъ, что они отражаютъ сущность нашего представленія и мышленія, ибо если это такъ, то въ качествѣ необходимаго слѣдствія получается опять же неисполнимость ихъ отрицанія. Это нельзя считать выводомъ. Что А слѣдуетъ изъ В,—это я не могу умовлечь изъ того, что В слѣдуетъ изъ А. Тутъ явно подразумевается, что невозможность отрицанія основоположеній находить себѣ объясненіе въ томъ, что они «отражаютъ сущность нашего представленія и мышленія». Этимъ въ свою очередь сказано, что они суть законы, устанавливающіе то, что свойственно общечеловѣческому представленію и мышленію, какъ таковому, «что они указываютъ условія, которыя связываютъ все наше представленіе и мышленіе». И потому, что они таковы, про-

<sup>1)</sup> Erdmann, Logik, § 60, Nr. 370, S. 378 u.

<sup>2)</sup> Тамъ же, Nr. 369, S. 375. Нижеслѣдующія цитаты примыкаютъ послѣдовательно къ дальнѣйшимъ параграфамъ.

творѣчія имъ, опровергающія ихъ сужденія — невыполнимы, какъ полагаетъ Эрдманъ.

Но я не могу согласиться ни съ этимъ выводомъ, ни съ утверждениями, изъ которыхъ онъ образуется. Мнѣ представляется исполнѣ возможнымъ, чтобы именно въ силу законовъ, которымъ подчинено все мышленіе какого-либо существа (напр., човѣка), *in individuo* появлялись сужденія, отвергающія значеніе этихъ законовъ. Отрицаніе этихъ законовъ противорѣчитъ ихъ утвержденію; но отрицаніе, какъ реальныя акты, можетъ прекрасно совмѣщаться съ объективнымъ значеніемъ законовъ, или съ реальнымъ дѣйствіемъ условій, которымъ законъ даетъ выраженіе. Если при противорѣчій дѣло идетъ объ идеальномъ отношеніи содержаній сужденій, то здѣсь дѣло идетъ о реальномъ отношеніи между актомъ сужденія и его закономѣрными условіями. Допустимъ, что законы ассоціаціи идей суть основныя законы човѣческаго представленія и сужденія, какъ учила ассоціаціонная психологія; развѣ тогда слѣдовало бы считать негѣпостью и невозможностью, чтобы какое-либо сужденіе, отвергающее эти законы, было обязано своимъ существованіемъ дѣйствію этихъ именно законовъ? (ср. выше стр. 57 и сл.).

Но если бы даже заключеніе было правильно, оно не достигало бы своей цѣли. Ибо логическій абсолютизмъ (*sit venia verbo*) справедливо возразить: Законы мышленія, о которыхъ говоритъ Эрдманъ, либо не тѣ же самыя, о которыхъ говорю я, и весь міръ, тогда онъ не затрагиваетъ моего тезиса, либо же онъ придаетъ имъ характеръ, безусловно противорѣчащій ихъ ясному смыслу. Далѣе, онъ возразить: невозможность мыслить отрицаніе этихъ законовъ, которая получается изъ нихъ, какъ слѣдствіе, есть либо та же самая, которую разумѣю подъ этимъ я и весь міръ, тогда она говоритъ за мое пониманіе; либо же это — иная невозможность, тогда она опять-таки меня не касается.

Что касается перваго, то основныя логическія основопомощенія выражаютъ не что иное, какъ явѣстныя истины коренящіяся только въ самомъ смыслѣ (содержаніи) явѣстныхъ понятій, какъ то понятія истины, ложности, сужденія (положенія) и т. п. По Эрдману же они суть «законы мышленія», выражающіе сущность нашего човѣческаго мышленія, они указываютъ условія, съ которыми связано всякое човѣческое представленіе и мышленіе, они, какъ тутъ же

*expressis verbis* говорить Эрдманъ, мѣняются вмѣстѣ съ човѣческой природой. Слѣдовательно, по Эрдману, они имѣютъ реальное содержаніе. Но это противорѣчитъ характеру ихъ, какъ чисто отвлеченныхъ положеній. Никакое положеніе, коренящееся только въ понятіяхъ (въ значеніяхъ *in specie*), устанавливающее только, что содержится въ понятіяхъ и дано съ ними, не высказываетъ ничего реального. И достаточно лишь взглянуть на дѣйствительный смыслъ логическихъ законовъ, чтобы увидѣть, что этого и нѣтъ на дѣлѣ. Даже тамъ, гдѣ въ нихъ говорится о сужденіяхъ, подразумѣвается не то, что соединяется съ этимъ словомъ въ психологическихъ законахъ, а именно, не сужденія, какъ реальныя переживанія, но сужденія въ смыслѣ значеній высказываній *in specie*, которыя остаются тождественными себѣ, лежатъ ли они въ основѣ дѣйствительныхъ актовъ высказыванія или нѣтъ, и высказываются ли они кѣмъ-либо или нѣтъ. Пониманіе логическихъ принциповъ, какъ реальныхъ законовъ, регулирующихъ на манеръ естественныхъ законовъ наше реальное представленіе и сужденіе, совершенно искажаетъ ихъ смыслъ, — мы это подробно упоминали выше.

Мы видимъ, какъ опасно называть основныя логическія законы законами мышленія. Какъ мы подробнѣе изложимъ это въ слѣдующей главѣ, они таковы только въ смыслѣ законовъ, призванныхъ играть роль въ нормированіи мышленія; способъ выраженія, уже намекающій, что здѣсь дѣло идетъ о практической функціи, о способѣ использования, а не о чемъ-либо, заключающемся въ самомъ содержаніи законовъ. Имѣло бы еще нѣкоторый смыслъ въ связи съ ихъ нормативной функціей говорить, что они выражаютъ «сущность мышленія», если бы осуществилось предположеніе, что въ нихъ даны необходимыя и достаточныя критеріи, которыми измѣряется правильность всякаго сужденія. Тогда, во всякомъ случаѣ, можно было бы сказать, что въ нихъ выражается идеальная сущность всякаго мышленія, взятаго въ утирированномъ смыслѣ — правильнаго сужденія. Такъ это охотно формулировалъ бы старый раціонализмъ, который не уяснилъ себѣ, однако, что логическія основоположенія суть не что иное, какъ тривіальныя всеобщности, противъ которыхъ не можетъ спорить никакое утвержденіе просто потому, что въ этомъ случаѣ оно было бы противорѣчиво, и что, наоборотъ, гармонія мышленія съ этими нормами гарантируется не болѣе, чѣмъ

его формальную внутреннюю согласованность. Таким образом, было бы совершенно нестати и теперь еще говорить о «сущности мышления» в этом (идеальном) смысле и находить ее в тех законах<sup>1)</sup>, которые, как мы знаем, могут только охранять нас от формального противоречия. Если вплоть до нашего времени вместо формальной согласованности говорили о формальной истинности, то это есть пережиток рационалистического предразсудка, — в высшей степени нежелательная, ибо вводящая в заблуждение, игра словом «истина».

Но перейдем ко второму пункту. Невозможность отрицания законов мышления Эрдманъ понимает, как неосуществимость такого отрицания. Оба эти понятия мы, абсолютисты, считаем столь мало тождественными, что мы вообще отрицаем неосуществимость и утверждаем невозможность. Не отрицание, как акт, невозможно (и, как относящееся к реальному, это значило бы здесь: реально-невозможно), а образующее его содержание отрицательное положение; и оно невозможно именно как идеальное, в идеальном смысле, а это значить, что оно противоречиво и тем самым, очевидно, ложно. Эта идеальная невозможность отрицательного положения совершенно не совпадает с реальной невозможностью отрицающего акта суждения. Стоить только устранить последние остатки двусмысленности выражений, стоит сказать, что положение противоречиво, и что суждение кауально исключено, и все становится совершенно ясным.

Разумется, в фактическом мышлении нормального человека обычно не выступает актуальное отрицание какого-либо закона мышления; но послѣ того, как великіе философы, вроде Эпикура и Гегеля, отказывались признавать закон противоречия, вряд ли можно утверждать, что оно вообще не может

<sup>1)</sup> Здесь я разумѣю всю совокупность чисто логическихъ законовъ. Съ двумя или тремя «законами мышления» въ традиціонномъ смыслѣ нельзя даже образовать понятія формально-согласованнаго мышления, и все, что въ этомъ направленіи утверждается еще съ древнихъ временъ (я и не я одинъ) считаю заблужденіемъ. Каждую формальную нелѣпость можно свести къ противоречію, но только при посредствѣ весьма многообразныхъ иныхъ формальныхъ основоположеній, напр. силлогистическихъ, ариметическихъ и т. д. Уже въ силлогистикѣ число ихъ по меньшей мѣрѣ доходитъ до дюжины. Въ ихъ прекрасномъ можно доказывать — посредствомъ мнимыхъ доказательствъ, въ которыхъ предполагаются они же сами или равнозначныя имъ положенія.

выступать у человека. Быть можетъ, гениальность и помѣшательство въ этомъ отношеніи сродны, быть можетъ, и среди сумасшедшихъ тоже имѣются противники законовъ мышления; а ихъ вѣдь нельзя не считать людьми. Примемъ въ соображеніе еще вотъ что: въ томъ же смыслѣ, въ какомъ невозможно мыслить отрицаніе первоначальныхъ основоположеній, немаслимо и отрицаніе всѣхъ необходимыхъ выводовъ изъ нихъ. Но что можно ошибаться относительно сложныхъ силлогистическихъ или ариметическихъ теоремъ, извѣстно всѣмъ, и это можетъ также служить непоколебимымъ аргументомъ. Впрочемъ, все это спорные вопросы, не касающіеся существа дѣла. Логическая невозможность, какъ противорѣчивость идеальнаго содержанія сужденія, и психологическая невозможность, какъ неосуществимость соответствующаго акта сужденія, были бы разнородными понятіями и въ томъ случаѣ, если бы то и другое было дано, какъ нѣчто общечеловѣческое, т. е. если бы въ силу естественныхъ законовъ нельзя было считать истиннымъ то, что противорѣчиво<sup>1)</sup>.

Именно эту настоящую логическую невозможность противоречія законамъ мышления логическій абсолютистъ и приводитъ, какъ доказательство въ пользу «вѣчности» этихъ законовъ. Что здѣсь разумѣется подъ вѣчностью? Только то обстоятельство, что каждое сужденіе, независимо отъ времени и обстоятельствъ, отъ личностей и видовъ, «связано» чисто логическими законами; и связано, конечно, не въ смыслѣ психологическаго принужденія къ мышленію, а въ идеальномъ смыслѣ нормы: именно, что сталъ бы судить иначе, судилъ бы ложно, къ какому бы виду психическихъ существъ онъ ни принадлежалъ. Отношеніе къ психическому существу, очевидно, не означаетъ ограниченія всеобщности. Нормы для сужденій «связываютъ» судящаго существа, а не камни. Это сопряжено съ ихъ смысломъ, и было бы смѣшно говорить о камняхъ и имъ подобныхъ существахъ, какъ объ исключеніяхъ въ этомъ отношеніи. Доказательство логическихъ абсолютистовъ весьма просто. Они говорятъ: мы имѣемъ дана съ самоочевидностью слѣдующая связь. Такія то положенія обязательны, и притомъ такимъ образомъ, что они только раскрываютъ то, что коренится въ содержаніи ихъ понятій. Слѣдовательно, каждое положеніе (т. е. каждое возможное содержаніе сужденія въ идеальномъ смыслѣ) противорѣчиво, если оно непосредственно отрицаетъ основныя законы, или

<sup>1)</sup> См. разсужденія § 22 въ IV гл. въ особенности стр. 57 и сл.

же косвенно нарушает их. Последнее вѣдъ говорить только, что чисто дедуктивная связь соединяется съ истинностью такихъ содержаній сужденій, какъ гипотезой, тезисъ неистинности основоположеній. Если, такимъ образомъ, содержанія сужденій этого вида противорѣчивы и, слѣдовательно, ложны, то и каждое актуальное сужденіе, содержащими котораго они являются, неправильно, ибо правильнымъ сужденіе называется, когда то, о чемъ оно судить», т. е. его содержаніе, истинно, и неправильнымъ,— когда оно ложно.

Я подчеркнул только что: каждое сужденіе, чтобы обратить вниманіе на то, что смыслъ этой строгой всеобщности eo ipso исключаетъ всякое ограниченіе, хотя бы ограниченіе видомъ homo или иными видами судящихъ существъ. Я никого не могу заставить съ очевидностью усмотрѣть то, что усматриваю я. Но я самъ не могу сомнѣваться, я вѣдъ опять таки съ самоочевидностью сознаю, что всякое сомнѣніе тамъ, гдѣ у меня есть очевидность, т. е. гдѣ я непосредственно воспринимаю истину, было бы негнѣпо. Такимъ образомъ, я здѣсь вообще нахожусь у того пункта, который я либо признаю архимедовой точкой опоры, чтобы съ ея помощью опрокинуть весь міръ неразумія и сомнѣнія, либо отказываюсь отъ него и съ нимъ вмѣстѣ отъ всякаго разума и познанія. Я усматриваю съ очевидностью, что такъ именно обстоитъ дѣло, и что въ последнемъ случаѣ—если тогда еще можно было бы говорить о разумѣ и неразуміи—я долженъ былъ бы оставить всякое разумное стремленіе къ истинѣ, всякія попытки утверждать и обосновывать.

Во всемъ этомъ со мною, разумеется, не согласится нашъ выдающийся изслѣдователь. Вотъ что онъ говоритъ далѣе:

«Обоснованная такимъ путемъ необходимость формальныхъ основоположеній была бы безусловна... только въ томъ случаѣ, если бы наше познаніе ихъ гарантировало, что сущность мышления, которую мы находимъ въ себѣ и выражаемъ посредствомъ нихъ, является неизмѣнной или даже единственной возможною сущностью мышленія», что эти условия нашего мышленія суть вмѣстѣ съ тѣмъ условия каждаго возможнаго мышленія. Но мы знаемъ только о нашемъ мышленіи. Мы не въ состояніи конструировать мышленіе, отличное отъ нашего, стадо быть, и мышленіе вообще, какъ родъ различныхъ видовъ мышленія. Слова, какъ будто описывающіе его, не имѣютъ выполняемаго для насъ смысла, который удовлетворялъ бы запросамъ, пробуждаемымъ этой видимостью. Ибо

каждая попытка выполнить то, что они описываютъ, связана съ условіями нашего представленія и мышленія и движется въ ихъ кругу».

Если бы мы вообще допускали въ чисто логическихъ связяхъ двусмысленную рѣчь о «сущности нашего мышленія», т. е. если бы, сообразно нашему анализу, мы понимали ее, какъ совокупность идеальныхъ законовъ, которые опредѣляютъ формальную согласованность мышленія, то мы, разумеется, претендовали бы на строгую доказанность того, что недоказуемо для Эрдаманя: именно, что сущность мышленія неизмѣнна, что она есть даже единственно возможная и т. д. Ясно, однако, что Эрдаманъ, отрицая возможность доказательства, разумеетъ не этотъ единственно правомѣрный смыслъ данного выраженія, ясно, что онъ, какъ это еще рѣче обнаруживаютъ нижеслѣдующія цитаты, понимаетъ законы мышленія, какъ выраженія реальной сущности нашего мышленія, т. е. какъ реальныя законы, какъ будто въ нихъ мы обладаемъ какъ бы непосредственно очевиднымъ знаніемъ общечеловѣческаго устройства съ его познавательной стороны. Къ сожалѣнію, это совсѣмъ не такъ. Да и какъ могутъ положенія, которыя ни малѣйшимъ образомъ не говорятъ о реальномъ, которыя только выясняютъ то, что неразрывно связано съ известными значеніями словъ или высказываній очень общаго характера, давать столь важныя познанія реальнаго рода о «сущности умственныхъ процессовъ, словомъ, нашей души» (какъ мы читаемъ ниже)?

Съ другой стороны, если бы мы обладали въ этихъ или иныхъ законахъ самоочевиднымъ знаніемъ реальной сущности мышленія, то мы пришли бы къ совершенно инымъ выводамъ, чѣмъ Эрдаманъ. «Мы знаемъ только о нашемъ мышленіи». Точнѣе говоря, мы знаемъ не только о нашемъ индивидуально-собственномъ мышленіи, но, въ качествѣ научныхъ психологовъ, и немножко объ общечеловѣческомъ мышленіи, и еще гораздо меньше о мышленіи животныхъ. Во всякомъ случаѣ, для насъ отнюдь не представляется немислимымъ иное въ этомъ реальномъ смыслѣ мышленіе и соответствующіе ему виды мыслящихъ существъ, они могли бы вполнѣ хорошо и со смысломъ быть описаны нами, точно такъ же, какъ это можетъ быть сдѣлано по отношенію къ фиктивнымъ естественнонаучнымъ видамъ. Вѣклины рисуетъ намъ великолѣпнѣйшихъ кентавровъ и нимфъ, какъ живыхъ. И мы ему вѣримъ,—по крайней мѣрѣ, эстетически вѣримъ. Разумеется, никто не рѣшитъ, воз-

можны ли они съ точки зрѣнія законовъ природы. Но если бы мы имѣли совершенное знаніе формъ развитія органическихъ элементовъ, которыя закономерно образуютъ живое единство организма, если бы мы имѣли законы, удерживающіе порокъ этого развитія въ типически сформированномъ руслѣ,—то мы могли бы къ дѣйствительнымъ видамъ присоединять многообразные, объективно возможные, выраженные въ точныхъ научныхъ понятіяхъ виды, мы могли бы такъ же серьезно обсуждать эти возможности, какъ физикъ—свои воображаемые виды тяготѣній. Во всякомъ случаѣ логическая возможность такихъ фикцій, и въ области естествознанія, и въ области психологіи неоспорима. Лишь когда мы совершаемъ *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*, смѣшиваемъ область психологическихъ законовъ мышленія съ областью чисто логическихъ и затѣмъ искажаемъ послѣдніе въ духъ психологізма,—приобрѣтаемъ тѣмъ правомѣрности утвержденіе, что мы не въ состояніи представить себѣ иного рода способы мышленія, и что слова, повидимому, ихъ описывающіе, не имѣютъ для насъ осуществимаго смысла. Быть можетъ, мы и неспособны составить себѣ «надлежащее представленіе» о такихъ способахъ мышленія; быть можетъ, они въ абсолютномъ смыслѣ и неосуществимы для насъ; но эта неосуществимость ни въ коемъ случаѣ не совпадаетъ съ невозможностью въ смыслѣ нецѣпности, противорѣчивости.

Быть можетъ, разъясненію дѣла поможетъ слѣдующее соображеніе. Теоремы изъ ученія объ трансцендентныхъ Абели не имѣютъ «осуществимаго» смысла для грудного младенца, а также и для профана (математическаго младенца, какъ въ шутку говорятъ математики). Это связано съ индивидуальными условіями ихъ представленія и мышленія. Какъ мы, зрѣлые люди, относимся къ младенцу, какъ математики относятся къ профану, такъ и высшій видъ мыслящихъ существъ, скажемъ, ангеловъ могъ бы относиться къ людямъ. Слова и понятія ихъ не имѣли бы для насъ осуществимаго смысла; извѣстныя специфическія особенности нашей психической организаціи не допускали бы этого. Нормальному человеку, чтобы понять теорію абелевскихъ функцій, надо употребить на это, скажемъ, пять лѣтъ. Можно себѣ представить, что для уравновѣшенія нѣкоторыхъ ангельскихъ функцій ему при его организаціи понадобилась бы тысяча лѣтъ, тогда какъ въ самомъ благоприятномъ случаѣ онъ можетъ дожить только до ста. Но эта абсолютная неосуществимость, обусловленная закономерными предѣлами специфической организаціи, не совпадаетъ, конечно, съ той невоз-

можностью, которой отличаются для насъ нецѣпности, противорѣчивыя положенія. Въ первомъ случаѣ дѣло идетъ о положеніяхъ, которыхъ мы просто не можемъ понять, тогда какъ сами по себѣ они внутренне согласованы и даже обязательны. Во второмъ же случаѣ, наоборотъ, мы очень хорошо понимаемъ положенія; но они противорѣчивы и потому «мы не можемъ вѣрить въ нихъ», т. е. мы усматриваемъ, что ихъ слѣдуетъ отвергнуть, какъ противорѣчивыя.

Разсмотримъ также и крайніе выводы, получаемые Эрдманомъ изъ его посылокъ. Опираясь на «пустой постулатъ нагляднаго мышленія», мы должны, по его мнѣнію «допустить возможность, что бываетъ мышленіе, существенно отличное отъ нашего», и отсюда онъ заключаетъ, что «логическія основоположенія обязательны только для области нашего мышленія, причемъ мы не имѣемъ никакихъ ручательствъ за то, что это мышленіе не можетъ измѣниться въ своихъ свойствахъ. Такое измѣненіе возможно, — касается ли оно всѣхъ, или только нѣкоторыхъ изъ этихъ основоположеній,—такъ какъ ихъ нельзя аналитически вывести всѣхъ изъ одного. Не имѣетъ значенія, что эта возможность не находитъ себѣ опоры въ высказываніяхъ нашего самосознанія о нашемъ мышленіи—опоры, на основаніи которой можно было бы предусматривать ея осуществленіе. Она существуетъ, не смотря на все это. Ибо наше мышленіе мы можемъ только брать такимъ, какъ оно есть. Мы не въ состояніи посредствомъ мысленныхъ его свойствъ наложить оковы на будущія его свойства. Въ особенности же мы не можемъ формулировать сущность нашихъ умственныхъ процессовъ, словомъ, нашей души такъ, чтобы быть въ состояніи вывести изъ нея неизмѣнность даннаго намъ мышленія» <sup>1)</sup>.

Итакъ, согласно Эрдману, «мы не можемъ не признать, что

<sup>1)</sup> Ср. *ibid.* Nr. 369 sub e. S. 377—78. Основываясь съ мыслью о возможности измѣненія логическаго мышленія, уже нетрудно было прийти къ мысли о развитіи послѣдняго. По G. Fegere, *Les lois psychologiques du Symbolisme*, Paris, 1896 «логика должна,—я дигирую по реферату A. Lanson'a, напечатанномъ въ *Zeitschrift für Philosophie* Bd. 113, S. 86—, стать позитивной и излагать законы умозаключенія, смотря по возрастамъ и ступенямъ культуры; ибо и логика измѣняется съ развитіемъ мозга. Только по умственной зѣнѣ доселѣ предпочитали чистую логику и дедуктивный методъ; метафизика и по сей день остается колоссальнымъ памятникомъ этой лѣнноти мысли; къ счастью, она оказываетъ свое запоздѣлое дѣйствіе только на нѣкоторыхъ остальныхъ».

всѣ тѣ положенія, контрадикторная противоположность которыхъ для насъ неосуществима, необходимы только при предположеніи опредѣленно переживаемыхъ нами, какъ таковыхъ, свойствъ нашего мышленія, но не абсолютно, при всякомъ возможномъ условіи. Наши логическія основоположенія, слѣдовательно, остаются по прежнему необходимыми для мышленія; но необходимость эта рассматривается не какъ абсолютная, а какъ гипотетическая (по нашей терминологіи: относительная). Мы неизбѣжно вынуждены соглашаться съ ними—такова природа нашего представленія и мышленія. Они общеобязательны при допущеніи, что наше мышленіе остается самимъ собой. Они необходимы, потому что до тѣхъ поръ, пока они выражаютъ сущность нашего мышленія, мы можемъ мыслить только, исходя изъ нихъ»<sup>1)</sup>.

Послѣ всего вышесказаннаго мнѣ нѣтъ надобности говорить, что, по моему мнѣнію, эти слѣдствія не выдерживаютъ критики. Сохраняется, конечно, та возможность, что имѣется въ мірѣ какаго-либо душевная жизнь, по существу отличная отъ нашей. Конечно мы можемъ только брать наше мышленіе такимъ, какъ оно есть; и, конечно, была бы нелѣпа всякая попытка выводить изъ «сущности нашихъ умственныхъ процессовъ, словомъ, нашей души», что она неизмѣнна. Но изъ этого врядъ ли слѣдуетъ та toto coelo отличная возможность, чтобы измѣненія нашей специфической организаціи касались всѣхъ или нѣкоторыхъ основоположеній, и чтобы тѣмъ самымъ необходимость для мышленія этихъ положеній была лишь гипотетической. Наоборотъ, все это нелѣпо въ томъ точномъ смыслѣ, въ какомъ мы тутъ всюду употребляли это слово (разумѣется, безъ всякой окраски, какъ чисто научный терминъ). Проклятіе нашей многозначной логической терминологіи въ томъ и состоитъ, что такого рода ученія могутъ еще появляться и вводить въ заблужденіе даже серьезныхъ исследователей. Если бы произведены были первоначальныя разграниченія понятій элементарной логики и на основѣ этихъ различеній была бы выяснена терминологія, мы не стали бы возиться съ тѣми жалкими эквивокаціями, которыя присущи всѣмъ логическимъ терминамъ, какъ то: законъ мышленія, форма мышленія, реальная и формальная истина, представленіе, сужденіе, положеніе, понятіе, признакъ, свойство, основаніе, необходимость и т. д. Безъ этихъ эквивокацій развѣ могло бы возникнуть столько нелѣпыхъ ученій,

въ томъ числѣ релятивизмъ, въ логикѣ и теоріи познанія, развѣ могли бы они имѣть за себя на самомъ дѣлѣ нѣкоторую видимость, которая обманываетъ даже выдающихся мыслителей?

Не лишена смысла возможность измѣнявшихся «законовъ мышленія», какъ психологическихъ законовъ представленія и сужденія, которые во многихъ отношеніяхъ различны для различныхъ видовъ психическихъ существъ и даже для одного и того же вида отъ времени до времени мѣняются. Ибъ подъ психологическими «законами» мы обыкновенно разумѣемъ «эмпирическіе законы», приבלительныя обобщенія сосуществованія и послѣдовательности, относящіяся къ фактамъ, которые въ одномъ случаѣ могутъ быть такими, въ другомъ—другими. Мы охотно признаемъ также возможность измѣнявшихся законовъ мышленія, какъ нормативныхъ законовъ представленія и сужденія; конечно, нормативные законы могутъ быть приспособлены къ специфической организаціи сущащихъ существъ и поэтому могутъ измѣняться вмѣстѣ съ послѣдними. Очевидно, это касается правилъ практической логики, какъ ученія о методахъ, а также методическихъ предписаній отдѣльныхъ наукъ. Математизирующие ангелы могутъ имѣть не тѣ методы счисленія, что мы, но имѣютъ ли они также другія основоположенія и теоремы? Этотъ вопросъ ведетъ насъ дальше: противорѣчиво говорить объ измѣняющихся законахъ мышленія лишь тогда, когда мы подразумеваемъ подъ этимъ чисто логическіе законы (къ которымъ мы можемъ причислить также чистые законы ученія о количествахъ, порядковыя числахъ, чистаго ученія о множественности и т. д.) Неопредѣленное выраженіе «нормативные законы мышленія», которымъ обозначаютъ также и эти законы, ведетъ вообще къ тому, что ихъ смѣшиваютъ съ вышеупомянутыми психологическими обусловленными правилами мышленія. Но они суть чисто теоретическія истины идеальнаго вида, коренящіяся исключительно въ содержаніи своего значенія и никогда не выходяція за его предѣлы. Ихъ, стало быть, не можетъ коснуться никакое дѣйствительное или фиктивное измѣненіе въ мірѣ matter of fact.

Въ сущности, мы должны были бы принять здѣсь во вниманіе тройную противоположность: не только между практическимъ правиломъ и теоретическимъ закономъ, и затѣмъ между идеальнымъ и реальнымъ закономъ, но и между точнымъ закономъ и «эмпирическимъ закономъ», (т. е. обобщеніемъ, какъ установленіемъ средней величины, о которой гово-

<sup>1)</sup> Ср. тамъ же. № 370, стр. 378.

рится: «нѣтъ правила безъ исключеній») Если бы мы могли съ самоочевидностью усматривать точные законы психическихъ процессовъ, тогда и они были бы вѣчны и неизмѣнны, подобно основнымъ законамъ теоретическаго естествознанія; они были бы, следовательно, обязательны, даже если бы не существовало никакихъ психическихъ процессовъ. Если бы исцеляли всѣ тяготящіе другъ къ другу массы, то этимъ не былъ бы уничтоженъ законъ тяготѣнія, онъ остался бы только безъ возможности фактическаго принятія. Онъ вѣдь ничего и не говоритъ о существованіи тяготящихся массъ, а только о томъ, что присуще тяготящимся массамъ, какъ таковымъ. (Конечно, въ основѣ установленія точныхъ законовъ природы, какъ мы уже видѣли выше<sup>1)</sup>, лежитъ идеализирующая фикція, отъ которой мы здѣсь отвлекаемся, ограничиваясь самымъ логическимъ замысломъ этихъ законовъ). Но разъ признано, что законы логики суть точные законы и самоочевидны именно, какъ точные законы, то тѣмъ самымъ уже исключена возможность ихъ измѣненія въ силу измѣненій въ локаціяхъ фактическаго бытія и вызываемыхъ ими преобразований естественно-историческихъ и духовныхъ видовъ, т. е. тѣмъ самымъ обеспечена «вѣчная» обязательность этихъ законовъ.

Съ психологической точки зрѣнія кто-нибудь могъ бы возразить противъ нашей позиціи, что, какъ всякая истина, такъ и истина логическихъ законовъ лежитъ въ самомъ познаніи, а познаніе, какъ психическое переживаніе, само собою разумѣется, подчинено психологическимъ законамъ. Но, не входя здѣсь въ исчерпывающій разборъ вопроса, въ какомъ смыслѣ истина содержится въ познаніи, я укажу на то, что никакое измѣненіе психологическихъ фактовъ не можетъ сдѣлать изъ познанія заблужденіе и изъ заблужденія—познаніе. Возникновеніе и исчезновеніе познаній, какъ явленій, зависитъ, конечно, отъ психологическихъ условий, какъ и возникновеніе и исчезновеніе другихъ психическихъ явленій, напр., чувственныхъ. Но никакой психическій процессъ не можетъ привести къ тому, чтобы красное, на которое я сейчасъ смотрю, вмѣсто цвѣта было тономъ, или чтобы болѣе низкій изъ двухъ тоновъ былъ болѣе высокимъ; или, говоря вообще, все, что содержится или коренится въ моментѣ общаго въ каждомъ данномъ переживаніи, стоитъ выше всякаго возможнаго измѣненія, ибо всякое измѣненіе касается индивидуальной единичности, но непримѣнимо къ понятіямъ; и все это

<sup>1)</sup> Ср. Гл. IV, § 23, стр. 60—62.

относится также къ «содержаніямъ» актовъ познанія. Само понятіе познанія требуетъ, чтобы содержаніе его носило характеръ истинны. Этотъ характеръ присущъ не преходящему явленію познанія, а тождественному содержанію его, тому идеальному или общему, которое мы всѣ имѣемъ въ виду, когда говоримъ: я признаю, что  $a+b=b+a$ , и безчисленные другіе люди признаютъ то же самое. Разумѣется, можетъ случиться, что изъ познаній разовьются заблужденія, напр., въ ложномъ умозаключеніи, но изъ-за этого познаніе, какъ таковое, еще не становится заблужденіемъ; тутъ первое лишь каузально связано съ послѣднимъ. Можетъ случиться также, что въ какомъ-нибудь видѣ способныхъ къ сужденію существъ совсѣмъ не развиваются познанія, что все, принимаемое ими за истину, ложно, и все, принимаемое ими за ложное, истинно. Но истинность и ложность сами по себѣ остаются неизмѣнными; онѣ по существу являются свойствами соответствующихъ содержаній сужденій, а не актовъ сужденія; онѣ имъ присущи, хотя бы ихъ никто и не признавалъ: совершенно такъ же, какъ цвѣта, тоны, треугольники и т. д. всегда обладаютъ существенными свойствами, присущими имъ, какъ цвѣтамъ, тонамъ, треугольникамъ, все равно, признаетъ ли это когда-нибудь кто-либо или нѣтъ.

Итакъ, возможность, которую пытается обосновать Эрдманъ, а именно, что другія существа могутъ имѣть совершенно инныя основоположенія, не можетъ быть признана. Противорѣчивая возможность и есть именно невозможность. Попытаемся продумать до конца, что содержится въ его ученіи. Согласно ему, были бы возможны существа особаго вида, такъ сказать, логически сверхчеловѣки, для которыхъ наши основоположенія не обязательны, а обязательны совсѣмъ инныя, и то, что истинно для насъ, было бы ложно для нихъ. Для нихъ истинно, что они не переживаютъ тѣхъ психическихъ явленій, которыя они переживаютъ. Для насъ можетъ быть истиной, что мы и они существуемъ, а для нихъ это ложно и т. д. Конечно, мы, обыкновенные логическіе люди, скажемъ: такія существа лишены разсудка, они говорятъ объ истинѣ и уничтожаютъ ея законы, утверждаютъ, что имѣютъ свои собственные законы мышленія и отрицаютъ тѣ, отъ которыхъ зависитъ возможность законовъ вообще. Они утверждаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ допускаютъ отрицаніе утверждаемаго. Да и нѣтъ, истина и заблужденіе, существованіе и несуществованіе теряютъ въ ихъ мышленіи всякое взаимное отличіе.

Они только не замѣчаютъ своихъ противорѣчій, тогда какъ мы ихъ замѣчаемъ и познаемъ въ яркомъ свѣтѣ самоочевидности. Кто признаетъ подобнаго рода возможности, тотъ отдѣленъ лишь отгнѣнкомъ отъ самаго крайняго скептицизма; субъективность истины онъ относитъ только не къ отдѣльной личности, а къ цѣлому виду. Онъ—специфическій релятивистъ въ опредѣленномъ нами выше смыслѣ, и къ нему примѣнны приведенныя возраженія, которыхъ мы здѣсь не станемъ повторять. А загнѣмъ, я не вижу, зачѣмъ намъ останавливаться у пограничной черты вымышленныхъ расовыхъ различій. Почему не признать равноправными дѣйствительныя расовыя различія, различія между разумомъ и безуміемъ и, наконецъ, индивидуальныя различія?

Быть можетъ, релятивистъ на нашу аппелляцію къ очевидности или къ очевидной противорѣчивости предлагаемой намъ возможности отвѣтитъ цитированнымъ выше сужденіемъ: «не имѣетъ значенія то, что эта возможность не находится себѣ опоры въ высказываніяхъ нашего самосознанія», ибо само собой разумѣется, что мы не можемъ мыслить вопреки нашимъ формамъ мышленія. Однако, оставшая въ сторонѣ эту психологическую интерпретацію формъ мышленія, которую мы уже опровергли, мы отмѣчаемъ, что такой отвѣтъ равносильненъ абсолютному скептицизму. Если бы мы уже не имѣли права довѣрять очевидности, то какъ могли бы мы выставять и разумно поддерживать разныя утвержденія? Развѣ только въ разсчетъ на то, что другіе люди организованы такъ же, какъ мы и, стало быть, въ силу одинаковыхъ законовъ мышленія, склонны къ сходнымъ сужденіямъ? Но какъ мы можемъ это знать, когда мы вообще ничего не можемъ знать? Безъ самоочевидности вѣтъ знанія.

Довольно странно, что довѣріе оказывается такимъ сомнительнымъ утвержденіемъ, какъ утвержденіе объ общечеловѣческой природѣ, но не чистѣйшимъ тривіальностямъ, которыя, правда, очень бѣдны содержаніемъ, но обезпечиваютъ намъ яснѣйшую очевидность того немногаго, что онѣ даютъ; и въ этомъ ихъ содержаніи во всякомъ случаѣ не содержится никакого упоминанія о мыслящихъ существахъ и ихъ специфическихъ особенностяхъ.

Релятивистъ не можетъ хотя бы временно улучшить свою позицію тѣмъ, что скажетъ: «Ты смотришь на-меня, какъ на крайняго релятивиста, а я таковъ только по отношенію къ основоположеніямъ логики; всѣ же остальные истины могутъ остаться неприкосновенными». Этими онъ во всякомъ случаѣ не устраняетъ общихъ возраженій противъ специфическаго релятивизма. Кто ре-

лативируетъ основныя логическія истины, релятивируетъ и всякую истину вообще. Достаточно указать на содержаніе принципа противорѣчія, и сдѣлать отсюда естественные выводы.

Самъ Эрдманъ безусловно далекъ отъ такой половинчатости: онъ дѣйствительно положилъ въ основу своей логики релятивистическое понятіе истины, котораго требуетъ его ученіе. Опредѣленіе гласитъ: «Истинность сужденія заключается въ томъ, что логическая имманентность его предмета субъективна, въ частности, объективно достоверна, и что предикативное выраженіе этой имманентности необходимо для мышленія»<sup>1)</sup>. Тутъ мы, конечно, не выходимъ за предѣлы психологическаго. Ибо предметъ для Эрдмана есть представляемое, а это послѣднее въ свою очередь категорически отождествляется съ представляемымъ. Точно такъ же «объективная или всеобщая достоверность» только съ виду есть нѣчто объективное, ибо она «основывается на общемъ согласіи высказывающихъ сужденія»<sup>2)</sup>. Мы, правда, находимъ у Эрдмана выраженіе «объективная истина», но онъ отождествляетъ ее съ «общеобязательностью», т. е. обязательностью для всѣхъ. Последняя же распадается на достоверность для всѣхъ и, если я вѣрно понялъ, на всеобщую необходимость мышленія. Это именно и разумѣетъ вышеприведенное опредѣленіе. Возникаетъ сомнѣніе, какимъ же образомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы приходимъ къ правомѣрному утвержденію объективной истины въ этомъ смыслѣ, и какъ мы можемъ избѣжать безконечнаго регресса, требуемаго опредѣленіемъ и не оставшагося незамѣченнымъ для нашего выдающагося изслѣдователя. Къ сожалѣнію, его отвѣтъ недостаточенъ. Достоверны, говоритъ онъ, сужденія, въ которыхъ мы утверждаемъ согласіе съ другими, но не само это согласіе; но что это помогаетъ намъ, и что даетъ намъ та субъективная увѣренность, которую мы при этомъ испытываемъ? Вѣдь наше утвержденіе было бы правомѣрнымъ лишь въ томъ смыслѣ, если бы мы знали объ этомъ согласіи, а это вѣдь значитъ—если бы мы убѣдились въ его истинности. Хотелся еще спросить: какъ можемъ мы прити хотя бы только къ субъективной увѣренности въ согласіи всѣхъ? И наконецъ, не говоря уже объ этомъ затрудненіи, правомѣрно ли вообще требованіе всеобщей увѣренности, какъ будто истинно обладаютъ всѣ, а не немногіе избранные?

<sup>1)</sup> Тамъ же, № 278, S. 276.

<sup>2)</sup> Тамъ же, S. 274.



## ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

## Психологистические предрассудки.

До сих пор мы боролись с психологизмом, — главным образом, на почве его выводов. Теперь мы обращаемся к самим его аргументам, и пытаемся показать, что всё мнимая самоочевидности, на которую он опирается, суть обманчивые предрассудки.

## § 41. Первый предрассудок.

Первый предрассудок гласит: «предписания, регулирующие психическое, само собою разумны, имеют психологическое основание. Отсюда ясно, что нормативные законы познания должны основываться на психологии познания».

Обман исчезает, как только мы, выйдя общей аргументации, обратимся к существу дела.

Прежде всего необходимо положить конец одному неверному взгляду обеих сторон. Именно, мы обращаем внимание на то, что логические законы, рассматриваемые сами по себе, никоим образом не являются нормативными положениями в смысле предписаний, т. е. положений, к содержанию которых относится высказывание о том, как следует судить. Надо безусловно различать: законы, служащие для нормирования деятельности познания, и правила, содержащая мысль самого этого нормирования и высказывающая ее, как общеобязательную.

Рассмотрим для примера хотя бы известный принцип силлогистики, искони формулируемый так: признак признака есть признак и самой вещи. Краткость этой формулировки была бы похвальна, если бы только сама мысль не была выражена в ней

в вид явного ложного положения<sup>1)</sup>. Чтобы выразить ее правильно, придется помириться с большим количеством слов. «Къ каждой парѣ признаков *AB* примѣнимо положеніе: если каждый предметъ, имѣющій признакъ *A*, имѣетъ также признакъ *B*, и какой-нибудь опредѣленный предметъ *S* имѣетъ признакъ *A*, то онъ имѣетъ признакъ *B*». Мы рѣшительно оспариваемъ, чтобы это положеніе содержало хотя бы малѣйшую нормативную мысль. Мы можемъ, конечно, пользоваться имъ для нормированія, но оно само изъ-за этого не становится нормой. Мы можемъ также обосновать на немъ явное предписаніе, напр.: «кто бы ни судилъ, что каждое *A* есть *B* и что нѣкоторое *S* есть *A*, тотъ долженъ судить, что это *S* есть *B*». Но каждый видитъ, что это уже не первоначальное логическое положеніе, а новое, выросшее изъ него путемъ внесенія нормативной мысли.

То же примѣнимо, очевидно, ко всѣмъ силлогистическимъ законамъ, какъ и вообще ко всѣмъ «чисто логическимъ» положеніямъ<sup>2)</sup>. Но не только къ нимъ однимъ. Способностью къ превращенію въ нормы обладаютъ точно такъ же и истины другихъ теоретическихъ

<sup>1)</sup> Конечно, говоря вообще, признак признака не есть признак вещи. Если бы въ принципѣ подразумевалось только то, что буквально выражено словами, то мы, вѣдь, должны были бы умозаключать такъ: эта промокательная бумага красна, красное есть цѣтъ; следовательно, эта промокательная бумага есть цѣтъ.

<sup>2)</sup> Въ этомъ убѣжденіи, что нормативная мысль, долженствованіе, не относится къ содержанию логическихъ положеній, я, къ великому моему удивленію, схожу съ Наторпомъ, который недавно коротко и ясно высказалъ это въ Соціальной педагогикѣ (Soziale Pädagogik, Stuttgart, 1899, § 4): «Мы утверждаемъ,—говоритъ онъ,—что логические законы не высказываютъ ни того, какъ фактически мыслятъ при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, ни того, какъ слѣдуетъ мыслить». Въ связи съ примѣромъ умозаключенія о равенствѣ: «если  $A = B$  и  $B = C$ , то  $A = C$ » Наторпъ говоритъ: «это я усматриваю, имѣя передъ собой только подлежащее сравненію термины и данныя въ нихъ соотношенія, не будучи несколько принужденъ мыслить при этомъ фактическое и существующее или долженствующее быть теченіе или осуществленіе соответствующаго мышленія». (Стр. 20 и 21). И въ нѣкоторыхъ другихъ, не менѣе существенныхъ пунктахъ мои «Прологомены» совпадаютъ съ этимъ произведеніемъ провинціальнаго мыслителя, которое, къ сожалѣнію, уже не могло помочь мнѣ въ развитіи и изложеніи моихъ мыслей. За то два больше раннихъ произведенія Наторпа: цитированная выше статья изъ Philosophische Monatshefte XXIII и «Введеніе въ психологию» (Einführung in die Psychologie) оказали на меня плодотворное влияние—хотя въ другихъ пунктахъ и сильно побуждали меня къ возраженіямъ.

дисциплинъ, въ особенности, чисто математическія, обыкновенно отдѣляемыя отъ логики <sup>1)</sup>. Такъ напр., извѣстное положеніе:  $(a + b)(a - b) = a^2 - b^2$  высказываетъ, что произведеніе суммы и разности любыхъ двухъ чиселъ равно разности ихъ квадратовъ. Тутъ вѣтъ и рѣчи о процессѣ нашего сужденія и способѣ, какимъ оно должно протекать, предъ нами теоретическій законъ, а не практическое правило. Но если мы рассмотримъ соответствующее положеніе: «чтобы опредѣлить произведеніе суммы и разности двухъ чиселъ, слѣдуетъ составить разность ихъ квадратовъ», то мы будемъ имѣть, наоборотъ, практическое правило, а не теоретическій законъ. И здѣсь законъ лишь посредствомъ введенія нормативной мысли превращается въ правило, которое есть его аподиктическое и самодостовѣрное слѣдствіе, но по содержанію своей мысли отличается отъ самого закона.

Мы можемъ идти еще дальше. Вѣдь ясно, что такимъ же образомъ каждая общая истина, къ какой бы теоретической области она ни принадлежала, можетъ служить въ обоснованію общей нормы правильного сужденія. Логическіе законы въ этомъ отношеніи совсѣмъ не отличаются отъ другихъ. По природѣ своей они суть не нормативныя, а теоретическія истины и, въ качествѣ таковыхъ, такъ же, какъ истины какихъ-нибудь другихъ дисциплинъ, могутъ служить для нормированія сужденія.

Съ другой стороны, однако, нельзя не признать и слѣдующаго: общее убѣжденіе, которое усматриваетъ въ логическихъ положеніяхъ нормы мышленія, не можетъ быть совершенно неосновательно, его кажущаяся убѣдительность не можетъ быть чистѣйшимъ обманомъ. Извѣстное внутреннее преимущество въ дѣлѣ регулированія мышленія должно отличать эти положенія отъ другихъ. Не должна ли поэтому идея регулированія (дожесткованія) заключаться въ самомъ содержаніи логическихъ положеній? Развѣ она не можетъ съ очевидностью проистекать изъ этого содержанія? Другими словами: не могутъ ли логическіе и чисто математическіе законы имѣть особое значеніе, которое дѣлаетъ урегулированіе мышленія ихъ естественнымъ призваніемъ?

<sup>1)</sup> „Чистая“ или „формальная математика“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ я употребляю этотъ терминъ, обнимаетъ всю чистую арифметику и учене о многообразіяхъ, но не геометрію. Ея въ чистой математикѣ соответствуетъ теорія евклидова многообразія о трехъ измѣреніяхъ, причѣмъ это многообразіе является родовою идеей пространства, но не есть само пространство.

Изъ этого простого соображенія ясно, что, дѣйствительно, здѣсь неправы обѣ стороны.

Антипсихологиисты заблуждались въ томъ, что изображали регулированіе познанія, такъ сказать, какъ самую сущность логическихъ законовъ. Поэтому не получилъ надлежащаго признанія чисто теоретическій характеръ формальной логики и вытекающее отсюда, какъ дальнѣйшее слѣдствіе, уравненіе ея съ формальной математикой. Было правильно замѣчено, что разбираемая въ традиціонной силлогистикѣ группа положеній чужда психології. Точно также было достигнуто ихъ естественное призваніе къ нормированію познанія, въ силу чего они необходимо образуютъ ядро всякой практической логики. Но было упущено изъ виду различіе между собственнымъ содержаніемъ положеній и ихъ функцией, ихъ практическимъ примѣненіемъ. Было упущено изъ виду, что такъ называемыя основныя положенія логики сами по себѣ не суть нормы, а именно только дѣйствуютъ, какъ нормы. Въ связи съ ихъ нормирующей функцией всѣ привыкли называть ихъ законами мышленія, и, такимъ образомъ, казалось, будто и эти законы имѣютъ психологическое содержаніе, и будто различіе ихъ отъ общепринятыхъ психологическихъ законовъ только въ томъ и состоитъ, что они нормируютъ, а остальные психологическіе законы этого не дѣлаютъ.

Съ другой стороны, психологиисты заблуждались въ признаніи своей мнимой аксіомы, несостоятельность которой мы можемъ теперь уяснить въ нѣсколькихъ словахъ: если обнаруживается съ полной очевидностью, что каждая общая истина, все равно, относится ли она къ психології или нѣтъ, обосновываетъ правило вѣрнаго сужденія, то этимъ обеспечена не только разумная возможность, но и даже наличность правилъ сужденія, не вытекающихъ изъ психології.

Конечно, не всѣ подобнаго рода правила сужденія, хотя они и нормируютъ правильность сужденія, суть въ силу одного этого логическія правила; но легко увидѣть, что изъ логическихъ въ собственномъ смыслѣ слова правилъ, которыя составляютъ истинную область техническаго ученія о научномъ мышленіи, лишь одна группа допускаетъ психологическое обоснованіе и даже требуетъ его: а именно, специально приспосабливанія къ человѣческой природѣ техническія предписанія для созданія научнаго познанія и для критики такихъ продуктовъ познанія. Наоборотъ, другая и гораздо болѣе важная группа состоитъ изъ нормативныхъ видозмѣ-

ней законъ, которые относятся къ наукѣ въ ея объективномъ или идеальномъ содержаніи. Психологическіе логики, и между ними такіе крупныя ученія, какъ Милль и Зигвартъ, рассматривая науку больше съ ея субъективной стороны (какъ методологическое единство специфически-человѣческаго пріобрѣтенія познанія) и сообразно съ этимъ односторонне подчеркивая методологическія задачи логики, упускаютъ изъ виду основное различіе между чисто логическими нормами и техническими правилами специфически-человѣческаго искусства мышленія. Но то и другое по содержанію, происхожденію и функциі имѣетъ совершенно различный характеръ. Чисто логическія положенія, по своему первичному содержанію, относятся только къ области идеальнаго, методологическія же—къ области реального. Первые возникаютъ изъ непосредственно-очевидныхъ аксіомъ, послѣднія—изъ эмпирическихъ и, главнымъ образомъ, психологическихъ фактовъ. Установленіе первыхъ имѣетъ чисто теоретическій интересъ и лишь попутно также и практическій, въ отношеніи же послѣднихъ примѣнимъ обратное утвержденіе: они имѣютъ непосредственно практическій интересъ и только косвенно, поскольку дѣльно ихъ является методическое способствованіе научному познанію вообще, способствуютъ также и теоретическимъ интересамъ.

#### § 42. Пояснительныя соображенія.

Любое теоретическое положеніе, какъ мы видѣли выше, можетъ быть обращено въ норму. Но получающіяся такимъ путемъ правила, вообще говоря, не совпадаютъ съ тѣми, которые нужны для технического ученія логики; только немногія изъ нихъ обладаютъ, такъ сказать, предназначеніемъ быть логическими нормами. Ибо, если это техническое ученіе должно существенно содѣйствовать нашимъ научнымъ стремленіямъ, то оно не можетъ предполагать полноту познанія законченныхъ наукъ, которую мы именно и рассчитываемъ пріобрѣсти съ его помощью. Намъ не можетъ принести пользы безцѣльное превращеніе всѣхъ данныхъ теоретическихъ познаній въ нормы, намъ нужны общія и выходящія въ своей всеобщности за предѣлы всѣхъ опредѣленныхъ наукъ нормы для обобщающей критики познаній и методовъ познаній вообще, а также содѣйствующія достиженію послѣднихъ практическія правила.

Именно это и стремится дать логическое техническое ученіе. и

если оно хочетъ быть научной дисциплиной, то оно само должно предполагать извѣстныя теоретическія познанія. И тутъ уже заранѣе ясно, что для него должны имѣть особую цѣнность тѣ познанія, которыя вытекаютъ изъ самихъ понятій истины, положенія, субъекта, предиката, предмета, свойства, основанія и слѣдствія, связующаго момента и связи и т. п. Ибо каждая наука строится, сообразно тому, чему она учитъ (стало быть, объективно, теоретически), изъ истинъ, всякая истина заключена въ положенія, всякія положенія имѣютъ субъекты и предикаты, черезъ нихъ относятся къ предметамъ или свойствамъ; положенія, какъ таковыя, связаны между собой въ смыслѣ основанія и слѣдствія и т. д. Теперь ясно: истины, которыя вытекаютъ изъ этихъ существенныхъ конститутивныхъ частей всякой науки, какъ объективнаго, теоретическаго единства, — истины, уничтоженіе которыхъ, слѣдовательно, немислимо безъ того, чтобы не было уничтожено то, что даетъ смыслъ и опору всякой наукѣ, — естественно являются основными мѣрилами, которыми показываютъ, относится ли въ каждомъ данномъ случаѣ къ наукѣ то, что притязаетъ быть наукой, основнымъ положеніемъ или выводомъ, силлогизмомъ или индукціей, доказательствомъ или теоріей, соответствуетъ ли оно своему замыслу или же, наоборотъ, вообще а priori противорѣчитъ идеальнымъ условіямъ возможности теоріи и науки. Если затѣмъ съ нами согласятся, что истины, вытекающія изъ самаго содержанія (смысла) понятій, конституирующихъ идею науки, какъ объективнаго единства, не могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежать къ области какой-либо отдѣльной науки; въ особенности если признаютъ, что такіа истины, какъ идеальныя, не могутъ имѣть мѣстомъ своего возникновенія науки о matter of fact, стало быть и психологи — то вопросъ рѣшенъ. Тогда невозможно оспаривать и идеальное существованіе особой науки, чистой логики, которая, будучи абсолютно независимой отъ другихъ научныхъ дисциплинъ, разграничиваетъ понятія, конституирующія идею систематическаго или теоретическаго единства и въ дальнѣйшемъ изслѣдуетъ теоретическія связи, вытекающія изъ самихъ этихъ понятій. Эта наука будетъ имѣть ту единственную въ своемъ родѣ особенность, что она даже по своей «формѣ» подчинена содержанію своихъ законовъ, другими словами, что элементы и теоретическія связи, изъ которыхъ она сама состоитъ, какъ систематическое единство истинъ, подчинены законамъ, входящимъ въ составъ ея содержанія.

Что наука, которая касается всех наук со стороны их формы, ее *ipso* касается и самой себя, — это звучит парадоксально, но не содержит никакого противоречия. Простейший соответствующий пример пояснить это. Принцип противоречия регулирует всякую истину, и так как он сам есть истина, то и самого себя. Сообразим, что здесь означает это регулирование, формулируем примененный к самому себе принцип противоречия, и мы натолкнемся на некоторую ясную самоочевидность, т. е. на прямую противоположность всему странному и спорному. Так же обстоит дело и с саморегулированием чистой логики.

Эта чистая логика, следовательно, есть первая и самая существенная основа методологической логики. Но последняя, разумеется, имеет еще и совсем иные основы, которые она берет из психологии. Ибо каждая наука, как мы уже сказали, может быть рассматриваема в двояком смысле: в одном смысле она есть совокупность приемов, употребляемых человеком для достижения систематического разграничения и изложения познаний той или иной области истины. Эти приемы мы именуем методами; напр., счет посредством письменных знаков на плоской поверхности доски, посредством той или иной счетной машины, посредством логарифмических таблиц или таблиц синусов и тангенсов и т. д.; далее, астрономические методы — посредством телескопа и перекрещивающихся нитей, физиологические методы микроскопической техники, методы окрашивания и т. д. Все эти методы, как и формы изложения, приспособлены к устройству человека в современном его нормальном виде, а отчасти даже — к случайностям национального своеобразия. Они явно совершенно неприменимы к иначе организованным существам. Даже физиологическая организация играет здесь довольно существенную роль. Какая польза была бы, напр., в прекраснейших оптических инструментах для существа, зрение которого связано с конечным органом, значительно отличающимся от нашего? И так во всем.

Но каждая наука может быть рассматриваема еще и в другом смысле; именно в отношении того, чему она учит, в отношении своего содержания. То, что — в идеальном случае — высказывает каждое отдельное положение, есть истина. Но ни одна истина в науке не изолирована, она вступает с другими истинами в теоретические связи, объединенные отношениями оснований и следствия. Это объективное содержание науки, поскольку оно действительно удовлетворяет ее конечной цели, совершенно не-

зависимо от субъективности изследующего, от особенностей человеческой природы вообще, и оно именно и есть объективная истина.

На эту идеальную сторону и направлена чистая логика, а именно на ее форму. Это значит, что она не направлена ни на то, относящееся к особому содержанию определенных единичных наук, ни на какие особенности их истин и форм связывания, а на то, что относится к истинам и теоретическим связям истин вообще. Поэтому, всякая наука со своей объективной теоретической стороны должна соответствовать ее законам, которые носят безусловно идеальный характер.

Но таким путем эти законы приобретают также и методологическое значение. Они обладают таковым и потому, что ковенная очевидность вырастает из связей обоснования, нормы которых суть не что иное, как нормативные видоизменения вышеупомянутых идеальных законов, основанных на самих логических категориях.

Все характерные особенности обоснований, подчеркнуты в первой главе <sup>1)</sup>, имеют здесь свой источник и находят себе полное объяснение в том, что самоочевидность в обосновании — в умозаключении, в связи адоптического доказательства, в единстве даже самой обширной рациональной теории, но также и в единстве обоснования вѣрности — есть не что иное, как созвоние идеальной законѣрности.

Чисто логическое размышление, исторически впервые пробудившееся в гениальном уме Аристотеля, путем абстракции извлекает самый закон, лежащий в основе каждого данного случая, сводит многообразие приобретаемых таким образом и первоначально только единичных законов к первичным основным законам. Так создается научная система, которая дает возможность вывести чисто дедуктивным путем в известном порядке и последовательности все вообще возможные чисто логические законы — все возможные «формы» умозаключений, доказательств и т. д. Этим созданием пользуется практический логический интерес. Для него чисто логические формы обращаются в нормы, в правила о том, как надлежит обосновывать и — в связи с возможными неадекватными основаниями — в правила, как нельзя обосновывать.

<sup>1)</sup> Ср. выше § 7, стр. 13 и след.

Сообразно этому, нормы распадаются на два класса: одні, регулюючі а priori всякое обоснование, всякую аподиктическую связь, имѣють чисто идеальную природу и связываются съ чело-вѣческой наукою только черезъ очевидное перенесеніе. Другія, которыя мы можемъ характеризовать и какъ просто вспомогательные приемы или суррогаты обоснованій <sup>1)</sup>, эмпиричны, онѣ по существу относятся къ специфически-человѣческой сторонѣ наукъ онѣ, слѣдовательно, коренятся въ общей организаціи чело-вѣка и именно одной своею (болѣе важной для техническаго ученія) стороною—въ психической, а другой—даже въ физической организаціи <sup>2)</sup>.

§ 43. *Идеалистическіе аргументы противъ психологизма.  
Ихъ недостатки и вторнй смыслъ.*

Въ спорѣ о психологическомъ или объективномъ обоснованіи логики я, стало быть, занимаю среднюю позицію. Антипсихологи-сты, главнымъ образомъ, считались съ идеальными законами, которые мы выше характеризовали, какъ чисто логическіе законы; психологи-сты же обращали вниманіе на методологическія правила, которыя мы признали антропологическими. Поэтому обѣ стороны и не могли столкнуться. Что психологи-сты обнаружили мало склонности оцѣнить надлежащимъ образомъ дѣйствительно суще-ственную часть аргументовъ своихъ противниковъ, это легко по-нять, ибо въ этихъ аргументахъ соучаствовали всѣ тѣ психологи-ческие мотивы и смѣшенія, которыхъ прежде всего слѣдовало из-бѣгать. И фактическое содержаніе произведеній, выдававшихъ себя за изложенія «формальной» или «чистой» логики, должно было лишь укрѣпить психологистовъ въ ихъ отрицательномъ отно-шеніи и возбудить въ нихъ впечатлѣніе, что въ предлагаемой дисциплинѣ дѣло идетъ только о стыдливой и произвольно ограни-ченной психологической познаванія или объ основанномъ на ней регули-

рованіи познаванія. Антипсихологи-сты во всякомъ случаѣ не должны были подчеркивать въ своихъ аргументахъ <sup>1)</sup>, что психологія имѣетъ дѣло съ естественными законами, логика же—съ нор-мативными законами. Противоположностью естественнаго за-кона, какъ эмпирически обоснованнаго правила фактическаго бытія и процесса является не нормативный законъ, какъ предписаніе, а идеальныи законъ въ смыслѣ вытекающей исключительно изъ понятій (идей, чистыхъ родовыхъ понятій) и потому не эмпирической закономерности. Поскольку формали-сты логики, говоря о нормативныхъ законахъ, имѣли въ виду этотъ чисто логическій и въ этомъ смыслѣ априорный характеръ, ихъ аргументація содержала несомнѣнно правильный элементъ. Но они упустили изъ виду теоретическій характеръ чисто логическихъ положеній, они не замѣтили различія между теоретическими за-конами, которые по своему содержанію предназначаются къ регули-рованію познаванія, и нормативными законами, которые сами и по существу носятъ характеръ предписаній.

Не совсѣмъ вѣрно и то, что противоположность между истин-нымъ и ложнымъ не имѣетъ мѣста въ психологій <sup>2)</sup>; она имѣется въ ней именно постольку, поскольку познаваніе «овладѣваетъ» исти-ной, и идеальное, такимъ путемъ, достигаетъ опредѣленности ре-ального переживанія. Съ другой стороны, однако, положенія, отно-сящіяся къ этой опредѣленности въ ея отвлеченно чистомъ видѣ, не суть законы реального психическаго бытія; въ этомъ психоло-гии заблуждались, они не поняли ни сущности идеальнаго во-обще, ни въ частности идеальности истины. Этотъ важный пунктъ будетъ еще разсмотрѣнъ нами подробнѣе.

Наконецъ, и въ основѣ послѣдняго аргумента антипсихологи-стовъ <sup>3)</sup>, наряду съ ошибочнымъ элементомъ, содержится и пра-вильный. Такъ какъ никакая логика, ни формальная, ни мето-дологическая, не въ состояніи дать критеріи, на основаніи которыхъ могла бы быть познаваема каждая истина, какъ таковая, то въ психологическомъ обоснованіи логики навѣрное нѣтъ круга. Но одно дѣло — психологическое обоснованіе логики (въ обычномъ смыслѣ техническаго ученія), и совсѣмъ другое — психологическое обоснованіе той теоретически замкнутой группы логическихъ поло-

<sup>1)</sup> Ср. выше § 9, стр. 17 и слѣд.

<sup>2)</sup> Хорошіе примѣры для послѣдняго рода отношеній можно также найти въ элементарномъ искусствѣ счисленія. Существо, которое могло бы такъ ясно соизмѣрять и справляться съ групповыми порядками трехъ измѣреній (въ особенности при распределеніи знаменъ), какъ мы, люди,— съ групповыми порядками двухъ измѣреній, имѣло бы совершенно иные методы счисленія. Ср. объ этихъ вопросахъ мою «Philosophie der Arith-metik». Въ частности о вліяніи физическихъ услій на развитіе методовъ стр. 275 и сл., стр. 312 и сл.

<sup>1)</sup> Ср. выше § 19, въ особенности стр. 46 и цитату изъ Дробина на стр. 29.

<sup>2)</sup> Ср. выше, стр. 46—47.

<sup>3)</sup> Ср. выше, стр. 47—48.

жений, которые мы называли «чисто логическими». И в этом смысле представляется явной нелѣпостью (хотя лишь в известных случаях имѣть характеръ круга) вывести положенія, которые коренятся въ существенныхъ конститутивных частяхъ всякаго теоретическаго единства и, тѣмъ самымъ, въ логической формѣ ситематическаго содержанія науки, какъ таковой, изъ случайнаго содержанія какой-либо отдѣльной науки и даже еще фактической науки. Уяснимъ себѣ эту мысль на примѣрѣ принципа противорѣчія, представимъ себѣ, что этотъ принципъ обоснованъ какой-нибудь единичной наукою; въ такомъ случаѣ истина, корящаяся въ самомъ смыслѣ истины, какъ таковой, будетъ обоснована истинами о числахъ, расстояніяхъ и т. п. или даже истинами о физическихъ и психическихъ фактахъ. Во всякомъ случаѣ эта несообразность создавалась и представителями формальной логики, только они опять-таки, благодаря смѣшенію чисто логическихъ законовъ съ нормативными законами или критеріями, настолько затуманили вѣрную мысль, что она должна была потерять свою убѣдительность.

Несообразность, если разсмотрѣть ее въ корнѣ, состоитъ въ томъ, что положенія, которые относятся только къ формѣ (т. е., къ логическимъ элементамъ научной теоріи, какъ таковой), выводятся будто бы изъ положеній совершенно иного содержанія <sup>1)</sup>. Теперь ясно, что несообразность эта въ отношеніи первичныхъ основоположеній, какъ принципъ противорѣчія, *modus ponens* и т. п., становится кругомъ, поскольку выводеніе этихъ положеній въ отдѣльныхъ стадіяхъ предполагаетъ ихъ же самихъ не въ формѣ предпосылокъ, но въ формѣ принциповъ вывода, въ истинности которыхъ выводеніе теряетъ смыслъ и истинность. Въ этомъ отношеніи можно говорить о рефлексивномъ кругѣ въ противоположность обычному или прямому *circulus in demonstrando*, гдѣ предпосылки и выводы смѣшаны между собой.

Изъ всѣхъ наукъ одна чистая логика избѣгаетъ этихъ возраженій, ибо ея предпосылки, со стороны того, къ чему они предметно относятся, однородны съ выводами, которые онѣ обосновываютъ. Далѣе, она избѣгаетъ круга еще и тѣмъ, что не доказываетъ положеній, предполагаемыхъ той или иной дедукціей въ

<sup>1)</sup> Впрочемъ, невозможность теоретическихъ связей между разнородными областями и сущность разсматриваемой разнородности логически еще недостаточно изслѣдована.

качествѣ основныхъ принциповъ, въ этой же самой дедукціи, и что она вообще не доказываетъ положеній, предполагаемыхъ всякой дедукціей, а ставитъ ихъ во главѣ всѣхъ дедукцій, въ качествѣ аксіомъ. Чрезвычайно трудная задача чистой логики должна, слѣдовательно, состоять въ томъ, чтобы съ одной стороны аналитически возвыситься до аксіомъ, безъ которыхъ, какъ исходныхъ пунктовъ, нельзя обойтись, и которыхъ безъ прямого и рефлексивнаго круга нельзя свести другъ на друга; съ другой стороны, чистая логика должна такъ формировать и сочетать дедукціи для логическихъ теоремъ (лишь небольшую часть которыхъ составляютъ силлогистическія положенія), чтобы на каждомъ шагѣ не только предпосылки, но и основные принципы тѣхъ или иныхъ частей дедукціи принадлежали либо къ аксіомамъ, либо къ уже доказаннымъ теоремамъ.

#### § 44. Второй предразсудокъ.

Чтобы подтвердить свой первый предразсудокъ, который считаетъ чѣмъ то само собою понятнымъ, что правила познанія должны опираться на психологию познанія, психологистъ <sup>1)</sup> ссылается на фактическое содержаніе всякой логики. О чемъ идетъ въ ней рѣчь? Всюду, вѣдь, о представленіяхъ и сужденіяхъ, умозаключеніяхъ и доказательствахъ, истинѣ и вѣрности, необходимости и возможности, основаніи и слѣдствіи и другихъ близко связанныхъ съ ними и родственныхъ понятіяхъ. Но развѣ подъ этими названіями можно разумѣть что-либо другое, кромѣ психическихъ явленій и продуктовъ? Въ отношеніи представленій и сужденій это ясно безъ дальнѣйшихъ указаній. Умозаключенія суть обоснованія сужденій посредствомъ сужденій, обосновываніе же есть вѣдь психическая дѣятельность. Опять таки, когда говорятъ объ истинѣ и вѣрности, необходимости и возможности и т. д., то это сводится къ сужденіямъ; смыслъ ихъ вскрывается, т. е. переживается только въ сужденіяхъ. Не странно ли поэтому думать о томъ, чтобы исключить изъ психологіи положенія и теоріи, которые относятся къ психическимъ явленіямъ? Въ этомъ отношеніи разграниченіе между чисто логическими и методологическими положеніями безцѣльно, возраженіе касается одинаково и тѣхъ, и другихъ. Стало быть, всякую попытку отдѣлить отъ психологіи хотя бы часть логики, въ качествѣ будто бы «чистой логики», слѣдуетъ считать въ корнѣ несообразной.

<sup>1)</sup> Ср. аргументацію § 18, выше стр. 44 наверху.

§ 45. *Опровержение: чистая математика тоже стала бы вѣтвью психологіи.*

Сколь бы несомнѣннымъ все это ни казалось, оно должно быть ошибочно. Это видно изъ нѣлѣпныхъ слѣдствій, которыя, какъ мы знаемъ, необходимы для психологизма. Но и другое соображеніе должно тутъ наводить на сомнѣнія: именно, естественное родство между чисто логическими и арифметическими доктринами, которое не разъ побуждало даже утверждать ихъ теоретическое единство. Какъ мы уже упоминали мимоходомъ, и Лотце училъ, что математика должна считаться «самостоятельно развивающейся вѣтвью общей логики». «Только практически обоснованное разграниченіе преподаванія», — полагаетъ онъ—заставляетъ «упускать изъ виду полное право гражданства математики въ общей области логики»<sup>1)</sup>. А по Рилью «можно даже сказать, что логика совпадаетъ съ общей частью чисто формальной математики (беря это понятіе въ смыслъ Н. Напке'я)»<sup>2)</sup>. Какъ бы то ни было, но аргументъ, который былъ бы правленъ въ отношенія логики, былъ бы применимъ и къ арифметикѣ. Она устанавливаетъ законы для чиселъ, ихъ отношеній и связей. Но числа получаются отъ складыванія и счета, а это есть психическія дѣятельности. Отношенія вырастаютъ изъ актовъ соотношенія, связи—изъ актовъ связыванія. Сложеніе и умноженіе, вычитаніе и дѣленіе суть не что иное, какъ психическіе процессы. Что они нуждаются въ чувственной опорѣ, это не мнѣяетъ дѣла; вѣдь такъ же обстоитъ дѣло со всякимъ мышленіемъ. Этими самымъ суммы и проиженія, разности и частныя, и все, что регулируется арифметическими правилами, суть только психическіе продукты и, слѣдовательно, подлежатъ психической законности. Быть можетъ, для современной психологіи съ ея серьезнымъ стремленіемъ къ точности является къ высшей степени желательнымъ каждое обогащеніе математическими теоріями; но врядъ ли ей было бы особенно пріятно, если бъ саму математику причислили къ ней, какъ ея составную часть. Вѣдь разнообразность общахъ наукъ не подлежитъ сомнѣнію. Такъ и съ другой стороны математику только утѣбнуулъ бы, если бы ему стали навязывать

<sup>1)</sup> Lotze. Logik. § 18, S. 34 и § 112, S. 138.

<sup>2)</sup> A. Riehl, Der philosophische Kriticismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft, II Band, I Teil, S. 226.

изученіе психологіи ради будто бы лучшаго и болѣе глубокаго обоснованія его теоретическихъ построеній. Онъ справедливо сказалъ бы, что математическое и психическое суть столь чуждые другъ другу міры, что самая мысль о ихъ объединеніи нелѣпа; здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, было бы уместно упоминаніе о μεταβασις εις ἄλλο γένος<sup>1)</sup>.

§ 46. *Область изслѣдованія чистой логики, подобно области чистой математики, идеальна.*

Эти возраженія, впрочемъ, снова привели насъ къ аргументаціи изъ выводовъ. Но если мы взглянемъ на ихъ содержаніе, то мы найдемъ въ нихъ опорную точку для уясненія основныхъ ошибокъ противнаго воззрѣнія. Сравненіе чистой логики съ чистой математикой, какъ зрѣлою родственной дисциплиной, которой уже нѣтъ надобности бороться за право самостоятельнаго существованія, служить намъ вѣрной путеводною нитью. Итакъ, обратимся прежде всего къ математикѣ.

Никто не считаетъ чисто математическія теоріи и, въ частности, напр., чистое ученіе о количествахъ «частью или вѣтвью психологіи», хотя безъ счисленія мы не имѣли бы чиселъ, безъ сложенья—суммъ, безъ умноженія—произведеній и т.д. Всѣ продукты арифметическихъ операцій указываютъ на извѣстные психическіе акты арифметическаго оперированія; только въ связи съ послѣднимъ можетъ быть показано, что такое есть число, сумма, проиженіе и т.д. И несмотря на это «психологическое происхожденіе», каждый признаетъ ошибочную μεταβασις, если сказать, что математическіе законы суть психологическіе. Какъ это объяснить? Тутъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Счисленіе и арифметическое оперированіе, какъ факты, какъ протекающіе во времени психическіе акты, разумѣется, принадлежатъ вѣдѣнію психологіи. Она,

<sup>1)</sup> Ср. для дополненія прекрасную статью Natorp'a «Ueber objective und subjective Begründung der Erkenntnis», Philosophische Monatshefte XXIII. § 265 и слѣд. Далѣе, интересный трудъ Frege „Die Grundlagen der Arithmetik (1884) S. VI и слѣд. (Нѣтъ надобности говорить, что я теперь уже не одобряю той принципиальной критики антипсихологической поиниіи Frege, которую я развилъ въ своей Philosophie der Arithmetik I. S. 129—32). Кратки укажемъ, въ связи со всѣми спорными вопросами, которые затрагиваются въ этихъ „Прологахъ“, на предисловіе къ позднѣйшему произведенію Frege, Die Grundgesetze der Arithmetik, I Bd. Jena 1893.

вѣдь, есть эмпирическая наука о психическихъ фактахъ вообще. Совѣсть иное дѣло—арифметика. Область ея изслѣдованій известна, она вполне и непреложно опредѣляется хорошо знакомымъ намъ рядомъ идеальныхъ видовъ 1, 2, 3. Объ индивидуальныхъ фактахъ, объ опредѣленности во времени въ этой сферѣ нѣтъ и рѣчи. Числа, суммы и произведенія чиселъ (и все остальное въ этомъ родѣ) не суть происходящія случайно то тамъ, то здѣсь акты счисления, суммированія, умноженія и т. д. Само собою разумѣется, что они различаются и отъ представленій, въ которыхъ они всегда даны. Число пять не есть мое или чье-нибудь счисленіе пяти, и не есть также мое или чье-нибудь представленіе пяти. Въ послѣднемъ смыслѣ оно есть возможный предметъ актовъ представленія, въ первомъ—идеальный видъ, имѣющій въ извѣстныхъ актахъ счисления свои единичные случаи, подобно тому напр., какъ красное—какъ видъ цвѣта—относится къ актамъ воспріятія краснаго. Въ томъ и другомъ случаѣ оно безъ противорѣчія не можетъ быть понято, какъ часть или сторона психического переживанія, т. е. какъ нѣчто реальное. Въ актѣ счисления мы, правда, находимъ индивидуально-единичный коррелятъ вида, какъ идеальнаго единства. Но это единство не есть часть единичности. Если мы стараемся уяснить себѣ сполна и всецѣло, что такое собственно есть число пять, если мы пытаемся, слѣдовательно, создать адекватное представленіе пяти, то мы прежде всего образуемъ расчлененный актъ коллективнаго представленія о какихъ-нибудь пяти объектахъ. Въ немъ, какъ форма его расчлененія, наглядно данъ единичный случай названнаго вида числа. Въ отношеніи этого наглядно единичнаго мы и совершаемъ «абстракцію», т. е. не только отлекаемъ единичное, несамостоятельное моментъ коллективной формы, но и ухватываемъ въ немъ идею: число пять, какъ видъ, вступаетъ въ мыслящее (*meinende*) сознаніе. То, что теперь мыслится, есть уже не этотъ единичный случай, не коллективное представленіе, какъ цѣлое, и не присущая ему, хотя и неотдѣлимая отъ него сама по себѣ форма; тутъ мыслится именно идеальнѣйшій видъ, который въ смыслѣ арифметики безусловно единъ, въ какихъ бы актахъ онъ ни олицетворялся, и не имѣетъ никакого касательства къ индивидуальной единичности реальнаго съ его временной и преходящей природой. Акты счисления возникаютъ и проходятъ; въ отношеніи же чиселъ не имѣетъ смысла говорить что либо подобное.

Такого рода идеальныя единичности (нѣзримыя виды въ особомъ смыслѣ, рѣзко различающіеся отъ эмпирическихъ классовъ) и выражены въ арифметическихъ положеніяхъ, какъ въ цифровыхъ (т. е. арифметически-сингулярныхъ), такъ и въ алгебраическихъ (т. е. арифметически-родовыхъ) положеніяхъ. О реальномъ они вообще ничего не высказываютъ,—ни о томъ реальномъ, которое счисляется. ни о реальныхъ актахъ, въ которыхъ производится счетъ или же конституируются тѣ или иные косвенныя числовыя характеристики. Конкретныя числа или числовыя положенія входятъ въ научныя области, къ которымъ относятся соответствующія конкретныя единства; положенія же объ арифметическихъ процессахъ мышленія, напротивъ, принадлежатъ къ психологіи. Въ строгомъ и собственномъ смыслѣ арифметическія положенія, повтому, ничего не говорятъ о томъ, «что кроется въ самихъ нашихъ представленіяхъ о числахъ», ибо о нашихъ представленіяхъ они такъ же мало говорятъ, какъ о всякихъ другихъ. Они всецѣло посвящены числамъ и связямъ чиселъ въ ихъ отвлеченной чистотѣ и идеальности. Положенія *arithmeticae universalis*—арифметической номологии, какъ мы могли бы также сказать—суть законы, вытекающіе только изъ идеальной сущности родоваго понятія совокупности. Первичныя единичности, входящія въ объемъ этихъ законовъ, и идеальны, это—числовые опредѣленные числа, т. е. простѣйшія специфическія различія рода совокупности. Къ нимъ, повтому, относятся арифметически-сингулярныя положенія *arithmeticae numerosae*. Они получаютъ путемъ примѣненія общеарифметическихъ законовъ къ нумерически даннымъ числамъ, они выражаютъ то, что заключено въ чисто идеальной сущности этихъ данныхъ чиселъ. Изъ всѣхъ этихъ положеній ни одно не можетъ быть сведено къ эмпирически-общему положенію, хотя бы эта общность достигала высочайшей степени и означала эмпирическое отсутствіе исключенія во всей области реальнаго міра.

То, что мы здѣсь вывели для чистой арифметики, безусловно можетъ быть перенесено на чистую логику. И въ примѣненіи къ ней мы, разумѣется, допускаемъ фактъ, что логическія понятія имѣютъ психологическое происхожденіе, но мы и теперь отвергаемъ психологистическій выводъ, который основываютъ на этомъ. При томъ объектѣ, который мы признаемъ за логикой въ смыслѣ технического ученія о научномъ познаніи, мы, разумѣется, нисколько не сомнѣваемся, что она въ значительной мѣрѣ имѣетъ



дѣло съ психическими переживаниями. Конечно, методологія научнаго изслѣдованія и доказыванія должна серьезно считаться съ природой психическихъ процессовъ, въ которыхъ оно протекаетъ. Сообразно съ этимъ и логическіе терминъ, какъ-то представление, понятие, сужденіе, умозаключеніе, доказательство, теорія, необходимость, истина и т. п., могутъ и должны играть роль классовыхъ названій для психическихъ переживаній и формъ склонностей. Но мы отрицаемъ, чтобы что-либо подобное могло относиться къ чисто логическимъ частямъ нашего техническаго ученія. Мы отрицаемъ, что чистая логика, которая должна быть выдѣлена въ самостоятельную теоретическую дисциплину, когда либо имѣетъ своимъ предметомъ психическіе факты и законы, характеризующие, какъ психологическіе. Мы, вѣдь, уже узнали, что чисто логическіе законы, напр., первичные «законы мышленія» или силлогистическія формулы, совершенно теряютъ свой существенный смыслъ, какъ только пытаются истолковать ихъ, какъ психологическіе законы. Слѣдовательно, уже заранѣе ясно, что понятія, на которыхъ основаны эти и сходные законы, не могутъ имѣть эмпирическаго объема. Другими словами: они не могутъ носить характера только всеобщихъ понятій, объемомъ которыхъ заполняется фактическими единичностями, а должны быть настоящими родовыми понятіями, въ объемъ которыхъ входятъ исключительно идеальныя единичности, настоящіе виды. Далѣе, ясно, что названные терминъ, какъ и вообще всѣ терминъ, выступающіе въ чисто логическихъ связяхъ, двусмысленны въ томъ отношеніи, что они съ одной стороны означаютъ классовыя понятія для душевныхъ продуктовъ, относящихся къ психологіи, и съ другой стороны — родовыя понятія для идеальныхъ единичностей, принадлежащихъ къ сферѣ чистой законмѣрности.

§ 47. *Основные логическія понятія и смыслъ логическихъ положеній подтверждаютъ наши указанія.*

Это подтверждается даже при бѣгломъ обзорѣ исторически сложившихся обработокъ логики, если обратить особое вниманіе на коренное различіе между субъективно-антропологическимъ единствомъ познанія и объективно-идеальнымъ единствомъ содержанія позна-

н ія. Тогда экзвивокаціи легко обнаруживаются, и ими объясняется обманчивая видимость, будто все то, о чемъ трактуется подъ традиционнымъ заглавіемъ «элементарное ученіе», внутренне однородно и имѣетъ исключительно психологическое содержаніе.

Тутъ прежде всего говорится о представленіяхъ и въ значительной мѣрѣ съ психологической точки зрѣнія; апперцептивные процессы, въ которыхъ вырастаютъ представленія, изслѣдуются возможно болѣе глубоко. Но какъ только дѣло доходитъ до различія естественныхъ «формъ» представленій, начинается уже разрывъ въ способѣ разсмотрѣнія, который продолжается въ ученіи о формахъ сужденій и превращается въ вѣщую пропасть въ ученіи о формахъ умозаключеній и связанныхъ съ ними законахъ мышленія. Терминъ «представленіе» внезапно теряетъ характеръ психологическаго классоваго понятія. Это становится очевиднымъ, какъ только мы задаемся вопросомъ о свойствахъ того, что подводится подъ понятіе представленія. Когда логикъ устанавливаетъ, напр., различія между единичными и общими представленіями (Сократъ — человѣкъ вообще; число четыре — число вообще), атрибутивными и не атрибутивными (Сократъ, бѣлое — человѣкъ, двѣтъ) и т. п.; или когда онъ перечисляетъ многочисленныя формы связыванія представленій въ новыя представленія, напр., конъюнктивную, дизъюнктивную, детерминативную связь и т. п.; или когда онъ классифицируетъ существенныя отношенія представленій, какъ, напр., отношенія содержанія и объема, — то, вѣдь, каждый видитъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о феноменальныхъ, а о специфическихъ единичностяхъ. Допустимъ, что кто-нибудь въ видѣ логическаго примѣра высказываетъ положеніе: представленіе треугольника содержитъ представленіе фигуры, и объемъ послѣдняго заключаетъ въ себѣ объемъ перваго. Развѣ здѣсь говорится о субъективныхъ переживаніяхъ какой-нибудь личности или о томъ, что одни реальныя явленія содержатся въ другихъ? Развѣ къ объему того, что здѣсь и въ сходныхъ связяхъ именуется представленіемъ, принадлежатъ, какъ разлеченные члены, представленіе треугольника, имѣющееся у меня сейчасъ, и представленіе, которое возникнетъ у меня черезъ часъ? Не является ли, наоборотъ, представленіе «треугольникъ», какъ таковое, единственнымъ членомъ, и не входятъ ли наряду съ нимъ, опять таки какъ единичности, представленія «Сократъ», «левъ» и т. п.?

Во всякой логикѣ много говорится о сужденіяхъ; но и тутъ имѣются экзвивокаціи. Въ психологическихъ частяхъ логическаго

технического учения говорят о суждениях, как о сознании истинности (Fürwahrhalten); т. е. говорят об определенно сложившихся переживаниях сознания. Въ чисто-логических частях об этом уже нѣтъ рѣчи. Сужденіе здѣсь означаетъ положеніе, и притомъ не въ смыслѣ грамматическаго предложенія, а въ смыслѣ идеальнаго единства значенія. Таковы всѣ тѣ подраздѣленія актовъ или формъ сужденія, которые представляютъ необходимую опору чисто логическихъ законовъ. Категорическое, гипотетическое, дизъюнктивное, экзистенціальное сужденіе и какъ бы тамъ они ни назывались въ чистой логикѣ, суть не названія классовъ сужденій, а наименованія идеальныхъ формъ положеній. То же относится и къ формамъ умозаключенія: къ экзистенціальному, категорическому умозаключенію и т. д. Соответствующіе анализы суть анализы значеній; стало быть, отнюдь не психологические анализы. Анализируются не индивидуальныя явленія, а формы задуманныхъ единствъ, не переживанія умозаключенія, а сами умозаключенія. Кто съ логически-аналитической цѣлью говоритъ: категорическое сужденіе «Богъ справедливъ» имѣетъ субъектомъ представленіе «Богъ», тотъ навѣрное не говоритъ о сужденіи, какъ психическомъ переживаніи своемъ или другой личности, а также не о психическомъ актѣ, который здѣсь предполагается и возбуждается словомъ «Богъ»; онъ говоритъ о положеніи «Богъ справедливъ», какъ таковомъ, — о положеніи, которое едино, вопреки многообразію возможныхъ переживаній, и о представленіи «Богъ», которое опять таки едино, ибо иначе оно и не можетъ быть отдѣльной частью единаго цѣлаго. Сообразно съ этимъ логикъ подъ выраженіемъ «какое сужденіе» разумѣетъ не «каждый актъ сужденія», а «каждое объективное положеніе». Въ объемъ логическаго понятія «сужденіе» не входятъ, какъ равноправные члены, сужденіе  $2 \times 2 = 4$ , которое я сейчасъ переживаю, и сужденіе  $2 \times 2 = 4$ , которое я вчера или еще когда-нибудь переживалъ, или которое переживалось другими лицами. Напротивъ, въ данномъ объемѣ ни одинъ изъ этихъ актовъ, а просто сужденіе  $2 \times 2 = 4$ , какъ таковое, и наряду съ нимъ, напр., сужденіе «земля есть кубъ», Пифагорова теорема и т. п., и притомъ каждое, какъ особый членъ. Совершенно также дѣло обстоитъ, разумеется, когда говорятъ: «сужденіе  $S$  слѣдуетъ изъ сужденія  $P$ », и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

Этимъ только и опредѣляется истинный смыслъ логическихъ основоположеній, и этотъ смыслъ именно таковъ, какъ онъ ука-

занъ нашимъ предыдущимъ анализомъ. Принципъ противорѣчія есть — говорить намъ — сужденіе о сужденіяхъ. Но поскольку подъ сужденіями разумѣютъ психическія переживанія, акты сознанія, истинности, акты вѣрованія и т. д., это пониманіе несостоятельно. Кто высказываетъ принципъ, тотъ судитъ; но ни принципъ, ни то, о чемъ онъ судитъ, не суть сужденія. Кто говоритъ: изъ двухъ противорѣчащихъ сужденій одно истинно, а другое ложно, разумѣетъ, если только онъ самъ себя понимаетъ, не законъ объ актахъ сужденія, а законъ о содержаніяхъ сужденія, другими словами, законъ объ идеальныхъ значеніяхъ, которыми мы для краткости обыкновенно называемъ положеніями. Итакъ, лучшее выраженіе гласитъ: изъ двухъ противорѣчащихъ положеній одно истинно, а другое ложно <sup>1)</sup>. Ясно также, что, желая понять принципъ противорѣчія, мы не нуждаемся ни въ чемъ иномъ, кромѣ уясненія смысла противоположныхъ значеній положеній. Намъ не захотѣло думать о сужденіяхъ, какъ реальныхъ актахъ, и они ни въ какомъ случаѣ не были бы подходящими объектами. Достаточно только посмотреть, чтобы увидѣть, что къ объему этой логической законѣрности относятся только сужденія въ идеальномъ смыслѣ, такъ что сужденіе  $2 \times 2 = 5$  можетъ быть однимъ изъ нихъ на ряду съ сужденіемъ: «драконы существуютъ», съ положеніемъ о суммѣ угловъ и т. п.; и напротивъ, сюда не относится ни одинъ изъ дѣйствительныхъ или представляемыхъ актовъ сужденія, которые въ бесконечномъ многообразіи соотвѣтствуютъ каждому изъ этихъ идеальныхъ единствъ. Сходное примѣнимо и для всѣхъ другихъ чисто логическихъ положеній, напр., силлогистическихъ.

Отличіе психологическаго способа рассмотрѣнія, употребляющаго

<sup>1)</sup> Не надо смѣшивать принципъ противорѣчія съ нормативнымъ положеніемъ о сужденіяхъ, вытекающимъ изъ него въ качествѣ очевиднаго слѣдствія изъ двухъ противорѣчащихъ сужденій правильно одно. Понятіе правильности предполагаетъ понятіе истины. Сужденіе правильно, когда оно считается истиннымъ то, что истинно, т. е. когда его содержаніе есть истинное положеніе. Логическіе предикаты истинный и ложный относятся согласно своему собственному смыслу исключительно къ положеніямъ въ смыслѣ идеальныхъ значеній высказываній. Понятіе противорѣчащаго сужденія опять таки предполагаетъ понятіе противорѣчащаго положенія: въ переносномъ смыслѣ сужденія называются противорѣчащими, когда ихъ содержанія (ихъ идеальныя значенія) входятъ въ томъ описательно опредѣленномъ отношеніи, которое мы называемъ — въ собственномъ смыслѣ — противорѣчіемъ.

термины, как классовые термины для психических переживаний, отъ объективнаго или идеальнаго, въ которомъ эти же самые термины представляютъ аристотелевскіе роды и виды, не второстепенно и чисто субъективно; оно опредѣляетъ собой существенное отличие между двумя родами наукъ. Чистая логика и арифметика, какъ науки объ идеальныхъ единичностяхъ извѣстныхъ родовъ (или о томъ, что а priori коренится въ идеальной сущности этихъ родовъ) отдѣляются отъ психологіи, какъ науки объ индивидуальныхъ единичностяхъ извѣстныхъ эмпирическихъ классовъ.

#### § 48. Относяція различія.

Въ заключеніе подчеркнемъ рѣшающія различія, отъ признанія или непризнанія которыхъ зависитъ все наше отношеніе къ психологической аргументаціи. Эти различія состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Между идеальными и реальными науками имѣется существенное, безусловно неизгладимое различіе. Первыя—априорны, вторыя—эмпиричны. Первыя развиваютъ идеально-закономерныя общія положенія, которыя съ самоочевидной достовѣрностью основываются на истинно родовыхъ понятіяхъ, послѣднія устанавливаются съ избраннымъ реально-закономернымъ общімъ положеніемъ, относящимся къ сферѣ фактовъ. Объемъ общихъ понятій въ первомъ случаѣ есть объемъ нисшихъ видовыхъ различій, въ послѣднемъ случаѣ—объемъ индивидуальныхъ, опредѣленныхъ во времени единичностей; послѣдніе предметы, слѣдовательно, тамъ суть виды, здѣсь—эмпирическіе факты. При этомъ, очевидно, уже допущены существенныя различія между закономъ природы и идеальнымъ закономъ, между всеобщими сужденіями о фактахъ (которые иногда могутъ имѣть видимость родовыхъ сужденій: всѣ вороны черны—ворона черна) и настоящими родовыми сужденіями (каковы общія положенія чистой математики), между эмпирическимъ классовымъ понятіемъ и идеальнымъ родовымъ понятіемъ и т. п. Правильная оцѣнка этихъ различій безусловно связана съ окончательнымъ отказомъ отъ эмпиристической теоріи абстракціи, господство которой въ настоящее время претраждаетъ путь къ пониманію всего логическаго; подробности объ этомъ мы будемъ говорить далѣе.

2. Во всякомъ познаніи, и specially во всякой наукѣ, имѣется коренное различіе между тремя родами связей.

а) Связь переживаній познанія, въ которыхъ субъек-

тивно реализуется наука, т. е. психологическая связь представленій, сужденій, познаній, догадокъ, вопросовъ и т. д., въ которыхъ совершается процессъ изслѣдованія или же усматривается достовѣрность прежде открытой теоріи.

б) Связь изслѣдованныхъ въ наукѣ и теоретическихъ познанныхъ вещей, которыя, какъ таковыя, образуютъ область этой науки. Связь изслѣдованія и познания—явно иная, чѣмъ связь изслѣдованнаго и познанаго.

с) Логическая связь, т. е. специфическая связь теоретическихъ идей, конституирующая единство истинъ научной дисциплины, въ частности научной теоріи, доказательства или умозаключенія; а также единство понятій въ истинномъ положеніи, простыхъ истинъ въ связяхъ истинъ и т. п.

Во случаѣ физики, напр., мы различаемъ связь психическихъ переживаній существа мыслящаго о физическомъ отъ физической природы, познаваемой имъ, и объ эти связи въ свою очередь—отъ идеальной связи истинъ въ физической теоріи, напр., въ единствѣ аналитической механики, теоретической оптики и т. п. И форма обоснованія вѣроятности, господствующая надъ связью фактовъ и гипотезъ, относится къ разряду логическаго. Логическая связь есть идеальная форма, во имя которой говорится in specie объ одной и той же истинѣ, объ одномъ и томъ же умозаключеніи и доказательствѣ, объ одной и той же теоріи и рациональной дисциплинѣ,—о той же самой и единой, кто бы «е» ни мыслилъ. Единство этой формы есть закономерное единство значенія. Законы, которымъ оно, наряду со всѣмъ ему подобнымъ, подчиняется, суть чисто логическіе законы, тѣмъ самымъ охватывающіе всякую науку, но не по психологическому или предметному содержанію ея, а по идеальному содержанію ея значенія. Само собою разумѣется, что опредѣленные связи понятій, положеній, истинъ, составляющія идеальное единство опредѣленной науки, только постольку могутъ быть названы логическими, поскольку они, въ качествѣ единичныхъ случаевъ, подходятъ подъ понятіе логическаго; но они сами не относятся къ логикѣ, какъ составныя части.

Три различенныхъ нами связи, разумѣется, касаются логики и арифметики совершенно такъ же, какъ и всѣхъ другихъ наукъ; только у этихъ общихъ наукъ изслѣдуемая вещь суть не реальныя факты, какъ въ физикѣ, а идеальные виды. Въ логикѣ, благодаря особенностямъ послѣдней, получается то упомянутое уже свое-

образное явление, что идеальны связи, составляющія ея теоретическое единство, подчиняются, въ качествѣ отдѣльных случаевъ, законамъ, ею же устанавливаемымъ. Логические законы суть одновременно части и правила этихъ связей, они принадлежатъ одновременно и къ теоретическому единству и къ области логической науки.

§ 49. Третій предразсудокъ. Логика, какъ теорія очевидности.

Третій предразсудокъ <sup>1)</sup> мы формулируемъ слѣдующимъ образомъ. Всякая истина содержится въ сужденіи. Но сужденіе мы признаемъ истиннымъ только въ случаѣ его очевидности. Этимъ словомъ мы обозначаемъ своеобразный и хорошо знакомый каждому изъ внутреннего опыта психическій характеръ (который обыкновенно называется чувствомъ), гарантирующій истинность сужденія, съ которымъ онъ связанъ. И вотъ, если логика есть техническое ученіе, стремящееся помочь намъ въ познаніи истины, то логические законы, само собою разумѣется, суть положенія психологии. А именно, это—положенія, выясняющія условія, отъ которыхъ зависитъ присутствіе или отсутствіе указанного чувства очевидности. Къ этимъ положеніямъ естественно примыкаютъ практическія предписанія, которыя должны способствовать реализаціи сужденій, обладающихъ такимъ отличительнымъ характеромъ. Во всякомъ случаѣ, говоря о логическихъ законахъ или нормахъ, слѣдуетъ подразумевать и эти, основанныя на психологии, правила мышленія.

Къ этому взгляду близокъ уже Милль, когда онъ, желая отграничить логику отъ психологии, говоритъ: «The properties of Thought which concern Logic are some of its contingent properties; those, namely, on the presence of which depends good thinking, as distinguished from bad» <sup>2)</sup> («Свойства мышленія, которыхъ касается логика, суть нѣкоторыя изъ случайныхъ его свойствъ—тѣ именно, отъ присутствія которыхъ зависитъ правильное мышленіе, какъ отличное отъ неправильнаго»). Въ дальнѣйшемъ онъ не разъ называетъ логику (въ психологическомъ смыслѣ) «theorie» или «Philosophy of Evidence» <sup>3)</sup>, причемъ онъ

<sup>1)</sup> Онъ сыгралъ свою роль въ аргументаціяхъ III главы, въ особенно-сти въ § 19, стр. 47.

<sup>2)</sup> J. St. Mill, An Examination <sup>g</sup>, стр. 462.

<sup>3)</sup> Тамъ же, стр. 473, 476, 476, 478.

непосредственно, впрочемъ, не имѣлъ въ виду чисто логическихъ положеній. Въ Германіи эта точка зрѣнія проступаетъ иногда у Зигварта. По его мнѣнію, «всякая логика должна уяснить себѣ тѣ условія, при которыхъ появляется это субъективное чувство необходимости (въ предыдущемъ абзацѣ: «внутреннее чувство очевидности»). она должна дать имъ общее выраженіе» <sup>1)</sup>. Къ этому же направленію склоняются нѣкоторыя выраженія Вундта. Въ его «Логикѣ» мы, напр., читаемъ: «Благодаря свойствамъ очевидности и общеобязательности, присущимъ опредѣленнымъ связямъ мышленія, изъ психологическихъ законовъ рождаются логическіе законы мышленія». Ихъ «нормативный характеръ основывается только на томъ, что нѣкоторыя изъ психологическихъ связей мышленія фактически обладаютъ очевидностью и общеобязательностью. Ибо только благодаря этому мы получаемъ возможность предъявить мышленію требованіе, чтобы оно удовлетворяло условіямъ очевидности и общеобязательности». — «Самыя эти условія, которымъ надо удовлетворять, чтобы создать очевидность и общеобязательность, мы называемъ логическими законами мышленія...» Ясно подчеркивается, что «психологическое мышленіе всегда остается болѣе широкой формой».

Въ логической литературѣ послѣдняго десятилѣтія явно все болѣе распространяется и рѣче обозначается толкованіе логики, какъ практически примѣняемой психологии очевидности. Особого упоминанія заслуживаетъ здѣсь логика Геффлера и Мейнонга, ибо она представляетъ первую обстоятельную попытку съ возможною послѣдовательностью изложить всю логику съ точки зрѣнія психологии очевидности. Главной задачей логики Геффлеръ считаетъ изслѣдованіе (ближайшимъ образомъ психологическихъ) «законовъ, по которымъ возникновеніе очевидности зависитъ отъ опредѣленныхъ свойствъ нашихъ представленій и сужденій» <sup>2)</sup>. Изъ

<sup>1)</sup> Sigwart, Logik I, S. 16.

<sup>2)</sup> Wundt, Logik P. S. 91. Вундтъ здѣсь постоянно ставитъ рядомъ очевидность и общеобязательность. Что касается послѣдней, то онъ различаетъ субъективную общеобязательность, какъ простое слѣдствіе очевидности, и объективную, которая сводится къ постулату постигаемости опыта. Но такъ какъ оправданіе и соответственное осуществленіе постулата основываются опять таки на очевидности, то вовлеченіе общеобязательности въ принципиальное изложеніе исходныхъ пунктовъ представляется ненужнымъ.

<sup>3)</sup> Logik. Unter Mitwirkung von A. Meinong verfasst von A. Höfler. Wien 1890, S. 16.

всѣхъ дѣйствительно происходящихъ или же представимыхъ явлений мышления логика должна выделить тѣ виды («формы») мыслей, которые либо непосредственно сопряжены съ очевидностью, либо представляютъ необходимыя условия для возникновенія очевидности <sup>1)</sup>. Въ какой мѣрѣ это понимается въ психологическомъ смыслѣ, показываетъ дальнѣйшее изложеніе. Такъ, напр., методъ логики, поскольку онъ касается теоретическаго основанія ученія о правильномъ мышленіи, признается тѣмъ же самымъ методомъ, который психология примѣняетъ ко всѣмъ психическимъ явлениямъ; она должна описывать явленія специально правильнаго мышленія и затѣмъ по возможности сводить ихъ къ простымъ законамъ, т. е. объяснять болѣе сложные законы посредствомъ простыхъ, (Тамъ же, стр. 18). Далѣе, логическому ученію объ умозаключеніяхъ приписывается задача «установить законы, опредѣляющіе..., отъ какихъ признаковъ предпосылокъ зависитъ возможность вывести изъ нихъ опредѣленное сужденіе съ очевидностью». И т. д.

§ 50. *Превращеніе логическихъ положеній, въ равнозначныя положенія объ идеальныхъ условіяхъ очевидности сужденій. Получающіяся положенія не суть психологическія.*

Теперь перейдемъ къ критикѣ. Мы, правда, далеки отъ того, чтобы признать безспорность ставшаго теперь общимъ мѣстомъ положенія, съ котораго начинается это доказательство—а именно, что всякая истина содержится въ сужденіи; но мы, разумеется, не сомнѣваемся въ томъ, что повнаніе и правомѣрное утвержденіе истины предполагаетъ сознаніе ея очевидности. Не сомнѣваемся мы и въ томъ, что логическое техническое ученіе должно изслѣдовать психическія условія, при которыхъ возникаетъ для насъ очевидность въ процессъ сужденія. Мы дѣлаемъ еще шагъ навстрѣчу сопоставляемому нами возвращенію. Хотя мы и здѣсь вынуждены подчеркнуть различіе между чисто логическими и методологическими положеніями, но въ отношеніи первыхъ мы открыто признаемъ, что они имѣютъ извѣстное отношеніе къ психическому характеру очевидности и въ извѣстномъ смыслѣ создаютъ его психическія условія.

Однако, это отношеніе является для насъ чисто идеальнымъ и косвеннымъ. Мы отрицаемъ, что чисто логическія положенія сами высказываютъ хоть что-либо объ очевидности и ея условіяхъ. Мы

<sup>1)</sup> Ibid., S. 17.

надѣмся показать, что они доходятъ до этого отношенія къ переживаніямъ очевидности только путемъ примѣненія или видоизмѣненія; именно такимъ же образомъ, какимъ каждый «вытекающей исключительно изъ понатій» законъ можетъ быть перенесенъ на представленную въ общемъ видѣ область эмпирическихъ единичныхъ случаевъ вышеупомянутыхъ понатій. Получающіяся такимъ путемъ положенія очевидности сохраняютъ попрежнему свой апіорный характеръ, и условія очевидности, ими высказываемыя, отнюдь не суть психическія, т. е. каузальныя условія. Наоборотъ, чисто логическія положенія очевидно сохраняютъ здѣсь, какъ и въ каждомъ аналогичномъ случаѣ, въ высказыванія объ идеальныхъ несовѣстимостяхъ или возможностяхъ.

Простое размысленіе усилитъ все. Изъ каждаго чисто логическаго закона можно путемъ а priori возможнаго (очевиднаго) видоизмѣненія получить извѣстныя положенія очевидности, если угодно, условія очевидности. Комбинированный принципъ противорѣчія и исключительнаго третьяго безспорно равнозначенъ положенію: очевидность можетъ отличаться одно, но и только одно изъ пары противорѣчащихъ сужденій <sup>1)</sup>. *Modus Barbara* также безъ сомнѣнія равнозначенъ положенію: очевидность необходимой истины положенія формы «всѣ *A* суть *C*» (точнѣе говоря: его истинности, какъ необходимо вытекающей) можетъ проявиться въ фактѣ умозаключенія, предпосылки котораго имѣютъ формы «всѣ *A* суть *B*» и «всѣ *B* суть *C*». И то же примѣнимо къ каждому чисто логи-

<sup>1)</sup> Если бы теорія очевидности, дѣйствительно, требовала такого истолкованія, какое предлагаетъ на стр. 133 Гефлеръ, то она была бы уже осуждена напей предыдущей критикой эмпиристическихъ искаженій логическихъ принциповъ (ср. стр. 63). Положеніе Гефлера: «утверждающее и отрицающее сужденіе обѣ одною и тою же предметъ несовѣстимы», рассмотрѣнное точнѣе, оказывается ложнымъ въ себѣ или по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ, не говоря уже о томъ, что оно не можетъ считаться смысловымъ логическимъ принципомъ. Сходное упущеніе совершаетъ онъ и при опредѣленіи коррелятивныхъ понатій основанія и следствія: если бы это опредѣленіе было вѣрнымъ, оно превратило бы всѣ законы умозаключенія въ ложныя положенія. Оно гласитъ: «сужденіе *F* тогда есть «следствіе» «основанія» *G*, когда съ признаніемъ *G* истиннымъ несовѣстимо (представляемое) признаніе *F* ложнымъ». Обратимъ вниманіе на то, что Гефлеръ объясняетъ несовѣстимость черезъ очевидность несуществованія. Онъ явно смѣшиваетъ идеальное несуществованіе соответствующихъ положеній (точнѣе говоря, несовѣстимость ихъ значенія) съ реальнымъ несуществованіемъ соответствующихъ актовъ признанія истиннымъ, представленія и т. д.

ческому положению. Это вполне понятно, так как положения «*A* истинно» и «возможно, что кто-нибудь с очевидностью судит, что *A* есть»,—очевидно, вполне равнозначны. Итак, естественно, что положения, смысл которых состоит в высказывании того, что закономерно входит в понятие истины, и того, что истинность положений известных форм обуславливает истинность положений коррелятивных форм,—такие положения допускают равнозначные видоизменения, в которых устанавливается отношение между возможным появлением очевидности и формами суждений.

Но уяснение этой связи дает нам сразу средство для опровержения попытки растворить чистую логику в психологии очевидности. Само по себе, вѣдь, положение «*A* истинно» не высказывает того же самого, что его эквивалент «возможно, что кто-либо судит, что есть *A*». Первое не говорит о суждениях кого-либо, хотя бы в самом общем смысле. Тут дѣло обстоит совершенно так же, как и в чисто математических положениях. Высказывание, что  $a+b=b+a$ , говорит, что числовое значение суммы двух чисел не зависит от их положения в соединении, но ничего не говорит о чем-нибудь, счетѣ или суммировании. Последняго рода суждение получается только при очевидном и равнозначном видоизменении. In concreto, вѣдь, вѣтъ (и это а priori достоверно) числа безъ счета, суммы—безъ суммирования.

Но даже если мы оставим первоначальные формы чисто логических положений и обратим их к соответствующим равнозначным положениям очевидности, то изъ этого не возникает ничего, на что психология могла бы притязать, как на свое достояние. Она есть эмпирическая наука, наука о психических фактах. Психологическая возможность, следовательно, есть случай реальной возможности. Но вышеупомянутая возможность очевидности идеальна. Что психологически невозможно, то вполне возможно в идеальном смысле. Разрешение обобщенной «проблемы 3 тѣлъ», скажем, «проблемы *n* тѣлъ», может превосходить всякую человеческую способность к познанию. Но проблема имѣет рѣшение, следовательно, возможна соответствующая очевидность. Существуют десятичные числа с триллионами знаков, и имѣются соответствующія имъ истины. Но никто не может действительно представить такіа числа и действительно произвести относящихся к нимъ сложения, умножения и т. д. Очевидность здѣсь психологически невозможна и все же она, въ идеалѣ, есть, несомнѣнно, возможное психическое переживание.

Обращение понятия истины в понятие возможности очевиднаго суждения имѣетъ аналогію въ отношеніи понятія индивидуальнаго бытія къ понятію возможности воспріятія. Равнозначность этихъ понятій, поскольку подъ воспріятіемъ разумѣется только адекватное воспріятіе, неоспорима. Следовательно, возможно воспріятіе, которое въ одномъ совершеніи охватывало бы весь міръ, всю неистощимую безконечность тѣлъ со всѣми ихъ частями, молекулами, атомами, во всѣхъ ихъ отношеніяхъ и опредѣленностяхъ. Разумѣется, эта идеальная возможность не есть реальная возможность, которую можно было бы допустить для какого-либо эмпирическаго субъекта.

Подчеркивая идеальность возможностей, которые могутъ быть выведены въ отношеніи очевидности сужденія изъ логическихъ законовъ, и которые въ аподиктическихъ очевидностяхъ являются намъ а priori обязательными, мы никоимъ образомъ не думаемъ отрицать ихъ психологическую примѣнимость. Изъ закона, что изъ двухъ противорѣчащихъ положеній одно истинно, а другое ложно, мы выводимъ, напр., истину, что изъ пары возможныхъ противорѣчащихъ сужденій одно и только одно можетъ носить характеръ очевидности. Этотъ выводъ очевидно правомѣренъ, если опредѣлять очевидность, какъ переживаніе, въ которомъ сужающій сознаетъ правильность своего сужденія, т. е. его соотвѣтствіе съ истиной. Въ такомъ случаѣ новое положеніе высказываетъ истину о совмѣстимостяхъ или несовмѣстимостяхъ известныхъ психическихъ переживаній. Но въ этомъ смыслѣ и каждое чисто математическое положеніе говоритъ намъ о возможныхъ или невозможныхъ явленіяхъ въ области психическаго. Никакой эмпирической счетъ, никакой психическій актъ алгебраической трансформации или геометрической конструкціи, который противорѣчилъ бы идеальнымъ законамъ математики, невозможенъ. Такимъ образомъ, эти законы могутъ быть психологически использованы. Мы всегда можемъ выводять изъ нихъ а priori возможности и невозможности, относящіяся къ известнымъ видамъ психическихъ актовъ, актовъ численія, связыванія путемъ сложения, умноженія и т. д. Но въ силу этого сами эти законы еще не суть психологическія положенія. Задачей психологии, какъ естественной науки о психическихъ переживаніяхъ, является изслѣдованіе естественной обусловленности этихъ переживаній. Къ ея области относятся, стало быть, специально естественныя (каузальныя) отношенія математическихъ и логическихъ дѣйствій. Но ихъ идеальныя

отношения и законы образуют особую область. Область эта конституируется въ последнемъ счетѣ въ видѣ чисто родовыхъ положеній, построенныхъ изъ «понятій», которыя суть не классовыя понятія психическихъ актовъ, а идеи, имѣющія своей конкретной основой эти акты. Число три, истина, прозванная по имени Пифагора и т. п.—все это, какъ мы указывали, суть не эмпирическія единичности или классы единичностей, это—идеальные предметы, которые мы путемъ идеалии воспринимаемъ въ актѣ счисленія, очевиднаго сужденія и т. п.

Итакъ, по отношению къ очевидности единственной задачей психологии является изыскивать естественныя условія охватываемыхъ этимъ названіемъ переживаній, т. е. изслѣдовать реальныя связи, въ которыхъ по указанію нашего опыта возникаетъ и исчезаетъ очевидность. Въ число этихъ естественныхъ условій входитъ сосредоточеніе интереса, известная свѣжесть ума, упражненіе и т. п. Изслѣдованіе ихъ даетъ не познанія съ точнымъ содержаніемъ, не самоочевидныя общія положенія съ характеромъ подлинныхъ законовъ, а лишь неточныя эмпирическія общія положенія. Но очевидность сужденія зависитъ не только отъ психологическихъ условій, которыя мы можемъ также назвать внѣшними и эмпирическими, поскольку они основываются не исключительно на специфической формѣ и содержаніи сужденія, а на его эмпирической связи въ душевной жизни; эта очевидность зависитъ также отъ идеальныхъ условій. Каждая истина представляетъ собою идеальное единство въ отношеніи къ безконечному и неограниченному въ своей возможности многообразію правильныхъ высказываній той же самой формы и матеріи. Каждое актуальное сужденіе, принадлежащее къ этому идеальному многообразію, выполняетъ хотя бы только въ своей формѣ или въ своемъ содержаніи идеальныя условія возможности своей очевидности. Чисто логическіе законы суть истины, вытекающія изъ самого понятія истины и родственныя ему по существу понятій. Въ примѣненія же къ возможнымъ актамъ сужденія они, основываясь на одной только формѣ сужденія, высказываютъ идеальныя условія возможности или невозможности его очевидности. Изъ этихъ обоихъ видовъ условій очевидности одни связаны съ особой организацией видовъ психическихъ существъ, охватываемыхъ психологіей; ибо психологическая индукція не идетъ дальше опыта; другіе же, какъ идеально закономѣрные, обязательны для каждого возможнаго сознанія вообще.

### § 51. Решающіе пункты въ этомъ спорѣ.

Въ последнемъ счетѣ, окончательное разъясненіе и этого спора зависитъ прежде всего отъ правильнаго познанія самого основнаго гносеологическаго различія, а именно различія между реальнымъ и идеальнымъ, или отъ познанія всѣхъ тѣхъ различій, на которыя оно распадается. Это—не разъ подчеркнутыя различія между реальными и идеальными истинами, законами, науками, между реальными и идеальными (индивидуальными и специфическими) всеобщностями и единичностями и т. д. Правда, въ известной мѣрѣ всякій знаетъ эти различія, и даже такой крайній эмпиристъ, какъ Юмъ, проводитъ основное различіе между «relation of ideas» и «matters of fact»—то самое различіе, которому еще до него училъ великій идеалистъ Лейбницъ, отдѣляя *vérités de raison* отъ *vérités de fait*. Но провести гносеологически важное раздѣленіе еще не значитъ правильно понять его гносеологическую сущность. Надо ясно понять, что же такое есть это идеальное само по себѣ и въ его отношеніи къ реальному, какъ можетъ быть установлено соотношеніе между идеальнымъ и реальнымъ, какъ идеальное присуще реальному и познается въ немъ. Основной вопросъ заключается въ томъ, дѣйствительно ли идеальные объекты мышленія—выражаясь по современному—суть лишь указанія сокращенныхъ ради «экономіи мышленія» способонъ выраженія, которыя, будучи сведены къ собственному своему содержанію, распадаются на индивидуальныя единичныя переживанія, на представленія и сужденія о единичныхъ фактахъ; или же правъ идеалистъ, когда говоритъ, что эмпирическое ученіе, правда, можно высказывать въ видѣ туманнаго обобщенія, но нельзя продумать до конца; что каждое высказываніе, слѣдовательно, и каждое высказываніе, относящееся къ самому этому ученію, претендуетъ на смыслъ и значеніе, и что каждая попытка свести эти идеальныя единства къ реальнымъ единичностямъ приводитъ къ безвыходнымъ неясностямъ; что раздробленіе понятія на какой-нибудь объемъ единичностей безъ какого-либо понятія, которое придавало бы этому объему единство въ мышленіи, немислимо и т. д.

Съ другой стороны, пониманіе нашего различія реальной и идеальной «теоріи очевидности» предполагаетъ правильныя понятія очевидности и истины. Въ психологистической литературѣ нашихъ дней объ очевидности говорятъ такъ, какъ будто она есть

случайное чувство, появляющееся при известных суждениях, отсутствующее при других; въ лучшемъ случаѣ, что оно у людей вообще,—точно говоря, у каждого нормального человека, находящегося при нормальныхъ условіяхъ сужденія—связано съ одними сужденіями и не связано съ другими. Каждый нормальный человекъ при известныхъ нормальныхъ обстоятельствахъ ощущаетъ очевидность положенія  $2+1=1+2$ , какъ онъ ощущаетъ боль, когда обожжется. Правда тогда возникаетъ вопросъ, на чемъ же основывается авторитетность этого особаго ощущенія, какимъ образомъ послѣднее гарантируетъ истинность сужденія, налагаетъ на него «печать истины», «возвѣщаетъ» его истинность, или въ какихъ бы образахъ ни выражалась эта мысль. Хотелось также спросить, какъ можно точно опредѣлить туманныя слова о нормальныхъ способностяхъ и нормальныхъ обстоятельствахъ, и прежде всего указать на то, что даже при ссылкѣ на нормальность, объемъ очевидныхъ сужденій не совпадаетъ съ объемомъ сужденій, соответствующихъ истинѣ. Никто въ концѣ концовъ не станетъ отрицать, что и для нормального человека, высказывающаго сужденіе при нормальныхъ обстоятельствахъ, огромное большинство возможныхъ правильныхъ сужденій лишено очевидности. Но нельзя же понятие нормальности формулировать такъ, что ни одинъ человекъ, дѣйствительно существующій и возможный среди данныхъ ограниченныхъ природныхъ условій, не могъ быть названъ нормальнымъ.

Если эмпиризмъ вообще не понимаетъ отношенія между идеальнымъ и реальнымъ въ мышленіи, то онъ не понимаетъ и отношенія между истиной и очевидностью. Очевидность не есть акцессорное чувство, случайно или съ естественной закономерностью связанное съ известными сужденіями. Это вообще не есть психическій характеръ такого вида, который можно было бы просто прикрѣпить къ любому сужденію известнаго класса (напр., класса такъ называемыхъ истинныхъ сужденій); какъ будто психологическое содержаніе соответствующаго сужденія, рассматриваемаго само по себѣ, остается тождественнымъ, все равно, носитъ ли оно этотъ характеръ, или нѣтъ. Тутъ дѣло отнюдь не обстоитъ такъ, какъ мы обычно мыслимъ связь содержаній ощущеній и отношеній къ нимъ чувствъ: а именно, что два лица имѣютъ одинаковыя ощущенія, но разнo реагируютъ на нихъ въ чувствѣ. Очевидность же есть именно не что иное, какъ «переживаніе» истины. Истина переживается, конечно, только въ томъ смыслѣ, въ какомъ вообще можетъ быть пережито идеальное въ реальномъ актѣ. Другими сло-

вами: истина есть идея, единичный случай которой есть актуальное переживаніе въ очевидномъ сужденіи. Отсюда сравненіе съ зрѣніемъ, совершеніемъ, воспріятіемъ истины въ очевидности. И какъ въ области воспріятія невидимость чего-либо не означаетъ его небытія, такъ и отсутствіе очевидности не означаетъ неистинности. Истина относится къ очевидности аналогично тому, какъ бытіе чего-либо индивидуальнаго относится къ его адекватному воспріятію. Отношеніе же сужденія къ очевидному сужденію аналогично отношенію нагляднаго допущенія (въ качествѣ воспріятія, воспоминанія и т. п.) къ адекватному воспріятію. Наглядно представленное и принятое за сущее не только мыслится, но и присутствуетъ въ актѣ такъ, какъ оно въ немъ мыслится. Такъ и то, о чемъ судятъ, какъ объ очевидномъ, не только обсуждается, (то-есть мыслится въ сужденіи, высказываніи, утвержденіи), но и присутствуетъ въ самомъ переживаніи сужденія—присутствуетъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ можетъ «присутствовать» соотношеніе вещей того или иного значенія, смотря по его характеру, въ качествѣ единичнаго или общаго, эмпирическаго или идеальнаго и т. п. Переживаніе совпаденія мыслимаго съ присутствующимъ, пережитымъ, которое мыслится,—между пережитымъ смысломъ высказыванія и пережитымъ соотношеніемъ вещей—есть очевидность, а идея этого совпаденія—истина. Но идеальность истины образуетъ ея объективность. Что известная мысль въ данное время и въ данномъ мѣстѣ совпадаетъ съ пережитымъ соотношеніемъ вещей—есть не случайный фактъ. Отношеніе, наоборотъ, касается тождественнаго значенія сужденія и тождественнаго соотношенія вещей. «Истинность» или «предметность» (или же «неистинность», «безпредметность») присущи не высказыванію, какъ переживанію временному, а высказыванію in specie, (чистому и тождественному) высказыванію  $2 \times 2 = 4$  и т. п.

Только при этомъ пониманіи можно признать, что усмотрѣть въ очевидности сужденія U (т. е. сужденіе съ содержаніемъ, съ значеніемъ U) и усмотрѣть, что U истинно,—есть одно и то же. Соответственно этому мы имѣемъ также очевидность, что ничье очевидное постиженіе—поскольку оно дѣйствительно таково—не можетъ спорить съ нашимъ. Ибо это вѣдь означаетъ лишь, что то, что пережито нами, какъ истинное, тѣмъ самымъ и есть истинно, не можетъ быть ложно. Слѣдовательно, только при нашемъ пониманіи исключено то сомнѣніе, котораго не можетъ избѣжать пониманіе очевидности, какъ случайно примѣняннаго ощу-



ценія, и которое очевидно равняется полному скептицизму: именно, сомнѣніе въ томъ, не можетъ ли въ то время, какъ мы имѣемъ очевидность бытія *U*, кто-либо другой имѣть очевидность бытія чего-либо, очевидно несовмѣстимаго съ *U*, и не могутъ ли вообще встрѣчаться неустранимыя коллизіи между двумя сознаніями очевидности. Отсюда, далѣе, мы понимаемъ, почему «чувство» очевидности не можетъ имѣть никакого другого существеннаго предварительнаго условія, кромѣ истинности соответствующаго содержанія сужденія. Ибо, какъ само собою понятно, что гдѣ ничего нѣтъ, тамъ и видѣть нечего, такъ не менѣе понятно само собою, что тамъ, гдѣ нѣтъ истины, не можетъ быть и усмотрѣнія истиннаго, другими словами, тамъ нѣтъ и очевидности.

Однако, довольно объ этомъ. Что касается болѣе подробнаго анализа этихъ отношеній, то мы отсылаемъ къ соответствующимъ специальнымъ изслѣдованіямъ въ дальнѣйшихъ частяхъ этого труда.

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

### Принципъ экономіи мышленія и логика.

#### § 52. Введеніе.

Въ близкомъ родствѣ съ психологизмомъ, опроверженіемъ котораго мы занимались до сихъ поръ, стоитъ другая форма эмпиристическаго обоснованія логики и гносеологии, особенно сильно распространившаяся за послѣдніе годы: это—биологическое обоснованіе логики и гносеологии посредствомъ принципа наименьшей затраты силы, какъ у Авенариуса, или принципа экономіи мышленія, какъ это называетъ Махъ. Что это направленіе въ концѣ концовъ впадаетъ въ психологизмъ, яснѣе всего видно изъ «Психологін» Корнелиуса. Тутъ вышеупомянутой принципъ открыто излагается, какъ «основной законъ разума» и одновременно какъ «всеобщій психологическій основной законъ»<sup>1)</sup>. Психологія (и въ частности психологія процессовъ познанія), построенная на этомъ основномъ законѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ должна дать основу для философіи вообще<sup>2)</sup>.

Мнѣ кажется, что въ этихъ теоріяхъ экономіи мышленія исполнѣе правомѣрныя и при соответствующемъ ограниченіи весьма плодотворныя мысли получаютъ такое примѣненіе, которое, въ случаѣ всеобщаго признанія, означало бы гибель всякой истинной логики и теоріи познанія, съ одной стороны, и психологін—съ другой<sup>3)</sup>.

Мы изслѣдуемъ сначала характеръ принципа Маха-Авенариуса,

<sup>1)</sup> Н. Cornelius, Psychologie, S. 82 и 86.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 8—9 („Methode und Stellung der Psychologie“).

<sup>3)</sup> Отрицательное отношеніе къ одной изъ главныхъ тенденцій философіи Авенариуса, которое мнѣ приходится развить въ этой главѣ, не препятствуетъ мнѣ высоко цѣнить безвременно скончавшагося изслѣдователя, какъ и глубокую серьезность его научныхъ трудовъ.

какъ принципа телеологическаго приспособленія; затѣмъ мы опредѣлимъ цѣнное въ его содержаніи и правомѣрные цѣли вытекающихъ отсюда изслѣдованій въ области психической антропологии и практическаго ученія о знаніи; въ заключеніе мы докажемъ неспособность его оказать какую либо помощь въ дѣлѣ обоснованія психологии, и прежде всего—чистой логики и теории познанія.

§ 53. *Телеологическій характеръ принципа Маха-Авенариуса и научное значеніе экономики мышленія* <sup>1)</sup>).

Какъ бы ни формулировать этотъ принципъ, онъ носитъ характеръ принципа развитія или приспособленія; наука понимается тутъ, какъ наиболѣе цѣлесообразное (экономическое, сберегающее силу) приспособленіе мыслей къ различнымъ областямъ явленій.

Въ предисловіи къ своему произведенію, посвященному этому принципу, Авенариусъ излагаетъ его слѣдующимъ образомъ: «Измѣненіе, которое вноситъ душа въ свои представленія, когда присоединяются новыя впечатлѣнія, есть возможно меньшее». И далѣе: «но поскольку душа подчинена условіямъ органическаго существованія и вытекающимъ изъ нихъ требованіямъ цѣлесообразности, указанный принципъ становится принципомъ развитія: душа употребляетъ для апперцепціи не болѣе силы, чѣмъ надобно, и изъ множества возможныхъ апперцепцій отдаетъ предпочтеніе той, которая производитъ ту же работу съ меньшей затратой силъ, или съ той же затратой силъ производитъ болѣеую работу; при благоприятствующихъ условіяхъ душа даже предпочитаетъ меньшей въ данный моментъ затратѣ силъ, которая, однако, связана съ меньшимъ размѣромъ дѣйствія или съ меньшей длительностью дѣйствія, временно большее напряженіе силъ, общающее гораздо больше, или болѣе длительное дѣйствіе».

Большая отвлеченность, которая получается у Авенариуса изъ за введенія понятія апперцепціи, въ виду обширности этого понятія и бѣдности его содержанія куплена дорогой цѣною. Махъ

<sup>1)</sup> После того, какъ терминъ Маха «экономика мышленія» получилъ всеобщее право гражданства, мнѣ надѣясь, по крайней мѣрѣ, на продолженіе слѣдующихъ страницъ, позволено будетъ удобное словообразованіе «экономика мышленія» для обозначенія научной совокупности изслѣдованій въ области экономикъ мышленія.

<sup>2)</sup> R. Avenarius. Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmasses. Prolegomena zu einer Kritik der reinen Erfahrung. Leipzig 1876. S. III f.

справедливо ставить на первое мѣсто то, что у Авенариуса является результатомъ обстоятельныхъ и, въ цѣломъ, довольно сомнительныхъ дедукцій: а именно, что наука создаетъ возможно болѣе полную ориентировку въ соответствующихъ областяхъ опыта, возможно болѣе экономное приспособленіе нашихъ мыслей къ нимъ. Впрочемъ, онъ не любитъ (и опять таки совершенно справедливо) говорить о принципѣ, а предпочитаетъ говорить просто объ «экономической природѣ» научнаго изслѣдованія, объ «экономизирующемъ мышленіи дѣйствій» понятій, формулъ, теорій, методовъ и т. под.

Итакъ въ этомъ принципѣ дѣло идетъ не о принципѣ въ смыслѣ рациональной теоріи, не о точномъ законѣ, который былъ бы способенъ функционировать, какъ основаніе рациональнаго объясненія, но объ одной изъ тѣхъ цѣнныхъ телеологическихъ точекъ зрѣнія, которая въ биологическихъ наукахъ вообще очень полезна, и всѣ примыкаютъ къ общей идеѣ развитія.

Отношеніе къ самосохраненію и сохраненію рода тутъ, вѣдь, ясно видно. Дѣйствія животнаго опредѣляются представленіями и сужденіями. Еслибы послѣднія были недостаточно приспособлены къ теченію событій, то прошедшій опытъ не могъ бы быть использованъ, новое не было бы предвидимо, средства и цѣли не стояли бы въ надлежащемъ соотношеніи; и если бы такъ было по меньшей мѣрѣ, въ среднемъ, въ кругу жизни соответственныхъ индивидовъ и въ отношеніи къ угрожающимъ имъ опасностямъ или благоприятнымъ для нихъ выгодамъ—то сохраненіе было бы невозможно. Существо челоѣкоподобнаго вида, которое переживало бы содержанія ощущеній, но не совершало бы никакихъ ассоціацій, не приобретало бы привычекъ къ представленіямъ,—т. е. существо, которое было бы неспособно предметно толковать содержанія, воспринимать внѣшнія вещи и событія, по привычкѣ ожидая ихъ или снова представлять ихъ въ воспоминаніи, и которое во всѣхъ этихъ актахъ опыта не было бы увѣрено въ близкѣйшемъ успѣхѣ—какъ могло бы оно сохранить существованіе? Уже Юмъ въ этомъ смыслѣ говорилъ «о нѣкотораго рода предопредѣленной гармоніи между теченіемъ явленій природы и слѣдованіемъ нашихъ идей» <sup>1)</sup>, а современное ученіе о развитіи склонно развивать далѣе эту точку зрѣнія и изучитъ въ деталяхъ соответствующія телеологическія черты духовной организаціи. Эта

<sup>1)</sup> Hume, An Enquiry concerning Human Understanding Sect. V. part. II (Essays, ed. Green a. Grose, Vol. II. p. 46).

точка зрѣнія несомнѣнно столь же плодотворна для психической биологии, сколь плодотворной она уже давно оказывалась для физической биологии.

Разумѣется, ей подчинена область не только слѣпного, но и логического, научнаго мышления. Преимущество человека есть разумъ. Человѣкъ есть не только вообще существо, которое приспосабливается къ своимъ вѣншимъ условіямъ черезъ посредство представлений и сужденій; онъ также мыслить и предодлѣваетъ посредствомъ понятія узкіе предѣлы нагляднаго. Въ отвлеченномъ познаніи онъ доходитъ до строгихъ каузальныхъ законовъ, которые позволяютъ ему въ несравненно большемъ объемѣ и съ несравненно большей увѣренностью, чѣмъ это было бы возможно въ иномъ случаѣ, предвидѣть ходъ будущихъ явленій, возсоздавать течение прошедшихъ, высчитать напередъ возможные дѣйствія окружающихъ вещей и подчинять ихъ себѣ на практикѣ. «Science d'où prevoyance, prevoyance d'où action» — мѣтко говоритъ Контъ. Сколько бы страданій ни причиняло, и далеко не рѣдко, одностороннее преувеличенное стремленіе къ познанію отдѣльнаго изслѣдователя, — въ концѣ концовъ его плоды, сокровища науки, все же служатъ на пользу всего человѣчества.

Въ вышесказанномъ не было еще и рѣчи объ экономіи мышленія. Но эта мысль тотчасъ же напрашивается, какъ только мы точнѣе сообразимъ, чего требуетъ идея приспособленія. Какое либо существо очевидно организовано тѣмъ болѣе цѣлесообразно т. е. тѣмъ лучше приспособлено къ условіямъ своей жизни, чѣмъ быстрѣе и съ чѣмъ меньшей затратой силъ оно можетъ каждый разъ выполнять дѣйствія, необходимыя или благоприятныя для его развитія. Въ случаѣ какихъ либо (обыкновенно принадлежащихъ къ извѣстной сферѣ и выступающихъ только въ извѣстные промежутки времени) вредныхъ или полезныхъ явленій, оно будетъ тѣмъ скорѣе готово къ оборонѣ или наступленію, будетъ имѣть успѣхъ, и у него останется тѣмъ болѣе запасной силы, чтобы противостоятъ новымъ опасностямъ или реализовать новыя выгоды. Разумѣется, тутъ дѣло идетъ о неясныхъ, только грубо согласованныхъ между собой и оцѣниваемыхъ нами отношеніяхъ, но все же это — отношенія, о которыхъ можно съ достаточной опредѣленностью говорить, и обсужденіе которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ извѣстныхъ областей, слѣдуетъ считать въ общемъ весьма поучительными.

Это несомнѣнно примѣнимо къ области умственной работы.

Разъ признано, что она способствуетъ самосохраненію, то ее можно разсматривать съ экономической точки зрѣнія и оцѣнивать телеологически соотвѣтственные дѣйствія, фактически осуществляемые человѣкомъ. Можно также, такъ сказать, а priori представить извѣстныя совершенства, какъ соотвѣствующія экономіи мышленія, и затѣмъ показать, что они реализуются въ формахъ и путяхъ процесса нашего мышленія — либо во всякомъ мышленіи вообще, либо въ болѣе развитыхъ умахъ и въ методахъ научнаго изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ здѣсь открывается область обширныхъ, благодарныхъ и поучительныхъ изслѣдованій. Область психического есть вѣдь частичная область биологии, и, слѣдовательно, въ ней возможны не только абстрактно-психологическія изслѣдованія, которыя, на подобіе физики, направлены на элементарную законотѣрность, но и конкретно-психологическія и, въ частности, телеологическія изслѣдованія. Изъ послѣднихъ составляется психическая антропология, какъ необходимая спутница физической; онѣ разсматриваютъ человѣка въ средѣ общей жизни человѣчества и, далѣе, въ совокупности всей земной жизни.

§ 54. *Болѣе подробное изложеніе правомѣрныхъ цѣлей экономики мышленія, главнымъ образомъ, въ сферѣ чисто дедуктивной методикѣ. Отношеніе ихъ къ логическому тѣматическому ученію.*

Спеціально въ примѣненіи къ наукѣ, точка зрѣнія экономіи мышленія можетъ дать значительные результаты, она можетъ бросить яркій свѣтъ на антропологическія основанія различныхъ методовъ изслѣдованія. Болѣе того, нѣкоторые изъ самыхъ плодотворныхъ методовъ, характерныхъ для наиболѣе передовыхъ наукъ, могутъ быть удовлетворительно поняты только въ связи съ особенностями нашей психической организаціи. Очень хорошо по этому поводу говоритъ Махъ: «Кто занимается математикой, не проситъ въ означенномъ направленіи, тотъ долженъ часто испытывать непріятное впечатлѣніе, будто карандашъ и бумага умнѣе его самого»<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> E. Mach. Die Mechanik in ihrer Entwicklung (1883) S. 460 (Русск. пер. Г. Котляра: Э. Махъ. Механика. Спб. 1909). Это мѣсто заслуживаетъ быть приведеннымъ цѣликомъ. Далѣе говорится: „Такого рода занятія математикой, въ качествѣ предмета преподаванія, врядъ ли дадутъ для образованія болѣе, чѣмъ занятія кабалой или мистическими квадратами. Въ результатѣ неизбежна мистическая тенденція, которая при случаѣ приноситъ свои плоды“.

Необходимо обратить здѣсь вниманіе на слѣдующее. Если сообразить, какъ ограничены интеллектуальныя силы человѣка и, далѣе, какъ узка та сфера, внутри которой находятся еще вполне доступныя пониманію усложненія абстрактныхъ понятій, и какъ трудно даже одно только пониманіе такихъ своеобразно сочетающихся усложненій; если, далѣе, рассудить, какъ мы подобнымъ же образомъ ограничены въ самомъ уразумѣніи смысла умѣреннаго сложнаго связей между положеніями и еще болѣе—въ дѣйствительномъ и самоочевидномъ осуществленіи даже умѣренно сложныхъ дедукцій; наконецъ, если принять во вниманіе, какъ ничтожна а fortiori сфера, въ которой первоначально можетъ вращаться активное, вполне ясное, повсюду бьющееся съ самою мыслью изслѣдованіе,—если сообразить все это, то надо изумляться, какъ вообще могли создаться болѣе обширныя рациональныя теоріи и науки. Такъ, напр., серьезная проблема лежитъ въ томъ, какъ возможны математическія дисциплины, въ которыхъ съ величайшей свободой движутся не относительно простыя мысли, а цѣлыя груды мыслей и тысячекратно переплетенныя другъ съ другомъ связи мыслей, и гдѣ изслѣдованіе создаетъ все усложняющіяся сочетанія ихъ.

Это дѣлаетъ искусство и методъ. Они продолжаютъ несовершенство нашей духовной организаціи и позволяютъ намъ косвенно посредствомъ символическихъ процессовъ, при отсутствіи наглядности, прямого уразумѣнія и очевидности, выводить результаты, которые вполне вѣрны, ибо разъ навсегда гарантированы общимъ обоснованіемъ правильности метода. Всѣ относящіеся сюда искусственные приемы (которые имѣются въ виду, когда рѣчь идетъ о методѣ вообще) носятъ характеръ приемовъ экономіи мышленія. Они исторически и индивидуально вырастаютъ изъ извѣстныхъ естественныхъ процессовъ экономіи мышленія, причемъ изслѣдователь въ практически-логическомъ мышленіи уясняетъ ихъ преимущества, вполне сознательно совершенствуетъ ихъ, искусственно связываетъ и создаетъ аналогичные, болѣе усложненные, но несравненно болѣе дѣйствительные механизмы мышленія. Слѣдовательно, путемъ очевиднаго уясненія и постоянно сообразуясь съ особенностями нашей духовной организаціи <sup>1)</sup> люди, прокладываящіе пути въ наукѣ, изыскиваютъ методы, общую правотворность которыхъ они устанавливаютъ разъ

<sup>1)</sup> Разумѣется, это не означаетъ: при помощи научной психологии.

навсегда. Разъ это слѣдано, эти методы могутъ въ каждомъ данномъ отдѣльномъ случаѣ примѣняться и безъ сознанія очевидности, такъ сказать, механически; объективная правильность результата обезпечена.

Это широкое сведеніе самоочевидныхъ процессовъ мышленія на механическіе, посредствомъ коего огромныя области несущественныхъ прямымъ путемъ задачъ мышленія преодолѣваются косвеннымъ путемъ, покоится на психологической природѣ значно-символическаго мышленія. Оно играетъ неизмѣримо большую роль не только для построения слѣпыхъ механизмовъ—на манеръ ариметическихъ предписаній для четырехъ дѣйствій, и для высшихъ операций съ десятичными числами, гдѣ результатъ (иногда при помощи логарифмическихъ таблицъ, тригонометрическихъ функцій и т. п.) получается безъ всякаго содѣйствія уясняющаго мышленія—но и въ связяхъ уясняющаго изслѣдованія и доказыванія. Сюда относится, напр., достопочтительное усвоеніе всѣхъ чисто математическихъ понятій, въ силу котораго, особенно въ ариметикѣ, общіе ариметическіе знаки сперва употребляются въ смыслѣ первоначальнаго опредѣленія, какъ знаки соотвѣствующихъ числовыхъ понятій, а затѣмъ функціонируютъ уже, какъ чисто операционные знаки, именно, какъ знаки, значеніе которыхъ опредѣляется исключительно вѣншими формами операций; каждый изъ нихъ получаетъ значеніе просто чего-либо, чѣмъ въ этихъ опредѣленныхъ формахъ можно пользоваться на бумагѣ извѣстнымъ способомъ <sup>1)</sup>. Эти замѣняющія операционныя понятія, благодаря которымъ знаки превращаются въ своего рода игральныя марки, имѣютъ рѣшающее и исключительное значеніе въ самыхъ далекихъ этапахъ ариметическаго мышленія и даже изслѣдованія. Они означаютъ огромное облегченіе его, они переносятъ его съ тяжело доступныхъ высотъ абстракціи на удобный путь нагляднаго представленія, гдѣ руководимое самоочевидностью воображеніе въ предѣлахъ правилъ можетъ дѣйствовать свободно и съ относительно

<sup>1)</sup> Если вмѣсто вѣншихъ формъ операций взять, такъ сказать, внутреннія, если понимать знаки въ смыслѣ «какихъ-либо объектовъ мышленія», которые находятся въ «извѣстныхъ» отношеніяхъ, допускаютъ «извѣстные» сочетанія, но лишь такъ, что къ нимъ примѣнны, и именно въ соотвѣствующемъ формальномъ смыслѣ, законы операций и отношеній:  $a+b=b+a$  и т. п.—то вырастаетъ новый рядъ понятій. Это—рядъ, ведущій къ «формальному» обобщенію первоначальныхъ дисциплинъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить въ текстѣ.

небольшими усилиями, приближительно такъ, какъ въ играхъ, основанныхъ на правилахъ.

Въ связи съ этимъ можно бы указать и на то, какъ въ чисто математическихъ дисциплинахъ экономизирующее мысленное сведение настоящего мышления къ замѣняющему его, значному, сначала совершенно незамѣтно, даетъ поводъ къ формальнымъ обобщениямъ первоначальныхъ рядовъ мыслей и даже наукъ и какъ такимъ путемъ, почти безъ всякой спеціально на это направленной работы ума, вырастаютъ дедуктивныя дисциплины съ бесконечно расширеннымъ горизонтомъ. Изъ аримететики, которая первоначально была учениемъ о совокупностяхъ и величинахъ, возникаетъ такимъ образомъ и въ извѣстномъ смыслѣ сама собою обобщенная, формальная арифметика, въ отношеніи которой совокупности и величины суть только случайные объекты примѣненія, а уже не основныя понятія. И когда здѣсь привступаютъ вплоть сознательное размышление, вырастаетъ въ качествѣ дальнѣйшаго расширения чистое учение о многообразіи, которое по формѣ охватываетъ всѣ возможные дедуктивныя системы, и для котораго даже система формъ формальной арифметики есть только единичный случай.<sup>1)</sup>

Анализъ этихъ и сходныхъ типовъ методовъ и законченное выясненіе того, что они могутъ дать, представляетъ собою, быть можетъ, прекраснѣйшее и во всякомъ случаѣ менѣе всего обработанное поле для теоріи науки, въ особенности для столь важной и поучительной теоріи дедуктивной (въ общирнѣйшемъ смыслѣ математической) методики. Одними общими мѣстами, одними лишь туманными словами о замѣстительной функціи знаковъ, о оберегающихъ силу механизмахъ и т. п. дѣло, разумѣется, не можетъ кончиться; необходимы повсюду глубокие анализы, нужно дѣйствительно произвести изслѣдованіе каждаго типически различнаго метода и показать его экономическое дѣйствіе, наряду съ точнымъ выясненіемъ этого дѣйствія.

Если повяты ясно смыслъ поставленной здѣсь задачи, то и подлежащія рѣшенію проблемы экономіи мышления въ донаучномъ и внѣнаучномъ мышленіи получаютъ новое осмысленіе и новую форму. Извѣстнаго приспособленія къ вѣстной природѣ требуетъ самосохраненіе; оно требуетъ, сказали мы, способности въ извѣстномъ мѣрѣ правильно судить о вещахъ, предвидѣть теченіе событий, правильно раздѣлывать причинныя связи и т. п. Но дѣйствитель-

ное познаніе всего этого — если вообще осуществляется — то осуществляется только въ наукахъ. А какъ могли бы мы практически правильно судить и умозаключать безъ сознанія очевидности, которое въ цѣломъ можетъ дать только наука, даръ немногихъ? Практическимъ потребностямъ донаучной жизни служатъ, вѣдь, нѣкоторые очень сложные и плодотворные методы — вспомнимъ хотя бы десятичную системѣ. Если они не открыты съ сознаніемъ ихъ очевидности, а выросли естественнымъ путемъ, то возникаетъ вопросъ, какъ возможно нѣчто подобное, какъ слѣно механическія операціи въ конечномъ выводѣ могутъ совпадать съ тѣмъ, чего требуетъ сознаніе очевидности.

Соображенія, вродѣ намѣченныхъ выше, укажутъ намъ путь. Чтобы выяснить телеологию донаучныхъ и внѣнаучныхъ методовъ, необходимо прежде всего посредствомъ точнаго анализа соответствующихъ связей представленій и сужденій, какъ и дѣйствующихъ тенденцій, установить фактическую сторону, психологическій механизмъ соответствующаго способа мышления. Дѣйствіе послѣдняго въ направленіи экономіи мышления обнаруживается черезъ доказательство, что этотъ способъ можетъ быть обоснованъ косвенно и логически съ очевидностью, т. е. что его результаты — съ необходимостью или съ извѣстной, не слишкомъ малой вѣроятностью — должны совпадать съ истиною. Наконецъ, чтобы не пришлось считать естественное возникновеніе экономизирующаго мышленія аппарата чудомъ (или, что то же, результатомъ творческаго акта общечеловѣческаго разума), необходимо заняться тщательнымъ анализомъ естественныхъ и господствующихъ мотивовъ и условій представленія у средняго человѣка, (а также у диавра, животнаго и т. д.) и на основѣ этого показать, какъ могъ и долженъ былъ «самъ собою» развиться изъ чисто природныхъ основаній такого рода плодотворный способъ<sup>1)</sup>.

Этимъ выяснена исполнѣ, по моему мнѣнію, правомѣрная и плодотворная идея экономіи мышления и обозначены въ общихъ чертахъ проблемы, которыя ей предстоитъ разрѣшить и главныя

<sup>1)</sup> Нѣтъ болѣе удобнаго примѣра для выясненія сущности подлежащихъ рѣшенію и выше протомъ намѣченныхъ задачъ, какъ естественный рядъ чиселъ. Именно потому, что онъ казался мнѣ столь поучительнымъ, я чрезвычайно подробно обсудилъ его въ XII главѣ моей „Философіи арифметики“ (Philosophie der Arithmetik, I, 1891) и притомъ такъ, что это обсужденіе можетъ служить типической иллюстраціей способа, какъ, на мой взглядъ, должны вестись такого рода изслѣдованія.

<sup>1)</sup> Ср. кое что объ этомъ въ главѣ XI, §§ 69 и 70, стр. 216 и слѣд.

направления, по которым она должна идти. Ея отношеніе къ логикѣ, въ практическомъ смыслѣ, техническаго ученія о научномъ познаніи, понятно само собой. Очевидно, она представляетъ важную основу этого технического ученія, ибо она оказываетъ существенную помощь для созданія идеи техническихъ методовъ человѣческаго познанія, для полезнаго специализированія такихъ методовъ, а также для выведенія правилъ ихъ отбѣлки и открытія.

§ 55. *Экономика мышленія не имѣетъ значенія для чистой логики и ученія о познаніи. Ея отношеніе къ психології.*

Поскольку эти мысли совпадаютъ съ ученіемъ Р. Авенариуса и Э. Маха, разогласія между нами нѣтъ, и я съ радостью присоединяюсь къ нимъ. Я, дѣйствительно, убѣжденъ, что въ особенности трудамъ Э. Маха по исторіи методологій мы, обязанны многимъ въ смыслѣ логическаго поученія даже и тамъ, гдѣ не всецѣло можно (или совершенно нельзя) согласиться съ его выводами. Къ сожалѣнію, Махъ не затронулъ именно тѣхъ, какъ бы мнѣ казалось, наиболѣе плодотворныхъ проблемъ дедуктивной экономики мышленія, которыя я выше пытался сформулировать хотя и кратко, но, надѣюсь, достаточно опредѣленно. И что онъ этого не сдѣлалъ, это, по крайней мѣрѣ, отчасти объясняется гносеологическими искаженіями, которыя онъ счелъ возможнымъ ввести въ свои изслѣдованія. Но именно съ этимъ и связано особенно сильное дѣйствіе работъ Маха. Съ этой стороны его идеи сходятся также съ мыслями Авенариуса; и это же заставляетъ меня здѣсь выступить противъ него.

Ученіе Маха объ экономіи мышленія, какъ и ученіе Авенариуса о наименьшей затратѣ силъ, относится, какъ мы видѣли, къ известнымъ биологическимъ фактамъ, и въ конечномъ счетѣ представляетъ отрасль ученія о развитіи. Отсюда само собою понятно, что упомянутыя изслѣдованія могутъ, правда, пролить свѣтъ на практическое ученіе о познаніи, на методологію научнаго изслѣдованія, но отнюдь не на чистое ученіе о познаніи, въ частности, не на идеальные законы чистой логики. Съ другой стороны, сочиненія школы Маха-Авенариуса, повидимому, имѣютъ въ виду именно теорію познанія съ обоснованіемъ въ смыслѣ экономіи мышленія. Противъ плодотворнаго пониманія и употребленія экономики мышленія, разумѣется, обращается весь этотъ арсеналъ возраженій, которыя приведены нами выше противъ психофизиологизма

и релятивизма. Обоснованіе ученія о познаніи въ смыслѣ экономіи мышленія въ концѣ концовъ, вѣдь, возвращаетъ насъ къ психофизиологическому обоснованію, такъ что нѣтъ надобности ни повторять, ни специально приспосабливать къ этому ученію наши аргументы.

У Корнелиуса нагромождаются очевидныя несомѣстимости въ силу того, что онъ беретъ вывести изъ телеологическаго принципа психической антропологіи элементарные факты психології, которые въ свою очередь являются предположеніемъ для выведенія самого этого принципа, и что онъ дѣлаетъ стремится къ гносеологическому обоснованію философін вообще посредствомъ психології. Я напоминаю, что этотъ такъ называемый принципъ менѣе всего есть завершающій объясненіе рациональный принципъ: онъ есть просто обобщеніе комплекса фактовъ приспособленія,—комплекса, который—въ идеаль—требуетъ окончательнаго сведенія на элементарные факты и элементарные законы, все равно, сможемъ ли мы когда-либо достичь этого или нѣтъ.

Обоснованіе психології на телеологическихъ принципахъ, принимаемыхъ за «основные законы», съ цѣлью объяснить посредствомъ нихъ различныя психическія функціи, не можетъ содѣйствовать развитію психології. Несомнѣнно поучительно показать телеологическое значеніе психическихъ функцій и важнѣйшихъ психическихъ продуктовъ, т. е. показать въ деталяхъ, какъ и посредствомъ чего фактически образуются комплексы психическихъ элементовъ обладаютъ тѣмъ свойствомъ полезности для самосохраненія, котораго мы ожидаемъ а priori. Но выставляя первично данныя элементы «необходимыми слѣдствіями» этихъ принциповъ, при томъ такъ, что создается видимость дѣйствительнаго объясненія и, сверхъ того, дѣлать это въ связи научнаго изложенія, посвященнаго, главнымъ образомъ, уясненію послѣднихъ основъ психології—это можетъ привести только къ путаницѣ.

Психологическій или гносеологическій законъ, который говорить о стремленіи произвести возможно большую работу въ томъ или иномъ направленіи, есть бессмыслица. Въ чистой сферѣ фактовъ не существуетъ «возможно большаго», въ сферѣ закономерности не существуетъ стремленія. Въ психологическомъ смыслѣ въ каждомъ случаѣ происходитъ нѣчто опредѣленное, ровно столько-то и не больше.

Фактическая сторона принципа экономіи сводится къ тому, что существуютъ представленія, сужденія и иные переживанія мышленія, и въ связи съ ними также чувства, которыя въ формѣ

удовольствия содѣйствуютъ извѣстнымъ интеллектуальнымъ тенденціямъ, въ формѣ же неудовольствия отталкиваютъ отъ нихъ. Далѣе можно констатировать въ общемъ, грубомъ и цѣломъ прогрессирующей процессъ образованія представлений и сужденій, причѣмъ изъ элементовъ, первоначально лишенныхъ значенія, прежде всего образуются отдѣльныя данныя опыта, а затѣмъ эти данныя сливаются въ одно болѣе или менѣе упорядоченное единство опыта. По психологическимъ законамъ на основѣ грубо согласующихся первыхъ психическихъ коллокацій возникаетъ представление единого, общаго для насъ всѣхъ міра и слѣвая эмпирическая вѣра въ его существованіе. Но нельзя упускать изъ виду, что этотъ міръ не для каждого тотъ же самый, онъ таковъ только въ общемъ и цѣломъ, лишь настолько, чтобы практически была въ достаточной мѣрѣ дана возможность общихъ представлений и дѣйствій. Міръ не одинаковъ для простаго челоука и для научнаго изслѣдователя; для перваго міръ есть свѣзъ приближительной правильности, пронизанная тысячами случайностей, для втораго міръ есть природа, въ которой всюду и вездѣ господствуетъ абсолютно строгая закономерность.

Несомнѣнно имѣть большое научное значеніе показать психологическіе пути и средства, съ помощью которыхъ развивается и устанавливается эта достоячая для потребностей практической жизни (потребностей самосохраненія) идея міра, какъ предмета опыта; далѣе, показать психологическіе пути и средства, съ помощью которыхъ въ умахъ отдѣльныхъ изслѣдователей и цѣлыхъ поколѣній изслѣдователей образуется объективно адекватная идея строгого закономернаго единства опыта съ его непрестанно обогащающимся научнымъ содержаніемъ. Но съ гносеологической точки зрѣнія все это изслѣдованіе не имѣетъ значенія. Въ лучшемъ случаѣ она можетъ оказаться полезной для теоріи познанія косвенно; а именно, для цѣлей критики гносеологическихъ предразсудковъ, въ которыхъ вѣдь все сводится къ психологическимъ мотивамъ. Вопросъ не въ томъ, какъ возникаетъ опытъ, наивный или научный, а въ томъ, какое содержаніе онъ долженъ имѣть, чтобы быть объективно правильнымъ опытомъ; вопросъ въ томъ, каковы <sup>идеальные</sup> идеальные элементы и законы, на которыхъ основывается эта объективная обязательность реальнаго познанія (и въ болѣе общей формѣ, всякаго познанія вообще), и какъ собственно надо понимать это ихъ дѣйствіе. Другими словами: мы интересуемся не возникновѣніемъ и измѣненіемъ представленія о мірѣ, а объектив-

нымъ правомъ, съ которымъ научное представленіе о мірѣ противопоставляетъ себя всякому другому и въ силу котораго оно утверждается съ о й мірѣ, какъ объективно-истинный. Психологія стремится уяснить образованіе представлений о мірѣ; наука о мірѣ (какъ совокупность различныхъ реальныхъ наукъ) стремится съ очевидностью познать, что существуетъ реально, какъ истинный и дѣйствительный міръ; теорія же познанія ищетъ съ очевидностью постигнуть, что въ объективно-идеальномъ смыслѣ создаетъ возможность достовѣрнаго познанія реальнаго и возможность науки и познанія вообще.

§ 56. *Продолженіе.* "Утѣрен прѣтерон обоснованія чисто логического черезъ экономическую мысленія.

Видимость, будто въ лицѣ принципа сбереженія мы имѣемъ дѣло съ гносеологическимъ или психологическимъ принципомъ, обуславливается, главнымъ образомъ, смѣшеніемъ фактически даннаго съ логически идеальнымъ, которое незамѣтно подставляется вмѣсто него. Мы съ очевидностью признаемъ высшей цѣлью и идеально-правомѣрной тенденціей всякаго объясненія, выходящаго за предѣлы простаго описанія, чтобы оно подчинило «слѣные» сами по себѣ факты возможно болѣе общимъ законамъ и въ этомъ смыслѣ возможно болѣе рационально объединяло ихъ. Здѣсь исполтъ ясно, что означаетъ это «возможно болѣе» «объединяющее» дѣйствіе: это есть идеалъ всеобъемлющей и всепостигающей рациональности. Если все фактическое подчинено законамъ, то должна имѣться минимальная совокупность возможно болѣе общихъ и дедуктивно независимыхъ другъ отъ друга законовъ, къ которымъ чисто дедуктивнымъ путемъ сводятся всѣ остальные законы. Тогда эти «основные законы» суть именно указаніе возможно болѣе объемлюще и плодотворные законы, ихъ познаніе доставляетъ абсолютно наибольшее разумѣніе данной области и позволяетъ объяснять въ ней все, что вообще поддается объясненію (примеч., впрочемъ, въ идеалѣ предполагается безграничная способность къ дедукціи и подчиненію). Такъ, геометрическія аксіомы объясняютъ или объемлютъ, въ качествѣ основныхъ законовъ, совокупность пространственныхъ фактовъ, они съ очевидностью сводятъ каждую общую пространственную истину (иными словами, каждую геометрическую истину) къ ея послѣднимъ основаніямъ.

Эту цѣль, или этотъ принципъ возможно болѣе рациональности мы, слѣдовательно, познаемъ съ очевидностью, какъ высшую

цѣль рациональных наукъ. Ясно, что познание болѣе общихъ законовъ есть дѣйствительно нѣчто лучшее, чѣмъ познание тѣхъ законовъ, которыми мы уже обладаемъ, ибо подводить насъ къ болѣе глубокимъ и болѣе объемлющимъ основаціямъ. Но это, очевидно, есть не биологическій принципъ и не принципъ экономіи мышления, а наоборотъ, чисто идеальный и въдобавокъ нормативный принципъ. Онъ никоимъ образомъ не можетъ быть сведенъ на факты психической жизни или общественной жизни чело-  
 вѣчества, или истолкованъ въ смыслѣ такихъ фактовъ. Отождествлять тенденцію возможно болѣе рациональнаго мышления съ биологической тенденціею къ приспособленію, или выводить первую изъ второй, и затѣмъ еще возлагать на нее функцію основной психической силы—это есть такое скопленіе заблужденій, къ которому приближаются только психологистическія искаженія логическихъ законовъ и пониманіе ихъ, какъ естественныхъ законовъ. Сказать, что наша психическая жизнь фактически управляется этимъ принципомъ—это и здѣсь противорѣчить явной истинѣ; наше фактическое мышление именно не протекаетъ согласно съ идеалами—какъ будто идеалы вообще были чѣмъ то продѣль силъ природы.

Идеальная тенденція логическаго мышления, какъ такового, направлена въ сторону рациональности. Сторонникъ экономіи мышления дѣлаетъ изъ нея всеобъемлющую реальную тенденцію чело-  
 вѣческаго мышления, обосновываетъ ее на неопредѣленномъ принципѣ сбереженія силъ и, въ конечномъ счетѣ, на приспособленіи; и при этомъ онъ воображаетъ, что уяснилъ норму, въ силу которой мы должны рационально мыслить и вообще установили объективную цѣнность и смыслъ рациональной науки. Разумѣется, можно съ полнымъ правомъ говорить объ экономіи въ мышленіи, о сберегающемъ мышленіи «включеніи» фактовъ въ общія положенія, и низшихъ обобщеній—въ высшія и т. п. Но это право-  
 вѣрно лишь при сравненіи фактическаго мышленія съ уясненной идеальной нормою, которая, такимъ образомъ, есть прѣтеръ тѣ фактовъ. Идеальное значеніе нормы есть и предпосылка всякой осмысленной рѣчи объ экономіи мышленія, слѣдовательно, оно отнюдь не есть возможный результатъ, выведенный изъ ученія объ этій экономіи. Мы изыскаемъ эмпирическое мышленіе идеальнымъ и констатируемъ, что первое въ нѣкоторомъ объемѣ фактически протекаетъ такъ, какъ будто оно ясно руководилось идеальными принципами. Соотвѣственно этому, мы справедливо говоримъ о естественной телеологіи нашей духовной организаціи, какъ

о такомъ ея устройствѣ, въ силу котораго процессъ нашего представленія и сужденія протекаетъ въ общемъ и цѣломъ (именно въ размѣрѣ, достаточномъ для средняго содѣйствія жизни) такъ, какъ будто онъ регулируется логикой. Исключая немногіе случаи дѣйствительно самодостовѣрнаго мышленія, наше мышленіе не содержитъ въ себѣ самосъ обезпеченія своей логической правильности, оно само не обладаетъ самоочевидностію и не упорядочено цѣлесообразно косвеннымъ путемъ—черезъ предшествовавшую самоочевидностъ. Но фактически ему свойственна нѣкоторая каущаяся рациональность, оно таково, что мы, исходя изъ идеи экономіи мышленія и размысливъ о путяхъ эмпирическаго мышленія, можемъ съ очевидностію показывать, что подобныя пути мышленія должны вообще давать результаты, совпадающіе въ грубомъ приближеніи съ строго логическими выводами, о чѣмъ мы и говорили выше.

Утѣшев прѣтеръ здѣсь ясно. Еще до всякой экономіи мышленія мы должны знать идеалъ, мы должны знать, къ чему въ идеалѣ стремится наука, чѣмъ являются и что даютъ въ идеалѣ закономерныя связи, основныя законы и производныя законы,—и только тогда мы можемъ изложить и оцѣнить сберегающую мышленіе функцію ихъ познанія. Правда, еще до научнаго изслѣдованія этихъ идей у насъ есть нѣкоторыя смутныя понятія о нихъ, такъ что объ экономіи мышленія можетъ идти рѣчь и до построенія науки чистой логики. Но положеніе дѣлъ этимъ по существу не измѣняется; сама по себѣ чистая логика предшествуетъ всякой экономіи мышленія, и остается нѣлпностію основывать первую на послѣдней.

Сюда присоединяется еще одно. Само собой разумѣется, что и всякое научное объясненіе и пониманіе протекаетъ согласно психологическимъ законамъ и въ направленіи экономіи мышленія. Но ошибочно предполагать, что этимъ стирается различіе между логическимъ и естественнымъ мышленіемъ, и что научную дѣятельность ума можно представлять, какъ простое «продолженіе» слѣпой естественной дѣятельности. Конечно, можно, хотя и не совсѣмъ безопасно, говорить о «естественныхъ», какъ и о логическихъ «теоріяхъ». Но тогда нельзя упускать изъ виду, что логическая теорія въ истинномъ смыслѣ отнюдь не совершаетъ того же, что естественная теорія, только съ нѣсколькой болѣе интенсивностію; у нея не та же цѣль или, вѣрнѣе: она имѣетъ цѣль, въ «естественную» же «теорію» мы только привносимъ цѣль. Какъ указано выше, мы имѣаемъ извѣстные естественные (и это означать здѣсь: не обладающіе очевидностію) процессы мышленія ло-



гическими теоріями, которымъ однимъ лишь по праву принадле-  
житъ это названіе, и называемъ первые естественными теоріями и  
лишь потому, что они даютъ такіе психологическіе результаты,  
которые таковы, какъ если бы они возникли изъ логически са-  
моочевиднаго мышленія и дѣйствительно были теоріями. Но, называ-  
я ихъ такъ, мы произвольно впадаемъ въ ту ошибку, что припи-  
сываемъ этимъ «естественнымъ» теоріямъ существенныя особен-  
ности дѣйствительныхъ теорій, и, такъ сказать, приносимъ въ  
нихъ подлинно теоретическій элементъ. Пусть эти подобія теорій  
въ качествѣ психическихъ процессовъ и обладаютъ какимъ угодно  
сходствомъ съ дѣйствительными теоріями; но все же они въ корнѣ  
отличны отъ нихъ. Логическая теорія есть теорія въ силу господ-  
ствующей въ ней идеальной связи необходимости, между тѣмъ  
какъ то, что здѣсь называется естественною теоріей, есть потокъ  
случайныхъ представленій или убѣжденій, безъ самоочевидной  
связи, безъ связующей силы, но обладающей на практикѣ средней  
полезностью, какъ будто въ основѣ его лежитъ что-то вродѣ теоріи.

Заблужденія этого направленія проистекаютъ въ конечномъ  
счетѣ изъ того, что его представители—какъ и психологи—во-  
обще—заинтересованы только познаніемъ эмпирической стороны  
науки. Они до известной степени за деревьями не видятъ лѣса.  
Они трудятся надъ проблемой науки, какъ біологическаго явленія,  
и не замѣчаютъ, что она даже совсѣмъ и не затрагиваетъ гносео-  
логической проблемы науки, какъ идеальнаго единства объектив-  
ной истины. Прежнюю теорію познанія, которая еще видѣла въ  
идеальномъ проблему, они считаютъ заблужденіемъ, которое лишь  
въ одномъ смыслѣ можетъ быть достойнымъ предметомъ научной  
работы: именно, для доказательства его функціи относителъ-  
наго сбереженія мышленія низшей ступени развитія философій.  
Но чѣмъ больше такая отдѣлка основныхъ гносеологическихъ про-  
блемъ и направленій грозитъ стать философскою модой, тѣмъ силь-  
нѣе должно возстать противъ нея трезвое изслѣдованіе, и тѣмъ  
болѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо—посредствомъ возможно болѣе  
многосторонняго обсужденія спорныхъ принципиальныхъ вопросовъ  
и въ особенности посредствомъ возможно болѣе глубокаго анализа  
принципіально различныхъ направленій мышленія въ сферахъ  
реальнаго и идеальнаго—продолжитъ путь тому самоочевидному  
усуенію, которое есть необходимое условіе для окончательнаго  
обоснованія философій. Предлагаемый трудъ разсчитываетъ хотя  
немного содѣйствовать этому.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

### Заключеніе критическихъ изслѣдованій.

§ 57. *Сомнѣнія, вызываемыя возможнымъ неправильнымъ истол-  
кованіемъ нашихъ логическихъ идей.*

Наше изслѣдованіе до сихъ поръ носило, главнымъ образомъ,  
критическій характеръ. Мы полагаемъ, что показали несостоятель-  
ность всякой формы эмпиристической или психологистической ло-  
гики. Набогѣ существенныя основы логики, въ смыслѣ научной  
методологіи, лежатъ внѣ психологіи. Идея «чистой логики», какъ  
теоретической науки, независимой отъ всякой эмпиріи, слѣдова-  
тельно, и отъ психологіи,—науки, которая одна лишь и дѣлаетъ  
возможной технологію научнаго познанія (логику въ обычномъ  
теоретически-практическомъ смыслѣ), должна быть признана право-  
мѣрной; и надлежитъ серьезно приняться за неустранимую задачу  
ея построенія во всей ея самостоятельности. Должны ли мы удо-  
вольствоваться этими выводами, можемъ ли надѣяться, что они бу-  
дутъ признаны подлинными выводами? Итакъ, логика нашего времени,  
эта увѣренная въ своихъ успѣхахъ, обрабатываемая столь выдаю-  
щимися изслѣдователями и пользующаяся общераспространеннымъ  
признаніемъ наука, трудилась напрасно, пойдя по невѣрному  
пути? <sup>1)</sup> Врядъ ли это будетъ допущено. Пусть идеалистическая

<sup>1)</sup> Если О. Кюльпе (Введеніе въ философію 1897, стр. 44 нѣм. изд.: русск. пер. 2 изд. стр. 47) говоритъ о логикѣ, что она „безъ сомнѣнія есть не только одна изъ наиболѣе развитыхъ философскихъ дисциплинъ, но и одна изъ наиболѣе прочныхъ и законченныхъ“, то это, можетъ быть, и вѣрно; но отъ нея научную прочность и законченность логики не получившемуся у меня представленію о ней, я принужденъ былъ бы считать это также указаніемъ на низкій уровень научной философій нашего времени. Къ этому я присоединилъ бы вопросъ: нельзя ли постепенно положить ко-

критика и создается при разборѣ принципиальныхъ вопросовъ нѣкоторое жуткое чувство; но большинству достаточно будетъ только бросить взглядъ на гордый рядъ выдающихся произведеній отъ Милля до Эрдмана, чтобы колеблющееся добріе было опять восстановлено. Скажутъ себѣ: должны же быть средства какъ-нибудь справиться съ аргументами и согласовать ихъ съ содержаниемъ науки, находящейся въ вѣтвущемъ состояніи, а если нѣтъ,

нечъ этому печальному положенію дѣла, направить всю энергію научнаго мышленія на разрѣшеніе подлжащихъ ясной формулировкѣ и несомнѣнно разрѣшимыхъ проблемъ, сколь бы ограниченными, прозвучными и даже совершенно неинтересными онѣ ни казались? Но это касается, какъ это ясно само собой, прежде всего чьей логики и ученія о познаніи. Точной и вѣрной, сдѣланной разъ навсегда работы здѣсь сдѣлано съ избыткомъ. Надо только воспользоваться ею. Видѣ и „точные науки“ (къ нимъ, навѣрное, когда-нибудь будутъ причислены и названные дисциплины) обязаны всѣмъ своимъ величіемъ той скромности, съ которой онѣ охотно берутся за самое ничтожное или, пользуясь знакомымъ выраженіемъ, „сосредоточиваютъ всю свою силу на самомъ маломъ пунктѣ“. Ничтожныя, съ точки зрѣнія дѣла, начинанія, лишь бы они были бесспорны, оказываются въ нихъ всегда основой могущественнаго прогресса. Это настроеніе, правда, проявляется теперь всюду въ философіи; но, какъ мнѣ пришлось увидѣть, въ должномъ направленіи, а именно такъ, что наибольшая научная энергія направлена на психологию—на психологию, какъ объясняющую естественную науку, въ которой философія заинтересована не больше и не иначе, чѣмъ въ наукахъ о физическихъ явленіяхъ. Именно этого, однако, и не хотѣтъ допустить; и въ отношеніи психологическаго обоснованія философскихъ дисциплинъ говорить даже, о достигнутыхъ великихъ успѣхахъ. Не малая часть этихъ утвержденій относится къ логикѣ. Возвращеніе, которое недавно формулировалъ Эльзенганъ (Elsenhans), пользуется, если я не ошибаюсь, большимъ распространеніемъ. „Если современная логика съ возрастающимъ успѣхомъ трактуетъ логическія проблемы, то она этимъ обязана прежде всего психологическому углубленію въ свой предметъ“ (Zeitschrift für Philosophie, Bd. 109 (1896) S. 203). По всей вѣроятности, и я, до того, какъ я принялся за эти изслѣдованія, и до усненія тѣхъ непреодолимыхъ трудностей въ которыя я былъ вовлеченъ психологической точкой зрѣнія въ философіи математики, сказали бы совершенно то же самое. Но теперь, когда по вполне яснымъ основаніямъ я могу видѣть ошибочность этого взгляда, я хотя и радуюсь многообразному развитію научной психологии и пытаю къ ней живѣйшій интересъ, но не жду отъ нея собственно философскихъ разъясненій. Но чтобы не быть ложно понятымъ, я долженъ здѣсь же добавить, что я дѣлаю исключеніе для описательной феноменологии внутренняго опыта, которая лежитъ въ основѣ психологии и одновременно, совершенно инымъ образомъ, въ основѣ критики познанія. Это ясно обнаружится во второй части предлагаемаго произведенія.

то тутъ все сводится, вѣроятно, лишь къ гносеологической переоцѣнкѣ науки,—переоцѣнкѣ, которая, пожалуй, не лишена важности, но не можетъ имѣть революціоннаго дѣйствія и уничтожить существенное содержаніе науки. Въ крайнемъ случаѣ, придется кое-что формулировать точнѣе, соответствующимъ образомъ ограничить отдѣльные неосторожныя разсужденія или видоизмѣнить порядокъ изслѣдованій. Быть можетъ, дѣйствительно, стоитъ тщательно составить нѣсколько чисто-логическихъ разсужденій логическаго техническаго ученія. Такого рода мыслями могъ бы удовлетвориться тотъ, кто ощущаетъ силу идеалистической аргументаціи, но не обладаетъ необходимымъ мужествомъ послѣдовательности.

Впрочемъ, радикальное преобразование, которому необходимо должна подвергнуться логика при нашемъ пониманіи, еще и потому будетъ встрѣчено антипатіей и недоверіемъ, что оно легко, особенно при поверхностномъ разсмотрѣніи, можетъ показаться чистой реакціей. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи содержанія нашихъ анализомъ должно стать яснымъ, что ничего подобнаго не имѣлось въ виду, что мы примыкаемъ къ правомѣрнымъ тенденціямъ прежней философіи не для того, чтобы возстановить традиціонную логику; но врядъ ли мы можемъ надѣяться такими указаніями преодолѣть все недоверіе и предупредить искаженіе нашихъ намѣреній.

§ 58. *Точки соприкосновенія съ великими мыслителями прошлаго и, прежде всего, съ Кантомъ.*

При господствующихъ предрассудкахъ не можетъ послужить намъ опорой и то, что мы можемъ сослаться на авторитетъ великихъ мыслителей, какъ Кантъ, Герbartъ и Лотце и еще до нихъ Лейбницъ. Скорѣе это можетъ даже еще усилить недоверіе къ намъ.

Мы возвращаемся въ самыхъ общихъ чертахъ къ Кантову дѣленію логики на чистую и прикладную. Мы, дѣйствительно, можемъ согласиться съ наиболее яркими его сужденіями по этому вопросу. Конечно, только съ соответствующими оговорками. Напр., мы не примемъ, разумеется, тѣхъ запутывающихъ многочисленныхъ понятій, которыя такъ любить и примѣняетъ также и къ данному разграниченію Кантъ,—я имѣю въ виду понятія разсудка (Verstand) и разума (Vernunft),—я не признаваю въ нихъ душевныхъ способностей въ подлинномъ смыслѣ. Разсудокъ или разумъ, какъ способ-

ности къ известному нормальному мышлению, предполагать въ своемъ понятіи чистую логику—которая, вѣдь, и опредѣляетъ нормальное—такъ что, серьезно ссылаясь на нихъ, мы получили бы не болѣе объясненіе, чѣмъ если бы въ аналогичныхъ случаяхъ захотѣли объяснить искусство танцевъ посредствомъ танцевальной способности (т. е. способности искусно танцевать), искусство живописи посредствомъ способности къ живописи и т. д. Термины разсудокъ и разумъ мы беремъ, наоборотъ, просто какъ указанія на направление въ сторону «формы мышления» и ея идеальныхъ законовъ, по которому должна пойти логика въ противоположность эмпирической психологіи познания. Итакъ, съ такими ограниченіями, толкованіями, болѣе точными опредѣленіями мы и чувствуемъ себя близкими къ ученію Канта.

Но не должно ли это самое согласіе компрометтировать наше пониманіе логики? Чистая логика (которая одна только собственно и есть наука) по Канту должна быть краткой и сухой, какъ этого требуетъ школьное изложеніе элементарнаго ученія о разсудкѣ<sup>1)</sup> Всякій знаетъ изданныя Еще (Jäsche) лекціи Канта, и знаетъ, въ какой опасной мѣрѣ онѣ соответствуютъ этому характерному требованію. Значитъ, эта несказанно тощая логика можетъ стать образцомъ, къ которому мы должны стремиться? Никто не захочетъ утруждать себя разборомъ мысли о сведеніи науки на положеніе аристотелевско-схоластической логики. А къ этому, повидимому, клонится дѣло, ибо самъ Кантъ учитъ, что логика со временъ Аристотеля носитъ характеръ законченной науки. Схоластическое плетеніе силлогистики, предшествующее нѣсколькими торжественно изложенными опредѣленіями понятій, есть не особенно заманчивая перспектива.

Мы, конечно, могли бы отнѣстись: мы чувствуемъ себя ближе къ Кантову пониманію логики, чѣмъ къ пониманію Милля или Зигварта, но это не означаетъ, что мы одобряемъ все содержаніе его логики и ту опредѣленную форму, въ которой Кантъ развилъ свою идею чистой логики. Мы согласны съ Кантомъ въ главной тенденціи, но мы не думаемъ, что онъ ясно прозрѣлъ сущность задуманной дисциплины и сумѣлъ въ ея изложеніи учесть ея надлежащее содержаніе.

# § 59. Точки соприкосновенія съ Герbartомъ и Лотце.

Впрочемъ, ближе, чѣмъ Кантъ, къ намъ стоитъ Герbartъ, и главнымъ образомъ потому, что у него рѣзче подчеркнуты и привлечены къ различію чисто логическаго отъ психологическаго кардинальные пункты, который въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, играетъ рѣшающую роль, а именно объективность «понятія», т. е. представленія въ чисто логическомъ смыслѣ.

«Всякое мыслимое, — говоритъ онъ въ своемъ главномъ психологическомъ произведеніи<sup>1)</sup>, — рассматриваемое исключительно съ стороны его качества, въ логическомъ смыслѣ есть понятіе». При этомъ «ничто не приходится на долю мыслящаго субъекта, такому только въ психологическомъ смыслѣ можно приписывать понятія, тогда какъ внѣ этого смысла понятіе человека, треугольника и т. д. не принадлежитъ никому въ отдаленности. Вообще въ логическомъ значеніи каждое понятіе дано только въ единственномъ числѣ; что не могло бы быть, еслибы число понятій увеличивалось вмѣстѣ съ числомъ представляющихъ ихъ субъектовъ или даже съ числомъ различныхъ актовъ мышленія, въ которыхъ съ психологической точки зрѣнія совпадаетъ и проявляется понятіе». — «Entia прежней философіи даже еще у Вольфа, — читаемъ мы (въ томъ же параграфѣ), — суть не что иное, какъ понятія въ логическомъ смыслѣ... Сюда же относятся и старое положеніе: *essentiae rerum sunt immutabiles*. Оно означаетъ не что иное, какъ что понятія суть нѣчто совершенно вѣчное; это истинно для нихъ во всѣхъ ихъ логическихъ отношеніяхъ; поэтому такъ же истинны и остаются истинными и составленныя изъ нихъ научныя положенія и умозаключенія, они истинны для древнихъ и для насъ, на землѣ и въ небесахъ. Но понятія въ этомъ смыслѣ, образуя общее знаніе для всѣхъ людей и временъ, не суть что либо психологическое... Въ психологическомъ смыслѣ понятіе есть то представленіе, которое имѣетъ своимъ представляемымъ понятіе въ логическомъ значеніи или посредствомъ котораго послѣднее (имѣющее быть представленнымъ) дѣйствительно представляется. Въ этомъ смыслѣ каждый имѣетъ свои понятія для себя; Архимедъ изслѣдовалъ свое

<sup>1)</sup> «Критика чистаго разума». Введеніе въ трансценд. логику I WW. Hartenstein. В III S. 83. (Русск. пер. Н. О. Лоссаго, Спб. 1907, стр. 63).

<sup>1)</sup> Herbart, Psychologie als Wissenschaft, II, § 120 (Orig. S. 175).

«собственное понятие о кругах, и Ньютон—тоже свое; это были въ психологическомъ смыслѣ два понятія, между тѣмъ какъ въ логическомъ смыслѣ для всѣхъ математиковъ существовать только одно».

Сходныя разсужденія мы находимъ во 2 отдѣлѣ учебника «Введение въ философію». Первое же положеніе гласитъ <sup>1)</sup>: «Всѣ наши мысли могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ; отчасти, какъ дѣятельность нашего духа, отчасти въ отношеніи того, что мыслится посредствомъ нихъ. Въ послѣднемъ отношеніи ихъ называютъ понятіями, и это слово, означая понятие, велитъ намъ отвлечься отъ способа, которымъ мы воспринимаемъ, производимъ или воспроизводимъ мысль». Въ § 35 Гербартъ отрицаетъ, что два понятія могутъ быть совершенно одинаковы; ибо они «не различались бы въ отношеніи того, что мыслится посредствомъ нихъ, они, слѣдовательно, вообще не различались бы, какъ понятія. За то мышленіе одного и того же понятія можетъ быть много разъ повторено, воспроизведено и вызвано при весьма различныхъ случаяхъ, безъ того, чтобы понятіе изъ-за этого стало многократнымъ». Въ примѣчаніи онъ приглашаетъ хорошо запомнить, что понятія не суть ни реальныя предметы, ни дѣйствительныя акты мышленія. Последнее заблужденіе дѣйствуетъ еще теперь; потому многіе считаютъ логику естественною исторіей разсудка и предполагаютъ, что познаютъ въ ней его прирожденные законы и формы мышленія, вслѣдствіе чего искажается психологія».

«Можно—говорится въ другомъ мѣстѣ <sup>2)</sup>, — если это представляется необходимымъ, доказать, посредствомъ полной индукціи, что ни одно изъ всѣхъ неопоримо принадлежащихъ къ чистой логикѣ ученій, отъ противопоставленія и подчиненія понятій до цѣпей умозаключеній, не предполагаетъ ничего психологическаго. Вся чистая логика имѣетъ дѣло съ отношеніями мыслей, съ содержаніемъ нашихъ представленій (хотя и не спеціально съ самимъ этимъ содержаніемъ); но нигдѣ съ дѣятельностью мышленія, нигдѣ съ психологической, слѣдовательно, метафизической возможностью послѣдняго. Только прикладная логика, какъ и прикладная этика, нуждается въ психологическихъ знаніяхъ; именно поскольку долженъ быть обсужденъ со стороны сво-

ихъ свойствъ матеріалъ, который хотятъ сформировать согласно даннымъ предписаніямъ».

Въ этомъ направленіи мы находимъ не мало поучительныхъ и важныхъ разсужденій, которыя современная логика скорѣе отодвинула въ сторону, тѣмъ серьезно обесудила. Но и эта наша близость къ Гербарту не должна быть ложно истолкована. Меньше всего подъ ней подразумѣвается возвратъ къ идеѣ и способу изложенія логики, предосиновившимъ Гербарту, и столь выдающимся образомъ осуществленные его почтеннымъ ученикомъ Дробишемъ.

Конечно, Гербартъ имѣетъ большія заслуги, особенно въ вышеприведенномъ пунктѣ, въ указаніи на идеальность понятія. Уже самая выработка имъ своего понятія о понятіи составляетъ немалую заслугу, все равно, согласимся ли мы съ его терминологіей или нѣтъ. Съ другой стороны, однако, Гербартъ, какъ мнѣ кажется, не пошелъ дальше единичныхъ и не совсѣмъ продуманныхъ намековъ, и нѣкоторыми невѣрными и, къ сожалѣнію, весьма вліятельными своими идеями совершенно испортилъ свои лучшія намѣренія.

Вредно было уже то, что Гербартъ не замѣтилъ основныхъ эквивокацій въ такихъ словахъ, какъ содержаніе, представляемое, мыслимое, въ силу чего они съ одной стороны означаютъ идеальное, тождественное содержаніе значенія соответствующихъ выраженій, а съ другой—представляемый въ каждомъ данномъ случаѣ предметъ. Единственнаго уясняющаго слова въ опредѣленіи понятія о понятіи Гербартъ, насколько я вижу, не сказалъ, а именно, что понятіе или представленіе въ логическомъ смыслѣ есть не что иное, какъ тождественное значеніе соответствующихъ выраженій.

Но важнѣе иное, основное упущеніе Гербарта. Онъ видитъ сущность идеальности логическаго понятія въ его нормативности. Этимъ у него искажается смыслъ истинной и настоящей идеальности, единства значенія въ разсѣянномъ многообразіи переживаній. Теряется именно основной смыслъ идеальности, который предполагаетъ непродолимо пропасть между идеальнымъ и реальнымъ, и подставляемый вмѣсто него смыслъ нормативности запутываетъ основныя логическія воззрѣнія <sup>3)</sup>. Въ ближайшей связи съ этимъ стоитъ вѣра Гербарта въ спасительность установленной

<sup>1)</sup> Herbart, Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie<sup>6</sup>, § 34, S. 77.

<sup>2)</sup> Psychologie als Wissenschaft, § 119 (Originalausg. II, s. 174).

<sup>3)</sup> Ср. относительно этого главы о единствѣ вида во II части.

нимъ формулы, противопоставляющей логику, какъ мораль мышленія—психологию, какъ естественной исторіи разума<sup>2)</sup>. О чистой, теоретической наукѣ, которая кроется за этой моралью (какъ и за моралью въ обычномъ смыслѣ), онъ не имѣетъ представленія, и еще менѣе—объ объемѣ и естественныхъ границахъ этой науки и о тѣсномъ единствѣ ея съ чистой математикой. И въ этомъ отношеніи справедливъ упрекъ, дѣлаемый логикѣ Гербарта, именно, что она блѣдна совершенно такъ же, какъ логика Канта и аристотелевская схоластическая логика, хотя она и превосходитъ ихъ въ другомъ отношеніи, въ силу той привычки къ самодѣтельному и точному изслѣдованію, которую она усвоила себѣ въ своемъ узкомъ кругу. И, наконецъ, также въ связи съ вышеупомянутымъ основнымъ упущеніемъ стоитъ заблужденіе гербартской теоріи познанія, которая оказывается совершенно неспособной рѣшить столь глубокомысленную съ виду проблему гармоніи между субъективнымъ процессомъ логическаго мышленія и реальнымъ процессомъ внѣшней дѣйствительности и увидѣть въ ней то, что она есть и въ качествѣ чего мы ее покажемъ повдѣе, именно—возникшую изъ неясности мысли мнимую проблему.

Все это относится также къ логикамъ Гербартовой школы, въ частности и къ Лотце, который воспринялъ нѣкоторыя мысли Гербарта, съ большой проникательностью продумалъ и оригинально продолжилъ ихъ. Мы обязаны ему многимъ; но, къ сожалѣнію, его прекрасныя намѣренія уничтожаются гербартовскимъ смѣшеніемъ, такъ сказать, платоновской и нормативной идеальности. Его крупный логическій трудъ, какъ ни богатъ онъ въ высшей степени замѣчательными идеями, достоинствами этого глубокаго мыслителя, становится въ силу этого дисгармонической поэмсью психологистической и чистой логики<sup>3)</sup>.

#### § 60. Точки соприкосновенія съ Лейбницемъ.

Среди великихъ философовъ прошлаго, съ которыми насъ сближаетъ наше пониманіе логики, мы навали выше также и

<sup>2)</sup> Herbart, Lehrbuch der Psychologie<sup>2</sup>, § 180, S. 127 der Sonderausgabe. 1882 (русск. пер. Гербартъ, Психологія, пер. А. Нечаева, Спб. 1895, стр. 222).

<sup>3)</sup> Въ слѣдующей части мы будемъ имѣть случай заняться критическимъ разборомъ гносеологическихъ ученій Лотце, въ особенности главы о реальномъ и формальномъ значеніи логическаго.

Лейбница. Къ нему мы стоимъ сравнительно ближе всего. И съ логическимъ убѣжденіемъ Гербарта мы лишь постольку ближе, чѣмъ къ воззрѣніямъ Канта, поскольку онъ, въ противоположность Канту, возобновилъ идеи Лейбница. Но, конечно, Гербартъ оказался не въ состояніи даже приблизительно исчерпать все то хорошее, что можно найти у Лейбница. Онъ остался далеко позади великихъ, объединявшихъ математику и логику концепцій могучаго мыслителя. Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ концепціяхъ, которыя особенно симпатичны и близки намъ.

Движущій мотивъ при зарожденіи новой философіи, идея усовершенствованія и преобразованія наукъ, заставляетъ и Лейбница неустанно работать надъ реформированіемъ логики. Но онъ глядитъ на схоластическую логику прозорливѣе, чѣмъ его предшественники, и вмѣсто того, чтобы осудить ее, какъ наборъ пустыхъ формулъ, считаетъ ее цѣнной ступенью къ истинной логикѣ, способною, несмотря на свое несовершенство, дать мышленію дѣйствительную помощь. Дальѣйшее развитіе ея въ дисциплину съ математической формою и точностью, въ универсальную математику въ высшемъ и всеобъемлющемъ смыслѣ—вотъ цѣль, которой онъ постоянно посвящаетъ свои усилія.

Я слѣдую здѣсь указаніямъ Nouveaux Essais, I, IV, ch. XVII, Ср., напр., § 4, Opp. phil. Erdm. 395<sup>a</sup>, гдѣ ученіе о силлогистическихъ формахъ, расширенное до совершенно общаго ученія объ «arguments en forme», обозначается, какъ «une espèce de Mathématique universelle, dont l'importance n'est pas assez connue» («родъ универсальной математики, важность которой недостаточно известна»). «Il faut savoir—говорится тамъ,—que par les arguments en forme je n'entends pas seulement cette manière scolastique d'argumenter, dont on se sert dans les collèges, mais tout raisonnement qui conclut par la force de la forme et où l'on n'a besoin de suppléer aucun article; de sorte qu'un sorites, un autre tissu de syllogisme qui évite la répétition, même un compte bien dressé, un calcul d'Algèbre, une analyse des infinitésimales me seront à peu près des arguments en forme, puisque leur forme de raisonner a été prédémontrée, en sorte qu'on est sûr de ne s'y point tromper» («Подъ «аргументомъ формы» я разумѣю не только схоластическій способъ аргументированія, который примѣняется въ школахъ, но всякое рассужденіе, умозаключающее на основаніи формы и не имѣющее надобности въ какихъ бы то ни было до-

полнениях. Таким образом, сорить или иное силлогистическое построение, избегающее повторения, даже хорошо составленный счет, алгебраическое вычисление, анализ бесконечно малых, представляются мнѣ приблизительно аргументами формы, ибо форма рассуждения въ нихъ предуказана такъ, что мы увѣрены въ безошибочности рассуждения»). Сфера разумемой здѣсь *Mathématique universelle*, слѣдовательно, много обширнѣе сферы логического счисления, надъ конструкціей котораго много трудился Лейбницъ, такъ и не справившись съ ней до конца. Собственно Лейбницъ долженъ былъ бы разумѣть подъ этой общей математикою всю *Mathesis universalis* въ обычномъ количественномъ смыслѣ (которая составляетъ по Лейбницу понятіе *Mathesis universalis* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ), тѣмъ болѣе, что онъ вообще часто обозначаетъ математическіе аргументы, какъ «*argumenta in forma*». Сюда же должна была бы относиться и *Ars combinatoria seu Speciosa generalis, seu doctrina de formis abstracta*: («Теорія соединений или общее учение о видахъ или абстрактная доктрина о формахъ») (ср. математическія сочиненія въ изданіи Pertz'a Bd. VII. Стр. 24, 49 и слѣд., 54, 159, 205 и сл.), которая образуетъ основную часть *Mathesis universalis* въ болѣе обширномъ, но не въ вышеуказанномъ наиболѣе обширномъ смыслѣ, между тѣмъ какъ эта послѣдняя разлагается отъ логики въ качествѣ подчиненной области. Особенно интересную для насъ «*Ars combinatoria*» Лейбницъ формулируетъ такъ же, VII. Стр. 61, какъ «*doctrina de formulis seu ordinis, similitudinis, relationis etc. expressio in universum*» («доктрина о формулахъ или общихъ выраженіяхъ порядка, сходства, отношенія и т. д.»). Онъ противопоставляетъ ее, какъ *scientia generalis de qualitate* (общее учение о качествахъ), общей математикѣ въ обычномъ смыслѣ, *scientia generalis de quantitate* (общему учению о количествахъ). Ср. по этому поводу цѣнное мѣсто въ соч. Лейбница (Gerhardt's Ausgabe Bd. VII. S. 297): «Теорія соединений, по моему, есть спеціально наука [ее можно называть также вообще характеристикой или учениемъ о видахъ (*speciosa*)], которая трактуетъ о формахъ вещей или общихъ формулахъ (т. е. о качествахъ, какъ о родовомъ, или о подобномъ и неподобномъ, о томъ, напр., какъ возникаютъ все новыя формулы изъ сочетанія между собой а, b, c... (которые представляютъ собою количества или что-нибудь иное). Эта наука отличается отъ алгебры, которая занимается формулами, имѣющими отношеніе къ количеству или равноту и не-

равноту. Такимъ образомъ, алгебра подчинена теоріи соединений и неперестанно пользуется ея правилами, которыя представляются гораздо болѣе общими и находятъ себѣ примѣненіе не только въ алгебрѣ, но и въ искусствѣ дешифрированія, въ разнаго рода играхъ, въ самой геометріи, трактуемой по старому обычаю, какъ наука о линіяхъ и, наконецъ, всюду, гдѣ имѣетъ мѣсто отношеніе подобія».

Интуиція Лейбница, такъ далеко опережающія его время, представляются знатку современной «формальной» математики и математической логики точно определенными и въ высокой степени поразительными. Последнее относится, что я особенно подчеркиваю, также къ отрывкамъ Лейбница о *scientia generalis* или *calculus ratiocinator*, въ которыхъ Тренделенбургъ со своей элегантною, но поверхностною критикой вчиталъ столь мало цѣннаго (*Historische Beiträge zur Philosophie*, Bd. II).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лейбницъ неоднократно ясно подчеркиваетъ необходимость присоединить къ логикѣ математическую теорію вѣроятностей. Онъ требуетъ отъ математиковъ анализа проблемъ, скрывающихся въ азартныхъ играхъ, и ждетъ отъ этого болшихъ успѣховъ для эмпирическаго мышленія и логической критики послѣдняго<sup>1)</sup>. Словомъ, Лейбницъ въ гениальной интуиціи предвидѣлъ грандіозныя пріобрѣтенія, сдѣланныя логикой со временъ Аристотеля—теорію вѣроятностей и совершившій лишь во второй половинѣ этого столѣтія математическій анализъ (силлогистическихъ и несиллогистическихъ) умозаключеній. Въ своей *Ars Combinatoria* онъ является также духовнымъ отцомъ чистаго ученія о многообразіи, этой, блиско стоящей къ чистой логикѣ и даже связанной съ нею дисциплины. (Ср. ниже §§ 69 и 70).

Во всемъ этомъ Лейбницъ стоитъ на почвѣ той идеи чистой логики, которую мы здѣсь защищаемъ. Дальше всего онъ былъ отъ мысли, что существенныя основы плодотворнаго искусства познанія могутъ находиться въ психологіи. Онъ, по Лейбницу, совершенно апіорны. Они конституируютъ, вѣдь, дисциплину съ математическою формою, которая, совершенно на подобіе, напр., чистой аримететики, заключаетъ сама въ себѣ приваженіе къ регулированію познанія<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Ср., напр., *Nouv. Ess. L. IV, ch. XVI § 5*, *Opp. phil. Erdm.* стр. 388 и сл.; *L. IV, ch. I, § 14*, стр. 343. Ср. также отрывки о *scientia generalis*, стр. 84, 86 и т. д.

<sup>2)</sup> Такъ, напр., по Лейбницу *Mathesis universalis* съ чисто логическимъ изслѣдованіемъ.

§ 61. *Необходимость детальных исследований, для гносеологического оправдания и частичного осуществления идеи чистой логики.*

Однако, авторитет Лейбница будет иметь еще меньше силы, чѣмъ авторитетъ Канта или Гербарта, тѣмъ болѣе, что Лейбницу не удалось осуществить свои великіе замыслы. Онъ принадлежить къ прошедшей эпохѣ, относительно которой современная наука считаетъ себя ушедшей далеко впередъ. Авторитеты вообще не имѣютъ большого вѣса, когда идутъ противъ широко развитой, мною плодотворной и укрѣпившейся науки. И дѣйствіе ихъ должно быть тѣмъ меньше, что у нихъ нельзя найти точно высеченнаго и позитивно построеннаго понятія соотвѣтствующей дисциплины. Ясно, что, если мы не хотимъ остановиться на полпути и осудить наши критическія размышленія на безплодность, то мы должны ваять на себя задачу построить идею чистой логики на достаточно широкомъ основаніи. Только если въ содержательныхъ детальныхъ исследованияхъ мы дадимъ болѣе точно очерченное представленіе о содержаніи и характерѣ ея существенныхъ проблемъ и болѣе опредѣленно выработаемъ ея понятіе, намъ удастся устранить предрассудокъ, будто логика имѣетъ дѣло съ ничтожной областью довольно тривиальныхъ положеній. Мы увидимъ, наоборотъ, что объемъ этой дисциплины довольно значителенъ, и притомъ не только въ смыслѣ ея богатства систематическими теоріями, но и прежде всего въ смыслѣ необходимости трудныхъ и важныхъ исследований, для ея философскаго обоснованія и оцѣнки.

Впрочемъ, предполагаемая незначительность области чисто логической истины еще сама по себѣ не есть аргументъ въ пользу отношенія къ ней, только какъ къ вспомогательному средству для логическаго техническаго ученія. Чисто теоретическій интересъ поддержать постулатъ, что все, что образуетъ теоретически замкнутое въ себѣ единство, должно быть излагаемо въ этой

момъ тѣсномъ смыслѣ совпадаетъ съ *Logica Mathematicorum* (Pertz, *ibid.* Bd. VII S. 64); послѣднюю же, названную имъ также на стр. 50 *Logica Mathematica*, онъ опредѣляетъ, какъ *Ars judicandi atque inveniendi circa quantitates*. Это переносится, разумѣется, также и на *Mathesis universalis* въ болѣе обширномъ и въ самомъ обширномъ смыслѣ.

же теоретической замкнутости, а не какъ простое вспомогательное средство для постороннихъ цѣлей. Впрочемъ, если наши предшествовавшія размышленія, по меньшей мѣрѣ, выяснили, что правильное пониманіе сущности чистой логики и ея единственнаго въ своемъ родѣ положенія въ отношеніи другихъ наукъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ, если не самый важный вопросъ всей теоріи познанія, то такимъ же жизненнымъ интересомъ этой основной философской науки является и то, чтобы чистая логика была дѣйствительно изложена во всей ея чистотѣ и самостоятельности. Да и на какомъ основаніи, вообще, теорія познанія заслуживала бы названія полной науки, если бы нельзя было считать всю чистую логику ея составной частью или, наоборотъ, всю совокупность гносеологическихъ исследованийъ — философскимъ дополненіемъ къ чистой логикѣ. Разумѣется, не слѣдуетъ только понимать теорію познанія, какъ дисциплину, слѣдующую за метафизикой или даже совпадающую съ ней, а надо видѣть въ ней дисциплину, предшествующую метафизикѣ, какъ и психологіи и всѣмъ другимъ наукамъ.

## П Р И Л О Ж Е Н И Е.

Указания на Ф. А. Ланге и Б. Больцано.

Какъ ни велико разстояніе, отдѣляющее мое пониманіе логики отъ взглядовъ Ф. А. Ланге, я согласенъ съ нимъ и вижу его заслугу передъ нашей дисциплиной въ томъ, что онъ въ эпоху опослѣдства пренебрежительнаго отношенія къ истинной логикѣ рѣшительно высказалъ убѣжденіе, что «наука можетъ ожидать существенныхъ успѣховъ отъ попытки самостоятельнаго обсужденія чисто формальныхъ элементовъ логики» <sup>1)</sup>. Согласіе идетъ еще дальше, оно касается въ самыхъ общихъ чертахъ и идеи дисциплины, которую Ланге, впрочемъ, не сумѣлъ довести до полной ясности. Не безъ основанія обособленіе чистой логики означаетъ для него выдѣленіе тѣхъ ученій, которыя онъ характеризуетъ, какъ «аподиктическое въ логикѣ», именно, «тѣхъ ученій, которыя, подобно теоремамъ математики, могутъ быть развиты въ абсолютно принудительной формѣ»... И достойно одобренія то, что онъ затѣмъ прибавляетъ: «Уже одинъ фактъ существованія принудительныхъ истинъ настолько важенъ, что необходимо тщательно изыскивать каждый слѣдъ его. Пренебреженіе этимъ изслѣдованіемъ изъ-за малой цѣнности формальной логики или изъ-за ея недостаточности, какъ теоріи человѣческаго мышленія, съ этой точки зрѣнія недопустимо, прежде всего, какъ смѣшеніе теоретическихъ и практическихъ цѣлей. На подобное возраженіе слѣдовало бы смотрѣть такъ, какъ если бы химикъ отказался анализировать сложное тѣло, потому что въ сложномъ состояніи оно очень цѣнно, между тѣмъ какъ отдѣльныя составныя части, вѣроятно, не имѣли бы никакой цѣнности» <sup>2)</sup>. Столь же вѣрно говорить онъ въ другомъ мѣстѣ: «Фор-

мальная логика, какъ аподиктическая наука, имѣетъ цѣнность, совершенно независимую отъ ея полезности, такъ какъ каждая система а priori объяснительныхъ истинъ заслуживаетъ величайшаго вниманія» <sup>1)</sup>.

Столь горячо вступаясь за идею формальной логики, Ланге и не подозрѣвалъ, что она уже давно осуществлена въ довольно значительной мѣрѣ. Я имѣю въ виду, разумѣется, не тѣ многочисленныя изложенія формальной логики, которыя выросли особенно въ школахъ Канта и Гербарта, и которыя слишкомъ мало удовлетворяли выставленнымъ ими притязаніямъ; я говорю о «Наукоученіи» Бернгарда Больцано, вышедшемъ въ 1837 г. (Bernhardt Bolzano. Wissenschaftslehre). Это произведеніе въ дѣлѣ логическаго «элементарнаго ученія» оставляетъ далеко за собой всѣ имѣющіяся въ мировой литературѣ систематическія изложенія логики. Правда, Больцано не обсудилъ ясно и не защитилъ самостоятельнаго отграниченія чистой логики въ нашемъ смыслѣ; но de facto онъ въ первыхъ двухъ томахъ своего произведенія изложилъ ее, именно, въ качествѣ фундамента для наукоученія въ его смыслѣ, съ такой чистой и научной строгостью и снабдилъ ее такимъ множествомъ оригинальных, научно доказанныхъ и во всякомъ случаѣ плодотворныхъ мыслей, что уже въ силу одного этого его придется признавать однимъ изъ величайшихъ логиковъ всѣхъ временъ. По своей позиціи онъ тѣсно примыкаетъ къ Лейбницу, съ которымъ у него много общихъ мыслей и основныхъ взглядовъ, и къ которому онъ также философики близокъ въ другихъ отношеніяхъ. Правда, онъ тоже не вполне исчерпалъ богатства логическихъ интуицій Лейбница, особенно въ области математической силлогистики и *mathesis universalis*. Но въ въ то время изъ посмертныхъ сочиненій Лейбница были извѣстны лишь немногія, и недоставало «формальной» математики и ученія о многообразіи—этихъ ключей къ пониманію идей Лейбница.

Въ каждой строкѣ замѣчательнаго произведенія Больцано сказывается его острый математическій умъ, вносящій въ логику тотъ же духъ научной строгости, который самъ Больцано впервые внесъ въ теоретическое обсужденіе основныхъ понятій и положеній математическаго анализа, тѣмъ самымъ давъ ей новыя основанія; эту славную заслугу не забыла отмѣтить исторія ма-

<sup>1)</sup> F. A. Lange, Logische Studien, S. 1.

<sup>2)</sup> Ibid., S. 7 f.

<sup>1)</sup> Ibid., S. 127.



тематики. У Больцано, современника Гегеля, мы не находим и следа глубокомысленной многозначности философских системы, которая стремилась скорее к богатому мыслями мирозерпанию и жизненной мудрости, чѣмъ къ теоретически-анализирующему знанию міра; мы не находимъ у него и обычного элостастнаго смѣшенія этихъ двухъ, принципиально различныхъ замысловъ, которое такъ сильно задержало развитіе научной философіи. Его идейныя конструкціи математически просты и трезвы, но вмѣстѣ съ тѣмъ математически ясны и точны. Только болѣе глубокое уясненіе смысла и цѣли этихъ конструкцій показываетъ, какая великая работа ума кроется въ трезвыхъ опредѣленіяхъ и въ сухихъ формулахъ. Философу, выросшему среди предрасудковъ, среди привычекъ рѣчи и мысли идеалистическихъ школъ—а, вѣдь, всѣ мы не вполнѣ свободны отъ ихъ дѣйствія—такого рода научная манера легко можетъ показаться плоской безъ-идейностью или тяжкодумствомъ и педантизмомъ. Но на трудѣ Больцано должна строиться логика, какъ наука; у него она должна учиться тому, что ей необходимо: математической остротѣ различій, математической точности теорій. Тогда она приобрететъ и иную основу для оцѣнки «математизирующихъ» теорій логики, которая съ такимъ успѣхомъ строятъ математики, не заботясь о пренебрежительномъ отношеніи философовъ. Ибо онѣ безусловно гармонируютъ съ духомъ Больцано, хотя онъ самъ и не предугадывалъ ихъ. Во всякомъ случаѣ будущій историкъ логики врядъ ли впадетъ въ такое упущеніе, какое допустилъ столь основательный въ другихъ случаяхъ Ибервегъ, поставивъ произведеніе столь высокаго достоинства, какъ «Наукоученіе» на одну ступень съ—«Логикой для женщинъ» Книгге<sup>4)</sup>.

Какъ ни цѣльна работа Больцано, однако, ее нельзя считать окончательно завершенной (въ полномъ согласіи съ мнѣніемъ самого этого глубоко честнаго мыслителя). Чтобы упомянуть здѣсь лишь объ одномъ, укажемъ на особенно чувствительные недочеты въ гносеологическомъ направленіи. Отсутствуютъ (или совершенно недостаточны) изслѣдованія, касающіяся собственно философскаго выясненія функціи логическаго элемента въ мышленіи и, тѣмъ самымъ, философской оцѣнки самой логической дисциплины. Отъ

этихъ вопросовъ всегда можетъ уклониться изслѣдователь, который въ точно отграниченной области, какъ въ математикѣ, строитъ теорію на теоріи, и не обязанъ особенно заботиться о принципиальныхъ вопросахъ; но не изслѣдователь, который стоитъ передъ задачей выяснить право на существованіе своей дисциплины, сущность ея предметовъ и задачъ, и который обращается къ тѣмъ, кто совсѣмъ не видитъ этой дисциплины, не придаетъ ей значенія или же смѣшиваетъ ея задачи съ задачами совсѣмъ иного рода. Вообще сравненіе предлагаемыхъ логическихъ изслѣдованій съ произведеніемъ Больцано покажетъ, что въ нихъ дѣло идетъ совсѣмъ не о простомъ комментированіи или критически исправленномъ изложеніи идейныхъ построеній Больцано, хотя они и испытали на себѣ рѣшающее вліяніе Больцано—и, наряду съ нимъ, вліяніе Лотце.

<sup>4)</sup> Именно Ибервегъ въ отношеніи обоихъ трудовъ одинаково считаетъ достойнымъ упоминанія только одно: ихъ заглавіе. Впрочемъ, когда-нибудь будетъ сознана, какъ странная аномалія, такое изложеніе исторіи логики, какъ у Ибервега, который ориентируетъ ее по „великимъ философамъ“.

## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

### Идея чистой логики.

Чтобы охарактеризовать, по крайней мѣрѣ, предварительно, въ нѣсколькихъ существенныхъ чертахъ ту цѣль, къ которой стремятся изложенныя во второй части детальныя изслѣдованія, мы попытаемся дать логическую ясность идеѣ чистой логики, которая до нѣкоторой степени уже подготовлена вышеприведенными критическими размышлениями.

#### § 62. Единство науки. Связь вещей и связь истинъ.

Наука есть прежде всего антропологическое единство, именно единство актовъ мышленія, тенденцій мышленія наряду съ известными, съ относящимися сюда внѣшними организаціями. Все, что опредѣляетъ это единство, какъ антропологическое и спеціально какъ психологическое, насъ здѣсь не интересуетъ. Мы интересуемся, наоборотъ, тѣмъ, что дѣлаетъ науку наукой, а это во всякомъ случаѣ есть не психологическая и вообще не реальная связь, которой подчинены акты мышленія, а объективная или идеальная связь, которая придаетъ имъ однородное предметное отношеніе и въ силу этой однородности создаетъ и ихъ идеальное значеніе.

Однако, здѣсь необходима большая опредѣленность и ясность. Объективная связь, идеально проникающая все научное мышленіе, придавая ему и, тѣмъ самымъ, наукѣ, какъ таковой, «единство», можетъ быть понята двояко: какъ связь вещей, къ которымъ въ замыслѣ (intentional) относятся переживанія мышленія (дѣйствительныя или возможные) и, съ другой стороны, какъ связь истинъ, въ которой вѣчное единство приобретаетъ объективную обязательность въ качествѣ того, что оно есть. И то,

и другое а priori даны совмѣстно и нераздѣльно. Ничто не можетъ быть, не будучи такъ или иначе опредѣлено, и то, что оно есть и такъ или иначе опредѣлено, именно и есть истина въ себѣ, которая образуетъ необходимый коррелятъ бытія въ себѣ. То, что относится къ единичнымъ истинамъ и соотношеніямъ вещей, очевидно, относится и къ связямъ истинъ или соотношеній вещей. Но эта очевидная неразлучность не есть тождественность. Въ соответствующихъ истинахъ или связяхъ истинъ конституируется дѣйствительность вещей или вещейъ связей. Но связи истинъ иного рода, чѣмъ связи вещей, которая въ нихъ истинны (достоверны); это точчасъ же сказывается въ томъ, что истины, относящіяся къ истинамъ, не совпадаютъ съ истинами, относящимися къ вещамъ, которыя установлены въ истинахъ.

Чтобы предупредить недоразумѣнія, я подчеркиваю, что слова предметности, предметъ, вещь постоянно употребляются нами въ самомъ обширномъ смыслѣ, стало быть, въ соответствіи съ предъпочитаемымъ мною смысломъ термина познание. Предметомъ (познанія) можетъ одинаково быть реальное, какъ и идеальное, вещь или событіе, какъ и долженствованіе. Это само собою переносится на такія выраженія, какъ единство предметности, связь вещей и т. п.

Оба эти, только въ абстракціи мыслимыя раздѣльно, единства—единство предметности съ одной стороны, и единство истинъ съ другой стороны—даны намъ въ сужденіи или, точнѣе, въ познаніи. Это выраженіе достаточно обширно, чтобы охватить какъ простые акты познанія, такъ и логически объединенныя связи познанія, сколь бы сложны онѣ не были: каждая связь, какъ цѣлое, есть сама единый актъ познанія. Совершая актъ познанія или, какъ я предпочитаю выражаться, живя въ немъ, мы «заняты предметнымъ», которое въ немъ, именно познавательнымъ образомъ, мыслится и полагается; и если это есть познание въ строжайшемъ смыслѣ, т. е. если мы судимъ съ очевидностью, то предметное дано. Соотношеніе вещей здѣсь уже не только предположительно, но и дѣйствительно находится предъ нашими глазами, и въ немъ намъ данъ самъ предметъ, какъ то, что онъ есть, т. е. именно такъ и не иначе, какъ онъ разумѣется въ этомъ познаніи: какъ носитель этихъ качествъ, какъ членъ этихъ отношеній и т. п. Онъ не предположительно, а дѣйствительно обладаетъ такими-то свойствами, и въ качествѣ дѣйствительно обладающаго этими свойствами данъ въ нашемъ познаніи; это

означает только, что он не просто вообще мыслится (обуславливается), а познается, как таковой; что он таков,—это есть осуществленная истина, есть переживание в очевидном суждении. Когда мы размышляем об этом акте, то вместо прежнего предмета сама истина становится предметом, и она дана предметным образом. При этом мы воспринимаем истину—в идеирующей абстракции—как идеальный коррелят мимолетного субъективного акта познания, как единую, в противоположность неограниченному многообразию возможных актов познания и познающих индивидов.

Связи познаний в идеальном соответствуют связям истины. Будучи надлежащим образом поняты, они суть не только комплексные истины, но комплексные истины, которые, таким образом сами, и при том, как целое, подчинены понятию истины. Сюда же относятся и науки, в объективном смысле слова, т. е. в смысле объединенной истины. В силу всеобщего соответствия между истиной и предметностью, единству истины в одной и той же науке соответствует также единая предметность: это есть единство научной области. По отношению к ней все единичные истины одной и той же науки называются вещно связанными,—выражение, которое, впрочем, здесь, как мы увидим дальше, употребляется в гораздо более широком смысле, чем это принято (Ср. заключение § 64, стр. 207).

### § 63. Продолжение. Единство теории.

Теперь спрашивается, чем же определяется единство науки и тем самым единство области? Ибо не каждое соединение истин в группу, которое, вдобавок, может быть и чистым, создает науку. К науке принадлежит, как мы сказали в первой главе<sup>1)</sup>, известное единство связи обоснования. Но и этого еще не достаточно, так как это, правда, указывает на обоснование, как на нечто, по существу принадлежащее к идеям науки, но не говорит, какого рода единство обоснований составляет науку.

<sup>1)</sup> Ср. § 6, стр. 8—9. Под словом „наука“ мы разумеем там, правда, более ограниченное понятие—именно понятие теоретически объясняющей, абстрактной науки. Однако, это не составляет существенного различия, особенно ввиду выдающегося положения абстрактных наук, о чем мы будем говорить ниже.

Чтобы достигнуть ясности, предположим несколько общих утверждений.

Научное познание, как таковое, есть познание из основания. Знать основание чего-либо значит усматривать необходимость, что должно обстоить так, а не иначе. Необходимость, как объективный предикат истины (которая тогда называется необходимой истиной) означает именно закономерную обязательность соответствующего отношения вещей<sup>1)</sup>. Стало быть, усмотреть соотношение вещей, как закономерное, или его истину, как необходимую, и обладать познанием основания соотношения вещей или его истины—суть равнозначные выражения. Впрочем, в силу естественной эквивалации, называют необходимой и каждую общую истину, которая сама высказывает закон. Соответственно первоначально определенному смыслу ее следовало бы скорее называть объясняющим основанием закона, из которого выростает класс необходимых истин.

Истинны распадаются на индивидуальные и родовые. Первые (explicitae или implicitae) содержат утверждения о действительном существовании индивидуальных единичностей, тогда как последние совершенно свободны от этого и только дают возможность (исходя из одних понятий) заключать о возможности существования индивидуального.

Индивидуальные истины, как таковые, случайны. Когда в отношении их говорят об объяснении из оснований, то должно идти о том, чтобы показать их необходимость при известных предположаемых условиях. А именно, если связь одного факта с другими закономерна, то бытие этого факта определено, как необходимое, на основании законов, регулирующих связи соответственного вида, и при предположении соответствующих обстоятельств.

Если должно идти об обосновании не фактической, а родовых истин (которая в отношении возможного применения к подчиняющимся ей фактам сама в свою очередь носить характер закона), то мы обращаемся к известным родовым законам, и путем специализации (а не индивидуализации) и дедуктивного вы-

<sup>1)</sup> Должно идти, следовательно, не о субъективном, психологическом характере соответствующего суждения, напр., о чувстве принужденности и т. п. В каком отношении идеальные предметы и, тем самым, идеальные предикаты таких предметов стоят к субъективным актам,—это мы уже отчасти наместили на стр. 110 и след. Подробнее во II части.

вода получаемъ изъ нихъ обосновываемое положеніе. Обоснованіе родовыхъ законовъ необходимо ведетъ къ выявленнымъ законамъ, которые по своему существу (стало быть «въ себѣ», а не только субъективно или антропологически) не поддаются дальнейшему обоснованію. Они называются основными законами.

Систематическое единство идеально замкнутой совокупности законовъ, покоящейся на одной основной закономерности, какъ на своемъ первичномъ основаніи, и вытекающей изъ него путемъ систематической дедукціи, есть единство систематически завершенной теоріи. Основная закономерность состоитъ при этомъ либо изъ одного основного закона, либо изъ соединенія однородныхъ основныхъ законовъ.

Теоріями въ этомъ строгомъ смыслѣ мы обладаемъ въ лицѣ общей арифметики, геометріи, аналитической механики, математической астрономіи и т. д. Обыкновенно понятіе теоріи считается относительнымъ, а именно въ зависимости отъ того многообразія единичностей, надъ которымъ она господствуетъ и которому представляется объясняющія основанія. Общая арифметика даетъ объясняющую теорію для нумерическихъ и конкретныхъ числовыхъ положеній; аналитическая механика—для механическихъ фактовъ; математическая астрономія—для фактовъ тяготѣнія и т. д. Но возможность взять на себя функцию объясненія есть само собою разумѣющееся слѣдствіе изъ сущности теоріи въ нашемъ абсолютномъ смыслѣ.—Въ болѣе свободномъ смыслѣ подъ теоріей разумѣютъ дедуктивную систему, въ которой послѣднія основанія еще не суть основные законы въ строгомъ смыслѣ слова, но, въ качествѣ подлинныхъ основаній, приближаютъ насъ къ нимъ. Въ послѣдовательности ступеней законченной теоріи—теорія въ этомъ свободномъ смыслѣ образуетъ одну ступень.

Мы обращаемъ вниманіе еще на слѣдующее различіе: каждая объясняющая связь дедуктивна, но не каждая дедуктивная связь имѣетъ значеніе объясненія. Всѣ основанія суть предпосылки, но не всѣ предпосылки суть основанія. Правда, каждая дедукція есть необходимая дедукція, т. е. подчинена законамъ; но то, что заключенія выводятся по законамъ (по законамъ умозаключенія) еще не означаетъ, что они вытекаютъ и изъ законовъ и въ точномъ смыслѣ слова «основаны» на нихъ. Впрочемъ, каждую предпосылку, въ особенноти общую, принято называть «основаніемъ» выводимаго изъ нея «слѣдствія»—на эту эквивокацію слѣдуетъ обратить вниманіе.

§ 64. *Существенные и въсущественные принципы, дающіе науку единство. Абстрактныя, конкретныя и нормативныя науки.*

Теперь мы въ состояніи отвѣтить на поставленный выше вопросъ, чѣмъ опредѣляется связь между собой истинъ одной науки, что составляетъ ея «вещное» единство.

Объясняющій принципъ можетъ быть двоякаго рода: существенный и въсущественный.

Существенно едины истинны одной науки, если связь ихъ покоится на томъ, что прежде всего дѣлаетъ науку наукой; а это, какъ мы знаемъ, есть познаніе изъ основанія, слѣдовательно, объясненіе или обоснованіе (въ подлинномъ смыслѣ). Существенное единство истинъ какой-либо науки есть единство объясненія. Но каждое объясненіе опирается на теорію и заканчивается познаніемъ основныхъ законовъ, принциповъ объясненія. Единство объясненія означаетъ, слѣдовательно, теоретическое единство, т. е., согласно вышеприведенному, однородное единство обосновывающей закономерности, въ конечномъ счетѣ однородное единство объясняющихъ принциповъ.

Науки, въ которыхъ точка зрѣнія теоріи, принципиальнаго единства, опредѣляетъ ихъ области, и которые, такимъ образомъ, объемлютъ въ идеальной замкнутости всѣ возможные факты и родовыя единичности, причемъ принципы ихъ объясненія лежатъ въ одной закономерности,—эти науки не совсѣмъ подходящимъ образомъ называютъ абстрактными науками. Лучше всего ихъ характеризовало бы названіе теоретическихъ наукъ. Однако, это выраженіе употребляется для обозначенія противоположности практическимъ и нормативнымъ наукамъ, и мы также выше оставили за нимъ этотъ смыслъ. Слѣдую мысли фонъ-Криса<sup>1)</sup>, можно было бы почти столь же характерно назвать эти науки номологическими и, поскольку законъ для нихъ есть объединяющій принципъ и существенная цѣль изслѣдованія. Употребляемое

<sup>1)</sup> I. von Kries. Die Principien der Wahrscheinlichkeitsrechnung 1826. S. 85 f. и Vierteljahrschrift für wissenschaft. Philosophie XVI (1892). S. 226. Однако, Крисъ употребляетъ термины «номологическій» и «онтологическій» для различія сужденій, а не—какъ это мы дѣлаемъ здѣсь—для различія наукъ.

иногда название объясняющих наук тоже подходит, если им подчеркивается единство объяснения, а не само объяснение. Ибо объяснение, вѣдь, относится къ сущности каждой науки, какъ таковой.

Во-вторыхъ, имѣются еще вѣсущественныя точки зрѣнія для объединенія истинъ въ одну науку; укажемъ прежде всего на единство вещи въ смыслѣ, близкомъ къ буквальному. Именно соединяются тѣ истины, которыя по своему содержанию относятся къ одной и той же индивидуальной предметности или къ одному и тому же эмпирическому роду. Таковы конкретныя или, употребляя терминъ фонъ Криста, онтологическія науки, какъ географія, исторія, астрономія, естественная исторія, анатомія и т. д. Истины географіи объясняются своимъ отношеніемъ къ землѣ, истины метеорологіи касаются, еще болѣе ограниченнымъ образомъ, земныхъ атмосферическихъ явленій, и т. д.

Эти науки иногда называютъ также описательными, и это название можно принять въ томъ отношеніи, что единство описанія опредѣляется, вѣдь, эмпирическимъ единствомъ предмета или класса, а въ данныхъ наукахъ это описательное единство опредѣляетъ единство науки. Но, разумеется, это название нельзя понимать такъ, будто описательныя науки имѣютъ въ виду только описаніе, — что противорѣчитъ принципиальному понятію науки.

Такъ какъ возможно, что объясненіе, руководимое эмпирическими единствами, ведетъ къ далекимъ другъ отъ друга или даже разнороднымъ теоріямъ и теоретическимъ наукамъ, то мы по праву называемъ единство конкретной науки вѣсущественнымъ.

Во всякомъ случаѣ ясно, что абстрактныя или номологическія науки суть собственно основныя науки, изъ теоретическаго состава которыхъ конкретныя науки должны черпать все, что дѣлается ихъ науками, а именно все теоретическое. Конкретныя науки естественно ограничиваются тѣмъ, что устанавливаютъ зависимость описываемой ими предметности отъ нашихъ законовъ номологическихъ наукъ, и въ крайнемъ случаѣ намѣчаютъ еще главное направленіе дальнѣйшаго объясненія. Ибо сведеніе къ основнымъ принципамъ и построение объясняющихъ теорій есть вообще своеобразная область номологическихъ наукъ и, при достаточномъ развитіи, ихъ можно найти въ послѣднихъ, въ самой общей формѣ, уже готовыми. Разумеется, этимъ еще ничего не сказано объ относительной цѣнности обоихъ видовъ наукъ. Теоретическій интересъ не

есть единственный и не одинъ опредѣляетъ цѣнность познанія. Эстетическіе, этические, въ болѣе широкомъ смыслѣ практическіе интересы могутъ соединиться съ индивидуальнымъ предметомъ и придавать его единичному описанію и объясненію высочайшую цѣнность. Но поскольку руководящимъ является чисто теоретическій интересъ, индивидуальное, единичное и эмпирическая связь сами по себѣ не имѣютъ значенія, или же играютъ роль лишь методологическаго этапа для построения общей теоріи. Теоретикъ-естествоиспытатель, т. е. естествоиспытатель, руководящійся связью чисто теоретическаго, математизирующаго обсужденія, смотритъ на землю и небесныя свѣтила совсѣмъ иными глазами, нежели географъ или астрономъ; они сами по себѣ безразличны для него и имѣютъ значеніе, лишь какъ примѣры тяготящихся массъ вообще.

Наконецъ, мы должны упомянуть еще объ иномъ, также вѣсущественномъ принципѣ научнаго единства; это — принципъ, который вырастаетъ изъ однороднаго оцѣнивающаго интереса, слѣдовательно, объективно опредѣленъ однородной основной цѣнностью (или однородною основною нормою), какъ мы уже подробно говорили объ этомъ въ § 14 главы II-ой. Именно это создаетъ, слѣдовательно, въ нормативныхъ дисциплинахъ реальную сопринадлежность истинъ т. е. единство области. Правда, когда говорятъ о реальной сопринадлежности, подъ нею естественнѣе всего разумѣть ту, которая коренится въ самихъ вещахъ; тутъ, слѣдовательно, имѣется въ виду лишь единство на основаніи теоретической закономерности или единство конкретной вещи. При этомъ пониманіи нормативное и реальное единство становится противоположностями.

Согласно изложенному выше, нормативныя науки зависятъ отъ теоретическихъ — и прежде всего отъ теоретическихъ наукъ въ самомъ узкомъ смыслѣ, — въ смыслѣ номологическихъ наукъ; эта зависимость такова, что мы снова можемъ сказать: онѣ берутъ изъ теоретическихъ наукъ все, что есть въ нихъ научнаго, а именно все теоретическое.

§ 65. *Вопросъ объ идеальныхъ условіяхъ возможности науки или теоріи вообще.*

*А. Въ отношеніи актуальнаго познанія.*

Теперь мы поставимъ важный вопросъ объ «условіяхъ возможности науки вообще». Такъ какъ существенная цѣль науч-

наго познания может быть достигнута лишь через посредство теории в строгом смысле номологических наук, то мы заменяем этот вопрос вопросом об условиях возможности теории вообще. Теория, как таковая, состоит из истин, и форма их соединения дедуктивна. Следовательно, ответ на наш вопрос включает в себя ответ на более общий вопрос, а именно на вопрос об условиях возможности истины вообще, а также дедуктивного единства вообще. Форма постановки вопроса, разумеется, обусловлена историческими отголосками. Мы имеем здесь дело, очевидно, с безусловно необходимым обобщением вопроса об «условиях возможности опыта». Единство есть, вѣдь, для Канта единство предметной законности; следовательно, оно входит в понятие теоретического единства.

Однако, смысл вопроса требует более точной формулировки. Непосредственно вопрос будет, вероятно, понять в субъективном смысле; в этом смысле его лучше было бы выразить в виде вопроса об условиях возможности теоретического познания вообще или, в более общей форме, — об умозаключении и познании вообще, и притом в его возможности для всякого человеческого существа вообще. Эти условия суть отчасти реальные, отчасти идеальные. Первые, психологических, условий мы здесь не будем касаться. Само собою разумеется, к возможности познания в психологическом отношении принадлежат все те причинные условия, от которых зависят наше мышление. Идеальные условия возможности познания могут быть, как мы уже говорили <sup>1)</sup>, двоякого рода. Они суть либо позитивные, т. е.

<sup>1)</sup> Ср. выше § 32, стр. 95—96. Там я просто противопоставил позитивные условия теоретического познания и объективно-логические условия самой теории, так как для установления точного понятия о скептицизме не имело значения более тонкое различие. Но здесь, где мы должны вполне ясно указать все соответствующие отношения, представляется полезным смотреть также и на логические условия прежде всего, как на условия познания, и лишь затем придать им прямое отношение к самой объективной теории. Разумеется, это не нарушает сущности нашего взгляда, а, наоборот, лишь точнее его раскрывает. То же применимо и к тому, что здесь приняты во внимание эмпирически-субъективные условия познания, варад с позитивными и чисто-логическими. Мы при этом, очевидно, извлекаем пользу из критических рассуждений о теории очевидности в логике. Ср. выше стр. 162. Очевидность, вѣдь, есть не что иное, как характер познания, как такового

вытекают из идеи познания, как таковой, и притом а priori, без всякого отношения к эмпирической особенности человеческого познания в его психологической обусловленности; либо же чисто-логические, т. е. коренятся только в «содержании» познания. Что касается первого, то a priori очевидно, что мыслящие субъекты вообще должны, напр., обладать способностью совершать все виды актов, в которых осуществляется теоретическое познание. В частности мы, как мыслящие существа, должны быть в состоянии с очевидностью усматривать суждения, как истины, и истины, как следствия других истин; и опять таки усматривать законы, как таковые, законы, как разъясняющие основания, основные законы, как первичные принципы и т. д. Но, с другой стороны, очевидно также, что сами истины и, в частности, законы, основания, принципы суть то, что они суть, независимо от того, усматриваем ли мы их или нѣтъ. Так как они имеют значение, не поскольку мы их усматриваем, а, наоборот, так как мы усматриваем их, поскольку они имеют значение, то их надо считать объективными или идеальными условиями возможности их познания. Следовательно, априорные законы, принадлежащие к истине, как к таковой, к дедукции, как таковой, и к теории, как таковой, должны быть характеризованы, как законы, выражающие идеальные условия возможности познания вообще или дедуктивного и теоретического познания вообще, и притом условия, которые коренятся в самом «содержании» познания.

Здесь дело идет, очевидно, об априорных условиях познания, которые могут быть рассмотрены и исследованы вне всякого отношения к мыслящему субъекту и к идеям субъективности вообще. Вѣдь эти законы по содержанию своего значения совершенно свободны от такого отношения, они не говорят, хотя бы даже в идеальной форме, о познании, о процессе суждения, умозаключении, представлении, обосновании и т. п., а говорят об истине, понятии, положении, умозаключении, основании и следствии и т. д., как мы это подробно разъяснили выше <sup>1)</sup>. Но само собою разумеется, что эти законы могут быть с очевидностью выданы: немы так, что получают прямое отношение к познанию и субъекту познания и тогда говорят даже о реальных возможностях познания. Тут, как и в других случаях, априорны утвер-

<sup>1)</sup> Ср. выше § 47, стр. 150 и след.

ждения о реальных возможностях возникают путем перенесения идеальных (выраженных в чисто родовых положениях) отношений на отдельные эмпирические случаи <sup>1)</sup>.

В сущности идеальные условия познания, которые мы отличаем в качестве позитивных от объективно-логических, суть не что иное, как подобия видоизменения этих, принадлежащих к чистому содержанию познания, закономерных уразумений; благодаря таким видоизменениям, эти знания становятся плодотворными для критики познания, а затем, путем дальнейших видоизменений, для практически-логического нормирования познания. (Ибо сюда примыкают и нормативны видоизменения чисто-логических законов, о чем так много говорилось выше).

§ 66. *В. Тот же вопрос в отношении содержания познания.*

Из этого анализа ясно, что вопрос об идеальных условиях возможности познания вообще и теоретического познания в частности в конечном счете приводит нас к известным законам, которые коренятся в самом содержании познания или в категориальных понятиях, его составляющих, и настолько отвлечены, что не содержат в себе ничего относительно познания, как акта познающего субъекта. Эти законы, или составляющие их категориальные понятия, и образуют то, что вообще в объективно-идеальном смысле может быть понимаемо под условиями возможности теории. Ибо не только в отношении теоретического познания, как мы это делаем до сих пор, но и в отношении его содержания, следовательно, непосредственно в отношении самой теории может быть поставлен вопрос об условиях возможности. Тогда под теорией — и это надо еще раз подчеркнуть — мы разумеем известное идеальное содержание возможного познания, совершенно так же, как под истинной, законом и т. п. Многообразием индивидуально единичных актов познания, одного и того же содержания соответствует единая истина, именно в качестве этого идеально тождественного содержания. Равным образом, многообразие индивидуальных комплексов познания, в каждом из которых — теперь или прежде, в том или в другом субъекте, — познается одна и та же теория, соответствует именно эта теория, как идеально тождественное содержание. Она тогда состоит не из актов,

<sup>1)</sup> Ср. арифметический пример в § 23, стр. 63.

а из чисто идеальных элементов, из истин, и притом в чисто идеальных формах, в формах основания и следствия.

Если мы теперь отнесем вопрос об условиях возможности непосредственно к теории в этом объективном смысле и именно к теории вообще, то эта возможность может иметь только тот смысл, который вообще присущ чисто отвлеченным мыслимым объектам. От объектов мы переходим тут к понятиям, и «возможность» означает не что иное как «значение» или, вернее, действительности (Wesenhaftigkeit) соответствующего понятия. Это есть то, что нередко обозначается, как «реальность» понятия в противоположность воображаемости или, недействительности (Wesenlosigkeit) его <sup>1)</sup>. В этом смысле говорят о реальных определениях, которые обеспечивают возможность, значение, реальность определенного понятия, а также о противоположности между реальными и мнимыми числами, геометрическими фигурами и т. д. Упоминание о возможности в применении к понятиям имеет, очевидно, переносное значение. В подлинном смысле возможно только существование предметов, соответствующих этим понятиям. Эта возможность а priori обеспечивается познанием отвлеченной сущности, которое открывается нам, напр., на основе наглядного представления такого предмета. Путем перенесения сама действительность понятия тоже обозначается тут, как возможность.

В связи с этим получается легко понятный смысл вопроса о возможности теории вообще и об условиях, от которых она зависит. Возможность или действительность теории вообще, разумеется, гарантируется самоочевидным познанием какой-либо определенной теории. Но тогда возникает дальнейший вопрос: что в идеально-закономерной всеобщности обуславливает эту возможность теории вообще? Т. е. что составляет идеальную «сущность» теории, как таковой? Каковы первичные «возможности», из которых создается возможность «теории», другими словами, каковы первичные действительные понятия, из которых конституируется само действительное понятие теории?

<sup>1)</sup> Термины „Wesenhaftigkeit“ и „Wesenlosigkeit“ нужно было бы передать буквально, как „сущность“ и „бессущность“. В виду тяжеловесности на русском языке этих словообразований, приходится сохранить обычные обозначения: „действительность“ и „недействительность“.

И даѣе, каковы тѣ чистые законы, которые, вытекаая изъ этихъ понятій, дають всякой теоріи единство, какъ таковой; стало быть законы, которые относятся къ формѣ всякой теоріи, какъ таковой, и а priori опредѣляютъ ея возможныя (существенныя) разнообразія или виды?

Если эти идеальныя понятія или законы ограничиваютъ возможность теоріи вообще, другими словами, если они выражаютъ то, что по существу принадлежитъ къ идеѣ теоріи, то отсюда непосредственно слѣдуетъ, что каждая замышленная теорія только тогда есть теорія, когда и поскольку она гармонируетъ съ этими понятіями или законами. Логическое оправданіе понятія, т. е. оправданіе его идеальной возможности совершается посредствомъ перехода къ его наглядной или выводимой сущности. Слѣдовательно, логическое оправданіе данной теоріи, какъ таковой (т. е. въ ея чистой формѣ) требуетъ перехода къ сущности ея формы и тѣмъ самымъ перехода къ понятіямъ и законамъ, которые образуютъ идеальныя составныя части теоріи вообще («условія ея возможности») и которые а priori и дедуктивно регулируютъ всякую специализацію идей теоріи на ея возможные виды. Тутъ дѣло обстоитъ такъ же, какъ и въ болѣе широкой области дедукціи, напр., въ простыхъ силлогизмахъ. Хотя они и сами по себѣ могутъ быть проникнуты очевидностью, все же они получаютъ свое самое послѣднее и самое глубокое оправданіе только путемъ сведения ихъ къ формальному закону умозаключенія. Такимъ образомъ, вѣдь, получается уразумѣніе апіорнаго основанія силлогистической связи. То же относится ко всякой сколь угодно сложной дедукціи и въ особенности къ теоріи. Въ самоочевидномъ теоретическомъ мышленіи мы уразумѣваемъ основанія объясненныхъ соотношеній вещей. Болѣе глубокое уразумѣніе сущности самой теоретической связи, образующей теоретическое содержаніе этого мышленія, а также уразумѣніе апіорныхъ закономерныхъ основаній его дѣйствія получается лишь послѣ сведения его къ формѣ и закону, и къ теоретическимъ связямъ той совершенно иной области познанія, къ которой принадлежатъ эти формы и законы.

Этимъ указаніемъ на болѣе глубокое уразумѣніе и оправданіе вскрывается несравненная цѣнность теоретическихъ изслѣдованій, необходимыхъ для разрѣшенія намѣченной проблемы: дѣло идетъ о систематическихъ теоріяхъ, вытекающихъ изъ самаго существа теоріи, или объ апіорной теоре-

тической номологической наукѣ, относящейся къ идеальному существу науки, какъ таковой, т. е. къ содержащимся въ ней систематическимъ теоріямъ, и съ исключеніемъ ея эмпирической, антропологической стороны. Слѣдовательно, дѣло идетъ, въ глубокомъ смыслѣ слова, о теоріи теорій, о наукѣ наукъ. Однако, значеніе для обогащенія нашего познанія надо, конечно, отличать отъ самихъ проблемъ и собственного содержанія ихъ рѣшеній.

§ 67. *Задачи чистой логики. Во-первыхъ: фиксация чистыхъ теорій значенія, чистыхъ предметныхъ теорій и ихъ закономерныхъ осложненій.*

Если, на основаніи этого предварительнаго уясненія идеи той апіорной дисциплины, болѣе глубокое пониманіе которой является цѣлью нашей работы, мы захотимъ перечислить ея задачи, то намъ придется различать три группы таковыхъ.

Во-первыхъ, потребуется установить или научно выяснитъ важнѣйшія понятія и прежде всего всѣ первичныя понятія, которые «дѣлаютъ возможнымъ» связь познанія въ объективномъ отношеніи, и въ особенности теоретическую связь. Другими словами, тутъ имѣются въ виду понятія, которые конституируютъ идею теоретического единства, а также и понятія, которыя стоятъ въ идеальномъ-закономѣрной связи съ ними. Вполнѣ понятно, что здѣсь конститутивно образуются понятія второй степени, именно понятія о понятіяхъ и прочихъ идеальныхъ единствахъ. Данная теорія есть извѣстная дедуктивная связь данныхъ положеній, эти же послѣднія суть опредѣленно сложившіяся связи данныхъ понятій. Идея соотвѣтственной «формы» теоріи вырастаетъ путемъ подстановки неопредѣленнаго на мѣсто всего этого даннаго, и, такимъ образомъ, мѣсто простыхъ понятій вступаютъ понятія о понятіяхъ и другихъ идеяхъ. Сюда относятся уже понятія: понятіе, положеніе, истина и т. д.

Конститутивные, разумѣется, понятія элементарныхъ формъ соединенія, въ особенности тѣ, которыя совершенно общимъ образомъ конститутивны для дедуктивнаго единства положеній, какъ, напр., конъюнктивное, дизъюнктивное, гипотетическое соединеніе положеній въ новыя положенія. Конститутивны, даѣе, и формы соединенія нспихъ элементовъ значенія въ простые положенія, а это въ свою очередь ведетъ къ различнымъ формамъ



субъекта, предиката и т. д. Точные законы регулируют постепенные усложнения, создающие из первоначальных форм безконечное многообразие все новых форм. И эти законы усложнений, дающие возможность комбинировать обзор понятий, выводимых на основ первоначальных понятий и форм, как и самъ этотъ комбинирующий обзоръ, также принадлежатъ, разумеется, къ обсуждаемому здѣсь кругу изслѣдованій.

Въ близкой, идеально закономерной связи съ упомянутыми доселѣ понятиями, съ категориями значенія, стоятъ другія, коррелятивныя имъ понятія, какъ предметъ, соотношеніе вещей, единство, множество, совокупность, отношеніе, соединеніе и т. д. Это суть чистыя или формальныя предметныя категории. Слѣдовательно, и онѣ должны быть приняты во вниманіе. Въ обоихъ отношеніяхъ дѣло идетъ всегда о понятіяхъ, которыя, какъ это явствуетъ уже изъ ихъ функции, независимы отъ особенности той или иной матеріи познанія, и которымъ должны быть подчинены всѣ спеціально выступающія въ мышленіи понятія и предметы, положенія и соотношенія вещей и т. д.; поэтому эти понятія могутъ возникать только изъ размысленія надъ различными «функциями мышленія», т. е. могутъ имѣть своей конкретной основною возможные акты мышленія, какъ таковыя.

Всѣ эти понятія и надлежитъ фиксировать и изслѣдовать «происхожденіе» каждого изъ нихъ въ отдѣльности. Для нашей дисциплины психологическій вопросъ о возникновеніи соответствующихъ отвлеченныхъ представленій или тенденцій къ представленіямъ не имѣетъ ни малѣйшаго интереса. Не объ этомъ вопросъ тутъ идетъ рѣчь, а о логическомъ происхожденіи или—если мы предпочтемъ совершенно устранить неподходящее и возникшее лишь изъ неясности мышленія слово «происхожденіе»—объ уразумѣніи сущности соответствующихъ понятій и, въ методологическомъ отношеніи, о фиксаціи однозначныхъ, рѣзко различныхъ значеній словъ. Этой дѣли мы можемъ достигъ лишь путемъ уясненія сущности или, въ отношеніи сложныхъ понятій, путемъ познанія дѣйствительности заключающихся въ нихъ элементарныхъ понятій и понятій формъ ихъ соединенія.

Все это—лишь подготовительныя и съ виду ничтожныя задачи. Онѣ въ вначительной мѣрѣ неизбѣжно принимаютъ форму терминологическихъ разсужденій, и несвѣдущимъ легко представляются мелочнымъ и безплоднымъ словопроленіемъ. Но до тѣхъ поръ, пока не различены и не выяснены понятія, всякая дальнѣйшая работа

безнадежна. Ни въ какой другой области познанія эквивокація не имѣетъ столь рокового значенія, нигдѣ спутанность понятій не поддерживала до такой степени успѣховъ познанія, нигдѣ она не тормозила такъ сильно даже самое начало его—уразумѣніе его истинныхъ дѣлей, какъ въ логикѣ. Критическіе анализы этихъ прологомъ показавали это повсюду.

Нельзя достаточно высоко оцѣнить значеніе проблемъ этой первой группы, и возможно, что именно въ нихъ заключаются величайшія трудности всей дисциплины.

#### § 68. Во-вторыхъ: законы и теоріи, коренящіеся въ этихъ категорияхъ.

Во второй группѣ проблемъ отыскиваются законы, коренящіеся въ этихъ категоріальныхъ понятіяхъ и касающіеся не только ихъ усложненія, но и объективнаго значенія создаваемыхъ изъ нихъ теоретическихъ единствъ. Эти законы сами въ свою очередь конституируютъ теоріи. Съ одной стороны — теоріи умозаключеній, напр., силлогистику, которая, однако, лишь одна изъ такихъ теорій. Съ другой стороны, изъ понятія множества вытекаетъ чистое ученіе о множествѣ; изъ понятія о совокупности — чистое ученіе о совокупностяхъ и т. д., и каждое изъ нихъ есть замкнутая въ себѣ теорія. Такимъ образомъ, всѣ относящіяся сюда законы ведутъ къ ограниченному числу первичныхъ или основныхъ законовъ, которые непосредственно коренятся въ категоріальныхъ понятіяхъ и (въ силу своей однородности) должны обосновывать всеобъемлющую теорію, которая включаетъ въ себя, въ качествѣ относительно замкнутыхъ составныхъ частей, вышеупомянутыя единичныя теоріи.

Здѣсь имѣется въ виду область законовъ, сообразно которымъ должно протекать каждое теоретическое изслѣдованіе. Не то, чтобы каждая отдѣльная теорія предполагала въ качествѣ основанія своей возможности и обязательности какой-либо отдѣльный законъ. Наоборотъ, вышеуказанныя теоріи въ своемъ идеальномъ совершенствѣ образуютъ всеобъемлющій фондъ, изъ котораго каждая опредѣленная (т. е. дѣйствительная, обязательная) теорія черпаетъ идеальныя основанія своей дѣйствительности; это—тѣ законы, сообразно которымъ она протекаетъ и исходя изъ которыхъ она можетъ быть оправдана до послѣдняго основанія, по своей «формѣ», какъ истинная теорія. Поскольку теорія есть объемлющее един-

ство, построенное изъ отдѣльныхъ истинъ и связей, само собою понятно, что законы, относящиеся къ понятію истины и къ возможности отдѣльныхъ связей той или иной формы, также заключены въ отграниченной здѣсь области. Хотя понятіе теории есть болѣе узкое понятіе—или, вѣрнѣе, именно въ силу этого—, задача изслѣдованія условий его возможности болѣе обширна, чѣмъ соответствующія задачи изслѣдованія истины вообще и первичныхъ формъ связей положеній. (Ср. выше стр. 207—208).

§ 69. *Въ-третьихъ: теорія возможности формъ теорій или чистое ученіе о многообразіи.*

Если всѣ эти изслѣдованія выполнены, то этого достаточно для осуществленія идеи науки объ условияхъ возможности теории. Но мы тотчасъ же видимъ, что эта наука укажетъ на дальнѣйшую, дополнительную къ ней науку, которая разсматриваетъ а priori существенныя виды (формы) теорій и соответствующіе законы отношеній. Такъ возникаетъ, на основаніи послѣдняго обобщенія, идея болѣе обширной науки о теории вообще, которая въ основной своей части изслѣдуетъ существенныя понятія и законы, конститутивно принадлежащіе къ идеѣ теорій, и затѣмъ переходитъ къ дифференцированію этой идеи и вмѣсто изслѣдованія возможности теорій, какъ таковой, изслѣдуетъ уже а priori возможные теоріи.

Именно, на основѣ достаточнаго рѣшенія означенныхъ задачъ, становится возможнымъ опредѣленнымъ образомъ развить изъ чисто категоріальныхъ понятій многообразныя понятія возможныхъ теорій, чистыя «формы» теорій, дѣйствительность которыхъ закономѣрно доказана. Но эти различныя формы не лишены взаимной связи. Найдется извѣстный порядокъ приемовъ, посредствомъ котораго мы будемъ въ состояніи построить возможные формы, обобщать ихъ закономѣрныя связи, а слѣдовательно, также переводить однѣ формы въ другія путемъ варіированія опредѣляющихъ ихъ основныхъ факторовъ и т. д. Намъ откроются, если не вообще, то по крайней мѣрѣ для формъ теорій точно опредѣленнаго рода, общія положенія, которыя въ отграниченной области господствуютъ надъ развитіемъ, связью и превращеніемъ формъ.

Положенія, которыя надлежитъ здѣсь установить, должны, очевидно, обладать инымъ содержаніемъ и характеромъ, чѣмъ

основныя положенія и теоремы теорій второй группы, напр., силлогистическіе законы или арифметическіе и т. д. Но съ другой стороны, само собою ясно, что ихъ дедукція (ибо подлинныхъ основныхъ законовъ здѣсь не можетъ быть) должна исходить исключительно изъ теорій послѣдняго рода.

Это есть послѣдняя и высшая цѣль теоретической науки о теоріи вообще. Она и въ познавательномъ-практическомъ отношеніи не лишена значенія. Напротивъ, включеніе теорій, по ея формѣ, въ опредѣленный классъ можетъ получить величайшее методологическое значеніе. Ибо съ расширеніемъ дедуктивной и теоретической сферы растетъ свободная жизнѣнность теоретическаго изслѣдованія, растетъ богатство и плодотворность методовъ. Такимъ образомъ, разрѣшеніе проблемъ, поставленныхъ въ предѣлахъ теоретической дисциплины или въ предѣлахъ одной изъ ея теорій; иногда можетъ получить весьма сильную методическую помощь отъ уясненія категоріальнаго типа или (что то же самое) формы теорій, а иногда отъ перехода къ болѣе обширной формѣ или классу формъ и ихъ законамъ.

§ 70. *Поясненія къ идее чистаго ученія о многообразіи.*

Эти намеки покажутся, быть можетъ, нѣсколько темными. Что дѣло идетъ тутъ не о смутныхъ фантазіяхъ, а о концепціяхъ съ прочнымъ содержаніемъ, показываешь «формальная математика» въ самомъ общемъ смыслѣ или ученіе о многообразіи, этотъ плодъ высшаго расцвѣта современной математики. И дѣйствительно, это ученіе есть не что иное, какъ частичное осуществленіе только что намѣченнаго идеала. Этимъ, разумеется, еще не сказано, что сами математики, руководимые первоначально интересами области чиселъ и величинъ и ограниченными этими интересами, правильно поняли идеальную сущность новой дисциплины и вообще возвысились до послѣдней абстракціи всеобъемлющаго ученія о теоріяхъ. Предметный коррелятъ понятія возможной, опредѣленной только по своей формѣ теорій, есть понятіе возможной области познанія вообще, подчиненной теоріи такой формы. Но такую область математики (въ своемъ кругу) называетъ многообразіемъ. Это есть, стало быть, область, которая единственно и исключительно опредѣляется тѣмъ, что она подчинена теоріи такой-то формы, г. е., что для ея объектовъ возможны извѣстныя связи, подчиненныя извѣстнымъ

основным законам данной определенной формы (здесь это есть единственно определенное). По своему содержанию эти объекты остаются совершенно неопределенными — математик, чтобы указать на это, охотно говорит об «объектах мышления». Они не определены ни прямо, как индивидуальные или специфические «единичности», ни косвенно своими внутренними видами или родами, а исключительно только формой признанных за ними связей. Эти последние по содержанию так же мало определены, как и их объекты; определена только их форма, и она определяется именно формой элементарных законов, действие которых усматривается в ней. И эти законы определяют, как область, так и построеную теорию или, вкратце, форму теории. В учении о многообразии, напр.,  $+$  есть не знак сложения чисел, а знак такого соединения вообще, к которому применимы законы формы  $a+b=b+a$  и т. д. Многообразие определено тем, что его объекты мышления допускают эти «операции», как и другие, о которых можно доказать, что они а priori совместимы с первыми.

Самая общая идея учения о многообразии состоит в том, чтобы быть наукой, которая определенным образом развивает существенные типы возможных теорий и исследует их закономерные взаимоотношения. Тогда все действительные теории являются специализациями или сингуляризациями соответствующих им форм теорий, как и все теоретически обработанные области познания — отдельными многообразиями. Если в учении о многообразии действительно проведена соответствующая формальная теория, то этим исчерпана вся дедуктивная теоретическая работа построения всех действительных теорий той же формы.

Эта точка зрения имеет величайшее методологическое значение, и без нее нельзя и говорить о понимании математических методов. Не менее важно связанное с переходом к частой форме включение последней в более широкую форму и классы форм. Что именно в этом прием заключается главный источник удивительного методологического искусства математики, показывает не только взгляд на учения о многообразии, которые выросли из обобщений геометрической теории и формы теории, но даже первый и самый простой случай этого рода, расширение реальной области чисел (или соответствующей формы теории, «формальной теории реальных чисел») и превращение ее в

формальную, удвоенную область простых комплексных чисел. И действительно, в этом возвращении лежит ключ к единственно возможному разрешению все еще невыясненной проблемы, на каком основании, напр., в области чисел с невозможными (недействительными) понятиями можно обращаться, как с реальными. Однако, здесь не место подробно развивать это.

Говоря выше о теориях многообразий, возникших из обобщений геометрической теории, я разумел, конечно, учение о многообразиях  $n$  измерений—Эвклидовых и не-Эвклидовых, да же, учение Грассмана о протяжении и родственности, легко отдлимые от всего геометрического, теории В. А. Гамильтона и др. Сюда же относится учение Lie о трансформационных группах, исследования G. Cantor'a о числах и многообразиях и многие другие.

Разсматривая способ, которым, посредством варьирования меры кривизны, совершается взаимный переход между различными видами пространственно-подобных многообразий, философ, изучивший начала теории Римана-Гельмгольца, может составить себе некоторое представление о том, как чистые формы теорий определенно различного типа соединяются между собой закономерными связями. Было бы легко показать, что познание истинного смысла подобных теорий, как чисто категориальных форм теорий, изгоняет всякий метафизический туман и всякую мистику из соответственных математических исследований. Если мы назовем пространством некоторую известную нам форму порядка мира явлений, то, разумеется, противоречно говорить о «пространствах», для которых не имеет значения аксиома о параллельных; противоречно также говорить о различных геометриях, поскольку геометрия есть именно наука о пространстве мира явлений. Но если мы под пространством понимаем категориальную форму мирового пространства, и под геометрией — категориальную теоретическую форму геометрии в обычном смысле, тогда пространство входит в подлежащий закономерному ограничению вид категориально-определенных многообразий, в отношении которого естественно можно говорить о пространстве в более широком смысле. И геометрическая теория тоже входит в соответствующий вид теоретически связанных и чисто категориально определенных форм теорий, которая тогда в соответственном расширенном смысле можно называть «геометриями» этих «пространственных» многообразий. Во всяком

случае учение о «пространствах и измерениях» осуществлять теоретически замкнутую часть учения о теориях в определенном выше смысле. Теория Эвклидова многообразия от трех измерений есть последняя идеальная единичность в этом закономерном связанном ряду априорных и чисто категориальных форм теорий (формальных дедуктивных систем). Само это многообразие есть в отношении «нашего» пространства, т. е. пространства в обычном смысле, соответствующая ему чисто категориальная форма, стало быть, идеальный вид, по отношению к которому наше пространство составляет, так сказать, индивидуальную единичность, а не видовое различие. — Другой грандиозный пример есть учение о комплексных системах чисел, в пределах которой теория «простых» комплексных чисел есть опять таки сингулярная единичность, последнее видовое различие. В отношении соответствующих теорий арифметика совокупности, арифметика порядковых чисел, арифметика *quantité dirigée* и т. п. суть все в известном смысле индивидуальные единичности. Каждой из них соответствует формальная видовая идея, в данном случае учение об абсолютных чистых числах, о реальных числах, о простых комплексных числах и т. д., при чем «число» следует понимать в обобщенно-формальном смысле.

# § 71. Разделение труда. Работа математиков и работа философов.

Таковы, следовательно, проблемы, которые мы причисляем к области чистой или формальной логики в выше определенном смысле, при чем мы придаем ей области наибольший объем, какой вообще совместим с очерченной идеей науки о теории. Значительная часть принадлежащих к ней теорий уже давно конституировалась в вид чистой (в особенности «формальной») математики и обрабатывается математиками наряду с другими, уже не «чистыми» в этом смысле дисциплинами, как геометрия (в качестве науки о «нашем» пространстве), аналитической механики и т. д. И, действительно, природа вещей тут безусловно требует разделения труда. Построение теорий, строгое и методическое разрешение всех формальных проблем навсегда останется специальной областью математика. При этом своеобразные методы и направления исследования предполагаются данными, и они у всех чистых теорий по существу одинаковы. С не-

давних пор даже усовершенствованная силлогистическая теория, которая издавна причислялась к собственной сфере философии, сфер, овладели математики, и в их руках эта, будто бы давно исчерпанная теория испытала небывалое развитие. Ими же были открыты и с чисто математической точностью развиты теории новых видов умозаключений, которых не знала или не понимала традиционная логика. Никто не может запретить математикам предъявлять притязания на все, к чему применимы математическая форма и метод. Только тот, кто не знает современной, в особенности формальной математики, и судит о ней только по Эвклиду и Адаму Ризе, может сохранить общий предвзвездок, будто сущность математического содержится в числах и количествах. Не математик, а философ выходит за естественную сферу своего права, когда он борется против «математизирующих» теорий логики и не хочет вернуть своих временных питомцев их настоящим родителям. Пренебрежение, с которым философы-логики говорят о математических теориях умозаключений, несколько не мешает математической форме их, как и всех строго-развитых теорий (это слово, надо, конечно, тоже брать в настоящем его смысле), быть единственно научной, единственной формой, дающей систематическую законченность и совершенство, и открывающей возможность обозреть всевозможные вопросы и возможные формы их разрешения.

Но если разработка всех подлинных теорий принадлежит к области математика, что же тогда останется философу? Здесь надо обратить внимание на то, что математик на самом деле не есть чистый теоретик, а лишь изобретательный техник, как бы конструктор, который, имея в виду только формальные связи, строит теорию, как произведение технического искусства. Как практический механик конструирует машины, не нуждаясь в законченном ясном знании сущности природы и ее закономерности, так и математик конструирует теории чисел, величин, умозаключений, многообразий, не нуждаясь для этого в окончательном уразумении сущности теории вообще и сущности обуславливающих их понятий и законов. Сходно обстоит дело и во всех «специальных науках». Видь, *πρῶτον τῆ φύσεως* (первое по природе) именно и не есть *πρῶτον τῆς ψυχῆς* (первое для нас). К счастью, не действительное уразумение, а научный инстинкт и метод делают возможной науку в обычном, практически столь плодотворном смысле.

Именно поэтому, наряду с изобретательной и методической работой отдельных наук, направленной больше на практическое выполнение и овладение, чѣмъ на дѣйствительное уразумѣніе, необходима постоянная «познавательная-критическая», составляющая дѣло одного только философа, рефлексія, которая руководится однимъ только чисто теоретическимъ интересомъ и служитъ къ осуществленію правъ послѣдняго. Философское изслѣдованіе предполагаетъ совершенно иные методы и тенденціи и ставитъ себя совершенно инымъ цѣлю. Оно не хочетъ вмѣшиваться въ дѣло специалиста-ислѣдователя, а стремится уразумѣть смыслъ и сущность его дѣйствій въ отношеніи метода и вещи. Философу недостаточно того, что мы ориентируемся въ мірѣ, что мы имѣемъ законы, какъ формулы, по которымъ мы можемъ предсказывать будущее теченіе вещей и возстановливать прошлое; онъ хочетъ привести въ ясность, что такое суть по существу «вещи», «событія», «законы природы» и т. п. И если наука строитъ теоріи для систематическаго осуществленія своихъ проблемъ, то философъ спрашиваетъ, въ чемъ сущность теоріи, что вообще дѣлаетъ возможной теорію и т. п. Лишь философское изслѣдованіе дополняетъ научныя работы естествоиспытателя и математика и завершаетъ чистое и подлинное теоретическое познаніе. *Argis inventiva* спеціальнаго изслѣдователя, и познавательная критика философа суть взаимно дополняющія другъ друга научныя дѣятельности, и только черезъ нихъ обихъ получается полное и цѣльное теоретическое уразумѣніе.

Дальнѣйшія детальныя изслѣдованія для подготовленія нашей дисциплины съ ея философской стороны, впрочемъ, покажутъ, чего не хочетъ и не можетъ давать математикъ, и что тѣмъ не менѣе должно быть сдѣлано.

§ 72. *Расширеніе идеи чистой логики. Чистое ученіе о вѣроятности, какъ чистая теорія опытнаго познанія.*

Понятіе чистой логики, какъ мы его развивали до сихъ поръ, охватываетъ теоретически замкнутый кругъ проблемъ, которыя по существу относятся къ идеѣ теоріи. Поскольку ни одна наука не возможна безъ объясненія изъ основаній, стало быть, безъ теоріи, чистая логика самымъ общимъ образомъ охватываетъ идеальныя условія возможности науки вообще. Но, съ другой стороны, надо принять во вниманіе, что при такомъ пониманіи

логика еще отнюдь не включаетъ въ себя, какъ особый случай, идеальныхъ условій опытной науки вообще. Вопросъ объ этихъ условіяхъ, правда, имѣетъ болѣе ограниченный объемъ; опытная наука есть то же наука и, само собою разумѣется, подчинена, со стороны содержащихся въ ней теорій, законамъ отграниченной выше сферы. Но идеальные законы опредѣляютъ единство опытныхъ наукъ не только въ формѣ законовъ дедуктивнаго единства, какъ и вообще опытныхъ науки нельзя никогда свести къ однимъ только ихъ теоріямъ. «Теоретическая оптика», т. е. математическая теорія оптики не исчерпываетъ науки оптики; математическая механика точно такъ же не исчерпываетъ всей механики и т. д. Но весь сложный аппаратъ прогрессовъ познанія, въ которыхъ вырастаютъ и многократно измѣняются съ прогрессомъ науки теоріи опытныхъ наукъ тоже подчиняется не только эмпирическимъ, но и идеальнымъ законамъ.

Въ опытныхъ наукахъ всякая теорія только предположительна. Она даетъ объясненіе не изъ очевидно достоверныхъ, а лишь изъ очевидно вѣроятныхъ основныхъ законовъ. Такимъ образомъ, сами теоріи обладаютъ только усвоенной вѣроятностью, онѣ суть только предварительныя, а не окончательныя теоріи. Сходное примѣнимъ въ извѣстномъ смыслѣ и къ фактамъ, подлежащимъ теоретическому объясненію. Мы, правда, исходимъ изъ нихъ, они для насъ имѣютъ значеніе данныхъ, и мы хотимъ только «объяснить» ихъ. Но, когда мы переходимъ къ объясняющимъ гипотезамъ, и ищемъ дедукціи и пробѣрокъ—иногда послѣ многократнаго видоизмѣненія—принимая ихъ, какъ вѣроятные законы, то сами факты не остаются неизмѣнными а эволюционируютъ съ прогрессомъ познанія. Посредствомъ прироста познанія въ гипотезахъ, найденныхъ пригодными, мы все глубже вникаемъ въ «истинную сущность» реальнаго бытія, все болѣе исправляемъ наше пониманіе явленій, которое всегда въ болѣе или менѣе степени исполнено противорѣчій. Дѣло въ томъ, что факты первоначально «даны» намъ только въ смыслѣ воспріятія (и сходнымъ образомъ въ смыслѣ воспоминанія). Въ воспріятіи вещи и событія какъ будто сами находятся передъ нами, такъ сказать, безъ преградъ созерцаются и схватываются нами. И что мы здѣсь созерцаемъ, мы высказываемъ въ сужденіяхъ воспріятія: это суть ближайшимъ образомъ «данные факты» науки. Но то «дѣйствительное» фактическое содержаніе, которое мы признаемъ за явленіями воспріятія, эволюционируетъ съ прогрессомъ познанія. И для того, чтобы въ

каждомъ случаѣ опредѣлить, что въ нихъ истиннаго, другими словами, чтобы опредѣлить эмпирическій предметъ познанія, намъ необходимо въ значительномъ (и постоянно расширяющемся) объемѣ научное познаніе законовъ.

Но во всемъ этомъ мы дѣйствуемъ, какъ подчеркнуть Лейбницъ, и притомъ впервые съ полной отчетливостью, не слѣпо, не безъ идеальнаго права. Мы утверждаемъ, что въ каждомъ случаѣ существуетъ лишь одинъ правомѣрный способъ оцѣнки объясняющихъ законовъ и опредѣленія дѣйствительныхъ фактовъ, и притомъ для каждой достигнутой ступени науки. Когда вслѣдствіе притока новыхъ эмпирическихъ инстанцій вѣроятная закономерность или теорія оказывается несостоятельной, мы не заключаемъ изъ этого, что научное обоснованіе этой теоріи было ложнымъ. Въ области прежняго опыта была «единственно правильной» прежняя теорія, въ области расширеннаго опыта таковой является вновь обосновываемая теорія; она есть единственная, которая оправдывается при корректной оцѣнкѣ вѣроятности. Наоборотъ, мы иногда судимъ, что эмпирическая теорія ложно обоснована, хотя, быть можетъ, если развить ее инымъ объективно правомѣрнымъ образомъ, она при данномъ состояніи науки оказывается единственно подходящей. Изъ этого слѣдуетъ, что и въ области эмпирическаго мышленія, въ сферахъ вѣроятностей должны существовать идеальные элементы и законы, въ которыхъ вообще а priori коренится возможность эмпирической науки, познанія вѣроятности реальнаго. Эта сфера чистой закономерности, которая имѣетъ отношеніе не къ идеѣ теоріи и, болѣе общимъ образомъ, къ идеѣ истины, а къ идеѣ эмпирическаго единства объясненія или къ идеѣ вѣроятности, образуетъ вторую великую основу логическаго техническаго ученія и вмѣстѣ съ нимъ принадлежитъ къ области чистой логики въ соотвѣтственно болѣе широкомъ смыслѣ.

Въ дальнѣйшихъ специальныхъ изслѣдованіяхъ мы ограничиваемся болѣе узкой областью, которая, согласно существенному расположенію матеріала, стоитъ на первомъ мѣстѣ.

1918'8.